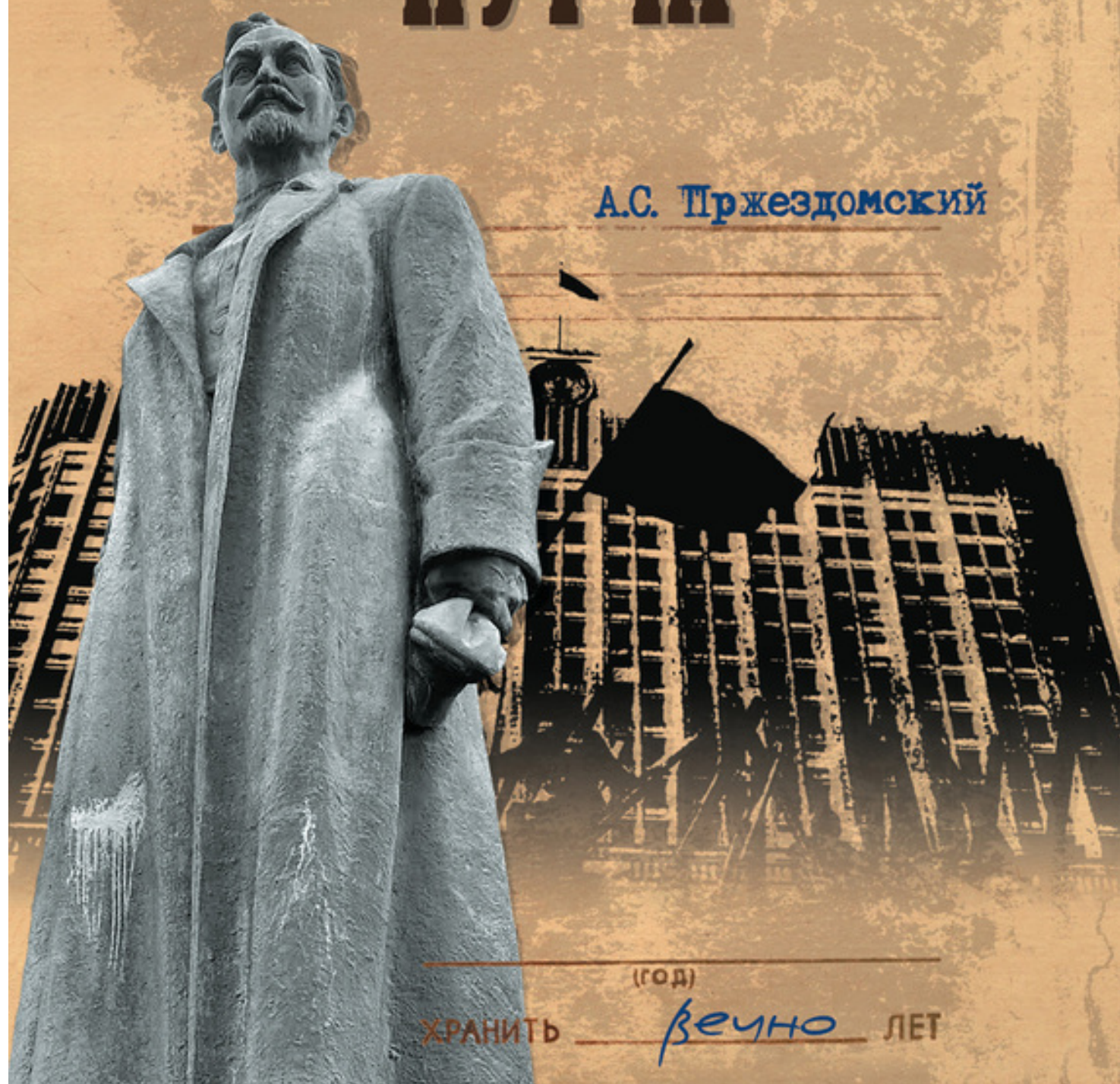

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СЪЯТ

ДЕЛО № 11-006

ЗА КУЛИСАМИ ПУТЧА

А.С. Пржездомский

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Гриф секретности снят

Андрей Пржездомский

**За кулисами путча. Российские
чекисты против развала
органов КГБ в 1991 году**

«ВЕЧЕ»

2011

Пржездомский А. С.

За кулисами путча. Российские чекисты против развала органов КГБ в 1991 году / А. С. Пржездомский — «ВЕЧЕ», 2011 — (Гриф секретности снят)

События, о которых рассказывается в книге, самым серьезным образом повлияли не только на историю нашего государства, но и на жизнь каждого человека, каждой семьи. Произошедшая в августе 1991 года попытка государственного переворота, который, согласно намерениям путчистов, должен был сохранить страну, на самом деле спровоцировала Ельцина и его сторонников на разрушение сложившейся системы власти и ликвидацию КПСС. Достигшее высокого накала противостояние готово было превратиться в полномасштабную гражданскую войну, если бы сотрудники органов безопасности не проявили должной выдержки и самообладания. Зная о тех событиях не понаслышке, автор повествует о том, как одним росчерком пера чекисты могли быть причислены к врагам демократии и стать изгоями в своей стране, о перипетиях становления новой российской спецслужбы, о встречах с разными людьми, о массовых беспорядках в Душанбе — предвестнике грядущих трагедий, о находке бесценного шедевра человечества — «Библии» Гутенберга, о поступках людей в сложных жизненных ситуациях. В книге приводятся подлинные документы того времени, свидетельства очевидцев — главным образом офицеров органов безопасности, сообщается о многих малоизвестных фактах и обстоятельствах. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Пржедомский А. С., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Глава 1. Прелюдия Гражданской войны	7
Глава 2. Госбезопасность: пружина разлома	46
Глава 3. КГБ России: обратный отсчет	71
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Андрей Пржездомский
За кулисами путча. Российские чекисты
против развала органов КГБ в 1991 году

© Пржездомский А.С., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Прелюдия Гражданской войны

25 февраля 1990 года, день.

Душанбе. Книжный магазин.

Он разглядывал книги, лежащие на прилавке, а боковым зрением пытался определить, действительно ли человек, который прохаживается по улице мимо большого окна, уже попался ему сегодня. Пестрая рубашка, коричневый пиджак, тюбетейка – в общем-то, ничего необычного. Лицо человека он не запомнил, поэтому сейчас даже и не пытался всматриваться в него. Но какое-то смутное чувство тревоги подсказывало, что этот подозрительный субъект маячит здесь неспроста.

Он прошел вдоль прилавка, остановился у отдела национальной таджикской литературы. Здесь полки пестрели книгами с непонятными для него названиями. Буквы были русские, за исключением некоторых символов с замысловатыми закорючками, но понять что-либо из этого было невозможно. Впрочем, на прилавке лежало много книг таджикских авторов и на русском языке. Его внимание привлекла одна из них, с ярким национальным орнаментом на обложке: «Голос Азии» Турсун-Заде¹. Он взял ее в руки, стал листать, пытаясь выхватить из текста какие-нибудь интересные моменты.

Кто-то спросил по-русски молоденькую продавщицу о новых поступлениях. Он оторвал глаза от книги и уперся взглядом в застекленную витрину прямо перед собой. Витрина как витрина, ничего особенного. Десятка два книжек из новых поступлений да изречение какого-то таджикского ученого, аккуратно выписанное тушью на прикрепленном посередине кусочке ватманской бумаги. Главное было не в этом. Он совершенно четко, как в зеркале, увидел отражение большого окна и части улицы со снующими взад-вперед прохожими. Человек, который несколько минут назад привлек его внимание, теперь был не один. Рядом с ним вполоборота стоял низкорослый крепыш в куртке. В отражении витрины было очень четко видно, как эти двое о чем-то переговариваются и... смотрят на него. Потом крепыш кивнул головой и тот, в тюбетейке, быстро зашагал на другую сторону улицы, к стоящей у тротуара «Волге», в салоне которой угадывалось несколько пассажиров. Через мгновение машина резко тронулась с места и исчезла. Теперь крепыш, так же как и его предшественник, стал прогуливаться, то и дело заглядывая в окно книжного магазина, как будто проверяя, где его подопечный.

«Точно. Уже никаких сомнений нет. Они следят за мной. Я сделал все правильно. Теперь задача состоит в том, чтобы оторваться от них и встретиться с Вячеславом. Если это удастся, смогу отсюда выбраться – а если нет?..»

О том, что будет, если не получится оторваться от преследователей, ему думать не хотелось. Он слишком хорошо понимал, какую цену должен будет заплатить за свою осведомленность об организаторах массовых беспорядков в Душанбе. Ведь именно для этого он, Андрей Петрович Орлов, майор Комитета государственной безопасности, прибыл сюда из Москвы, имея секретное поручение лично от начальника Инспекторского управления КГБ СССР² генерал-лейтенанта Толкунова.

ИНФОРМАЦИЯ: «Это управление – одно из стержневых подразделений Центра, кузница первых руководителей для территориальных органов.

В КГБ СССР Инспекторское по числу сотрудников было, наверное, самым маленьким управлением центрального аппарата КГБ. Зато по своему положению – самое значимое, наделенное большими правами проверки, контроля, кураторства

---

¹ Турсун-Заде Мирзо (1911–1977) – выдающийся таджикский поэт.

² КГБ СССР – Комитет государственной безопасности СССР.

и оказания помощи органам на местах. Вроде Генштаба и скорой помощи одновременно.

Естественно, самое привилегированное в системе госбезопасности. Там служат умные, образованные сотрудники, с большим стажем оперативной и руководящей работы. В Инспекторское отбирали лучших из лучших!» (А.Ф. Яровой³. «Прощай, КГБ». Москва, 2001 год).

Напутствуя Орлова перед дорогой, Сергей Васильевич Толкунов говорил:

– Андрей Петрович! Миссия, которую я вам поручаю, небезопасна. Но, скажу по правде, я затрудняюсь по разным причинам сейчас поручить это задание кому-либо другому. Мне кажется, что у вас получится... Я все согласовал с Председателем⁴, поэтому вы можете быть уверены в полной поддержке руководства Комитета. Главное – выяснить, кто конкретно имел отношение к организации беспорядков. Делайте это осторожно, но уверенно. По пустякам не рискуйте... Имейте в виду, что об этом моем поручении не должен знать никто. Для всех без исключения – вы едете в Душанбе для обобщения к заседанию Коллегии информации о действиях отрядов самообороны и подготовки обзора...

Так оно и было. Отправляясь в командировку четыре дня назад, Орлов сказал сослуживцам, что едет изучать, как душанбинские ополченцы противостояли разнузданной толпе бандитов, пытавшихся захватить власть в городе. Примерно это же он сказал и жене.

Потом был самолет, который перенес Орлова из заснеженной Москвы в уже наполненный весенними запахами Душанбе, потом встречи, беседы, работа с документами, поездки по городу вместе с бойцами спецподразделения по борьбе с террором. И, конечно же, встречи с теми, кто мог пролить свет на закулисную сторону событий, выявить причинно-следственную связь массовых беспорядков, в ходе которых погибли двадцать три человека и были ранены сотни жителей таджикской столицы.

Орлов еще раз посмотрел в отражение витрины, потом положил книгу на место и стал медленно продвигаться в глубь торгового зала, лихорадочно думая о том, каким образом он сможет оторваться от наружного наблюдения.

«Если я выйду на улицу, то вряд ли смогу ускользнуть из-под их контроля, – рассуждал он. – Города я практически не знаю, и им будет довольно легко загнать меня в какой-нибудь тупик, а там... – Андрей поморщился. Думать о том, что может с ним произойти, не хотелось. – В гостиницу идти нельзя. Скорее всего меня там уже ждут. Надо незамедлительно искать выход из создавшегося положения. Но как? Что делать? Как связаться с Вячеславом и передать ему, что я в опасности?»

Орлов еще в Москве проработал возможный вариант кратковременного «залегания на грунт». Он наизусть помнил номер телефона и домашний адрес одного из сотрудников контрразведки, работавшего «под крышей»⁵ в Министерстве внутренних дел республики, уже пару раз встретился с Вячеславом во время официальных бесед и условился с ним о том, что в случае опасности позвонит по телефону и скажет: «Я буду через полчаса». Это будет означать, что Андрей в опасности и просит укрыть его на определенное время. В таком случае Вячеслав должен подъехать на своей машине к перекрестку улицы Кирова и 1-го проезда Красных Партизан, забрать Орлова и, убедившись, что нет слежки, направиться домой, в один из пригородных районов города.

---

³ Яровой А.Ф. – старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР, писатель, журналист.

⁴ Председатель КГБ СССР В.А. Крючков.

⁵ Работа «под крышей» – форма работы сотрудников органов госбезопасности, прикомандированных к соответствующим министерствам и ведомствам.

Человек за окном – теперь Орлов это видел отчетливо – кому-то махнул рукой и вскоре оказался в обществе громилы, который держал руки в карманах и нетерпеливо поглядывал на входную дверь книжного магазина. На Орлова они не смотрели, уверенные, что теперь-то он никуда не денется и скоро выйдет со своими покупками на улицу.

«Выход надо искать здесь! Там будет уже поздно! – решил Андрей и стал обшаривать глазами помещение торгового зала. – Здесь обязательно должен быть другой выход, служебный. Хорошо бы по нему выбраться во двор, затем на другую улицу, а там...»

В углу, где имелся проход между прилавками, виднелась полуприкрытая дверь с наклеенным на нее красочным календарем и большой цветной репродукцией Гиссарской крепости⁶. Рядом сидела продавщица и увлеченно, нисколько не обращая внимания на покупателей, читала какой-то журнал.

«Вот это-то мне и надо. Может быть, это единственный мой выход». – Андрей, не особенно раздумывая, сделал шаг к двери.

– Вы куда? – прервав чтение, вдруг спросила черноволосая девушка, подняв красивые раскосые глаза на Андрея. – Туда нельзя. Это служебный вход.

– Да я, собственно, к директору! – Орлов сказал первое, что пришло ему в голову. – Я насчет заказа...

– А! Ну проходите! Директор в своем кабинете. По коридору и направо, последняя дверь.

– Да я знаю! – Андрей торопливо открыл дверь и оказался в сумрачном длинном коридоре, заставленном коробками и большими рулонами упаковочной бумаги.

«Так, теперь нельзя терять ни минуты! – подгонял он себя. – Если они увидят, что меня уже нет в торговом зале, то сразу все поймут, и тогда мне, конечно, уже от них не уйти».

Он быстро прошел в конец коридора, мельком прочитав таблички на дверях: «Бухгалтер», «Товаровед», «Директор». Стучаться в последнюю дверь, само собой разумеется, не стал, а, наоборот, бросился в другую сторону, интуитивно чувствуя, что именно где-то там должен быть выход во двор.

Неожиданно в коридор выплыла полная женщина в вязаной кофте. Она с удивлением посмотрела на Андрея, но, ничего не сказав, распахнула дверь в торговый зал и прокричала туда:

– Мунавар, тебя зовет директор!

На пороге показалась та самая черноволосая красавица, которая читала журнал и разрешила Орлову пройти к директору. Он понял, что сейчас может быть разоблачен и поспешил в противоположенный конец коридора. К его счастью, именно там и оказалась заветная дверь, толкнув которую Андрей сначала оказался в каком-то подсобном помещении, а затем и в самом дворе.

Первое, что Орлов сделал, так это быстро осмотрелся и сразу же оценил обстановку. За углом четырехэтажного дома виднелись железные ворота, которые, вероятно, и выходили на улицу со стороны фасада магазина. Туда было нельзя. Там его ждали. Нужно искать выход где-то в другом месте. Во дворе стоял крытый фургон, из которого двое парней выгружали аккуратные прямоугольные свертки, перетянутые веревкой. Они носили их в кирпичную пристройку, примыкающую к зданию, которая, по-видимому, была складом. Между стеной пристройки и высоким деревянным забором виднелся узкий проход. Не долго думая, Орлов сначала медленно, как бы нехотя, а затем все быстрее и быстрее устремился туда. Внутренне весь сжавшись от напряжения, он молил бога о том, чтобы проход оказался не заваленным мусором тупиком, а выходом на другую улицу или, по крайней мере, путем в другой двор. Он слышал голоса позади себя, скрип открывающейся двери, приглушенные звуки проезжающих автома-

---

⁶ Гиссарская крепость – старинное фортификационное сооружение XVI–XVIII веков, бывшая резиденция наместника бухарского эмира в поселке Гиссар в Таджикистане.

шин, но все его внимание было сконцентрировано только на одном: как выбраться из этой западни. Ведь в любую минуту те, из «наружки»⁷, могли заметить исчезновение Орлова и броситься его искать.

Дойдя до конца, Орлов уперся в деревянную дверь дома, стоящего позади склада. «Только бы она была открыта! Только бы открыта!» – стучало в его мозг. Эта дверь казалась ему теперь настоящим спасением. Вся поцарапанная, с ржавой металлической ручкой и таким же ржавым замком, в этот миг она представлялась ему вратами рая. «Только бы была открыта!..»

С волнением взявшись за ручку, Орлов сильно потянул дверь на себя, а она неожиданно легко подалась, обнажая перед ним вход в какое-то захламленное помещение. Повсюду лежали доски разной длины, у стены стояли большие железные бочки и алюминиевые бидоны. Только оказавшись здесь, Орлов первый раз обернулся, но ничего не увидел, кроме забора и края склада, стена которого загораживала двор. Пока – никаких преследователей.

Орлов прошел через все помещение, миновал второе, затем третье, не встретив ни одного человека. Похоже, он попал в подсобки какого-то магазина, расположенного рядом с книжным. Но то ли был уже обеденный перерыв, то ли работники магазина ушли на какое-либо совещание – во всяком случае, судьба благоприятствовала Андрею и он, поплутав немного, нашел наконец заветный выход.

Выбравшись из здания, Орлов оказался на тротуаре улицы, которая пролежала параллельно той, где его ждали. Здесь было потише, не ездили троллейбусы и было совсем мало пешеходов. Андрей осмотрелся. На другой стороне улицы стояли трое молодых людей с портфелями. Они о чем-то оживленно беседовали и в представлении Орлова совсем не походили на сотрудников «наружки». «Да просто студенты или учащиеся какого-нибудь техникума», – подумал он.

Рядом, еле передвигая ногами, плелся старик с авоськой в руках, чуть дальше шла молодая женщина с ребенком.

«Кажется, я оторвался. Теперь нельзя терять ни минуты!» – решил Орлов и быстро зашагал в сторону видневшегося вдали перекрестка.

25 февраля 1990 года, день.

Душанбе. Центр города. Административное здание

– Хайдар! Алло, Хайдар, ты слышишь меня? Мы уточнили. «Москвич» встречался с Садыковым...

– А что, Садыков, думаешь, сказал...

– Я не думаю. Я знаю. Садыков был тогда...

– Ладно! А с кем еще?

– С Чульпаевым и с этим... Как его... Который работает в политехническом институте...

– Павлов?

– Да, да!

– А куда же вы смотрели? Вы что, не могли помешать?

– Как помешаешь, Хайдар? Он ведь на комитетской машине был. С ним еще этот особист⁸ все время ходит!

– Да, плохо дело! Хозяин нам этого не простит! Ты меня понял?

– Как не понять!

– А сейчас где москвич, в гостинице?

---

⁷ «Наружка» – на сленге сотрудников органов безопасности – комплекс мероприятий по скрытому наблюдению (слежке) за лицами, представляющими оперативный интерес.

⁸ Особист (*прост.*) – сотрудник военной контрразведки.

– Нет. Он туда не доехал. Отпустил водителя на углу Свириденко. Сказал, что хочет пройти по книжным магазинам. Мы его ждали, правда, в цековской⁹. Там уже все готово было...

– Ладно, потом расскажешь! Сейчас он где?

– Москвич?

– Ну кто же еще!

– Наши его водят по городу. Наверное, скоро будет в гостинице.

– Хорошо. Продолжайте работать. Держи меня в курсе. Все понял?

– Понял, понял, Хайдар!

– И не упустите его!

– Да ты что, Хайдар! Работают профессионалы!

– Смотри! Ладно, пока!

– Пока!

Оба говоривших по телефону одновременно положили трубки, один – в большом светлом кабинете, из которого открывался вид на одну из центральных улиц города, другой – в полуподвальном помещении с плотно зашторенными окнами. Один был крупным чиновником республиканского уровня, другой – руководителем боевого отряда гармской¹⁰ криминальной группировки.

25 февраля 1990 года, день.

Душанбе. Центр города.

Орлов уже полтора часа ездил на автобусе по улицам Душанбе и только сейчас оценил, насколько оказался предусмотрительным, когда накануне командировки в течение двух часов изучал карту таджикской столицы. Собственно говоря, делал он это по собственной инициативе, чувствуя, что хотя бы примерное знание планировки ему может понадобиться в совершенно незнакомом для него городе. Сын офицера, он с детских лет не только хорошо разбирался в топографии, но и испытывал удовольствие от того, что так хорошо ориентировался в незнакомом городе или новой для него местности, элементарно находил дорогу по карте или плану. Приезжая куда-нибудь впервые – в командировку или в отпуск, он всегда покупал книги по краеведению и карты. Дома у него скопился целый картографический архив, по которому можно было не только проследить географию путешествий, но и составить представление о том или ином регионе страны.

Вот и сейчас, стараясь оторваться от возможного скрытного наблюдения, Орлов уже третий раз пересаживался на новый автобусный маршрут, но несмотря на это, не потерял ориентировки. Он то удалялся от места предстоящей встречи с Вячеславом и оказывался на окраине Душанбе, то снова приближался к нему. Очередной раз выйдя из автобуса где-то в районе улицы Карамова, он позвонил Вячеславу из телефонной будки, сказал условную фразу и тут же повесил трубку. Если его начали уже искать, а в этом Орлов не сомневался, то разговор могли засечь. У него оставалось полчаса до встречи, которая должна была состояться в центре, в общем-то совсем недалеко от того места, где удалось оторваться от преследователей. А это было небезопасно. Поэтому Андрей старался точно рассчитать время, чтобы подъехать к перекрестку улицы Кирова и 1-го проезда Красных Партизан тогда, когда темно-зеленые «Жигули» Вячеслава уже будут ждать его.

«Жигули» Орлов увидел еще из окна автобуса, когда пересекал перекресток. Машина стояла у тротуара рядом с магазином «Ветеран» прямо напротив кинотеатра «Памир». Там находилось еще несколько легковых автомобилей.

---

⁹ Имеется в виду гостиница ЦК Коммунистической партии Таджикской ССР.

¹⁰ Гармская криминальная группировка – неформальное объединение преступных сообществ на востоке Таджикистана.

Андрей вышел на тротуар через заднюю дверь автобуса, пропустив вперед женщину с тяжелой сумкой и офицера внутренних войск в теплой форменной куртке, и двинулся в сторону стоящей автомашины. Когда до нее оставалось уже каких-нибудь тридцать шагов, он еще раз бросил взгляд на улицу, на проходящих мимо пешеходов, скользнул взглядом по окнам стоящего рядом дома и, не заметив ничего настораживающего, быстрым шагом направился к «Жигулям».

– Привет! – Вячеслав, улыбаясь, протянул руку Орлову. – Я жду тебя уже минут двадцать. Даже беспокоиться стал.

– Да я тут немножко покатался на ваших автобусах, посмотрел город...

– Понятно. Ну что, едем? Уверен, что ушел?

– Да, вроде.

– Сейчас проверим.

Они колесили по улицам Душанбе до темноты, пока не зажглись уцелевшие после побоищ фонари, озарив своим тусклым светом дома и улицы.

– Город у нас красивый, много памятников... Видишь, – кивком указал Вячеслав, когда они остановились у светофора, – это памятник Рудаки.

Андрей с трудом рассмотрел на слабо освещенной площади изваяние старца с посохом, возвышающееся на прямоугольном пьедестале. Включился зеленый свет, отбросив слабый отблеск на стекло машины. Вячеслав включил передачу, и они тронулись с места.

– А кто он, Рудаки?

– Таджикский поэт. Абдулах Джафар Рудаки. Таджики его очень ценят, вроде как основателя своей поэзии. А ты уверен, что они не видели, как ты звонил по телефону? – без всякого перехода спросил Вячеслав.

– Уверен. Я ведь от них оторвался в книжном... Все несколько раз проверил. Да еще полтора часа мотался по городу на автобусах. Нет, думаю, не засекали.

– Ну хорошо! Будем надеяться. Едем домой?

– Едем! – Андрей внимательно бросил взгляд на Вячеслава, всматривающегося в полумрак улицы, пытаясь понять, что думает этот еще три дня назад совершенно незнакомый ему человек. Им обоим было понятно, чем они рискуют. Но если Андрей рисковал сам, то Вячеслав, приглашая Орлова домой, «втягивал» в полосу риска еще и свою семью. Вполне вероятно, что те, кто преследовал Орлова, ставили перед собой цель устранить его, во что бы то ни стало. И в этом случае для них вряд ли могли явиться помехой Вячеслав и его близкие.

В одиннадцатом часу они заехали во двор между двумя панельными девятиэтажками. Вячеслав развернул «Жигули» и, подав назад, поставил ее между деревьями, рядом с другими легковушками. Орлов, внимательно всматриваясь в темноту, не без опаски вышел из машины. На улицы не видно было ни души. Да и окон в обоих домах светило не так уж много. То ли жители предпочитали рано ложиться спать, то ли вообще не ночевали дома, а уезжали куда-то за город к знакомым или родственникам. Понять это можно. Ведь минуло всего лишь чуть больше недели после того, как в городе прошли кровавые столкновения между бесчинствующими молодчиками и силами правопорядка. Еще не вставлены стекла в витрины магазинов, подвергшихся нападению мародеров. Еще не устранены следы пожара в правом крыле здания ЦК на площади Путовского. Еще не прошел страх жителей, вздрагивающих при каждом ночном шуме и шорохе.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Начался беспредел. Но только после того, как на этом митинге были убиты невинные люди. И если бы из Москвы не прислали спецназ, группу «Альфа», если бы Москва не ввела танки – то я не знаю, чем бы все закончилось. Слава богу, что тогда удалось это остановить.

Ведь что такое был Душанбе в 1990 году? Маленький Париж. Половина населения – таджики, другая половина – русские, евреи, узбеки, татары... На одной свадьбе могли говорить по-таджикски, по-узбекски, по-русски... Это был интернациональный город, и каждый, кто приезжал из кишлака в Душанбе, становился городским жителем... И когда после февраля русскоязычные стали уезжать – а это были лучшие, самые образованные люди, – то их отъезд стал страшным ударом, от которого Душанбе до сих пор не оправился» (*Воспоминание очевидца. Сайт «Фергана. news», 22 февраля 2010 года*).

На улицах Душанбе, особенно в тех кварталах, которые подверглись нападению бандитов, еще дежурили посты самообороны, сформированные из рабочих промышленных предприятий и комсомольских оперативных отрядов. Во дворах стояли вагончики, из которых осуществлялось руководство отрядами ополченцев, а подступы к некоторым кварталам были забаррикадированы металлическими конструкциями и цементными плитами.

25 февраля 1990 года, вечер.

Окраина Душанбе

Квартира у Вячеслава была небольшая, но чистенькая и уютная. Его жена Валя, тихая женщина с усталой улыбкой, тактично оставила мужа и гостя одних на кухне, разложила и застелила свежим постельным бельем массивное кресло-кровать в большой комнате и ушла в другую, где уже спали тринадцатилетняя дочь и пятилетний сынишка. На кухонном столе рядом с початой бутылкой «Столичной» стояла сковородка с румяной жареной картошкой и большими кусками мяса, чуть поодаль – миска с солеными огурцами в рассоле. Краюхи мягкого и душистого черного хлеба были аппетитно сложены горкой на миниатюрном подносе, украшенном по краям ярким витиеватым орнаментом.

– Ну что, Андрей Петрович, давай еще по одной!

– Давай! За что?

– А за то, чтобы у тебя все было удачно и чтобы ты благополучно...

– Нет, извини, – Орлов внимательно посмотрел на Вячеслава, держащего наполненную до краев стопку. – Знаешь, давай за тех, кто в любой ситуации готов прийти на помощь и протянуть руку. Это дорогого стоит.

– Да, за дружбу!

Они разом выпили и, потянувшись одновременно за одним соленым огурцом, рассмеялись.

У Орлова только сейчас наконец спали напряжение и усталость, которые копились все эти дни. В голову ударил хмель, все стало слегка размытым, нечетким.

– Ты понимаешь, Слава, мне абсолютно ясно теперь, кто стоял за всем этим. Ты же знаешь не хуже меня, что тринадцатого не было никаких политических лозунгов. Политики в первый день не было. Эти бандиты, накурившиеся анаши¹¹, громили магазины, избивали прохожих, насиловали женщин... Не давали работать «скорой помощи», разбили четыре машины, в которых находились врачи...

– Подожди! Ну как политики не было! А то, что толпа была сплошь одета в халаты и тюбетейки, это – не политика?

– Ты хочешь сказать, что это было выступление националистов?

– Конечно! Это ясно, как божий день! Ведь и комитет этот, который они образовали на следующий день, чисто националистический¹². Там из всей семерки шестеро...

---

¹¹ Анаша – сленговое название марихуаны, сильно действующего наркотика.

¹² Имеется в виду т. н. «Комитет 17-ти», образованный оппозиционными деятелями Таджикистана в дни массовых бес-

– Знаю, знаю! Но причем здесь это! В комитет вошли председатель Госплана Каримов, министр культуры Табаров, газетчик этот... Как его?

– Мухаббатшоев.

– Да. Я уверен, что они все – подставные люди. Дирижеры сидели в другом месте.

– Конечно! Иначе почему на второй день на площадь пришли совсем иные люди? Никаких погромов, никаких наркотиков! Ни одного пьяного! Ты же видел пленку «наружки» – солидные мужики без уголовно-погромных замашек... Ты встречался с этим подполковником?

– Встречался. И он мне многое рассказал. И о Латифи, и о Хувайдуллаеве, и о роли руководства МВД во всем этом...

– Ты же знаешь, Хабибов, начальник политотдела МВД, тоже был в составе комитета.

– Знаю.

– А как Латифи, зампред Совмина, угрожал: «Если не отпустите задержанных из следственных изоляторов КГБ и МВД, будет много крови».

– Дело, я думаю, в том, что четырнадцатого исполнители вынуждены были сбросить маску. Что орали там, на площади! «Да здравствует исламская республика Таджикистан!», «Власть – Временному комитету!»...

– Андрей, ты же понимаешь, что, если бы не воздушные десантники и пограничники, здесь уже была бы другая власть. Я даже не имею в виду смену Махкамова¹³. Сейчас хотят все списать на уголовников и мафию, а истинных организаторов скрыть...

– Да, я встречался с Мурадом и с этим... Ну как его? Уголовный авторитет из 8-го микрорайона...

– Юсуф?

– Да, с Юсуфом. Так он меня заверил, что ни «воры в законе», ни одна преступная группировка в городе не имели отношения к событиям. Правда, как он сказал мне, «когда все началось, ребята немного порезвились». Но и для них вся эта заваруха была неожиданной. Да и в условиях чрезвычайного положения, думаю, им тоже было не сладко.

– А он знает, кто все организовывал и направлял?

– Думаю, что знает. Но говорить об этом не захотел. Сказал, что это его не касается, в политику он, мол, не лезет. «Ищите у себя!» Развивать эту мысль он не стал.

– А где у себя? Он же знал, что ты из Комитета¹⁴?

– Знал конечно.

– Так это означает, что...

– Сам понимаешь.

– Тогда ясно, что твой визит не на шутку кое-кого встревожил.

– Я это уже почувствовал на своей шкуре. За мной работали профессионально. Так умеют работать только у нас в КГБ.

СООБЩЕНИЕ: «Первый президент Таджикистана Каххор Махкамов впервые за 20 лет поделился со СМИ своим видением причин произошедших 12–14 февраля 1990 года беспорядков в Душанбе, повлекших человеческие жертвы... Махкамов в интервью персидской службе ВВС¹⁵ заявил, что к этим событиям «причастны и некоторые руководители КГБ»...

Как отметил в беседе Махкамов, в те дни... несколько семей из Армении, которые пострадали от землетрясения в Спитаке, прибыли в Душанбе к своим родствен-

---

порядков.

¹³ Махкамов К.М. – таджикский государственный деятель, в 1990 году – первый секретарь ЦК Компартии Таджикской ССР, первый президент республики.

¹⁴ Имеется в виду КГБ СССР.

¹⁵ ВВС (сокращение от англ. British Broadcasting Corporation) – корпорация радио- и телевидения Великобритании.

никам. «Но квартиры им не были выделены, да и вопрос такой не стоял... Но люди, которые стремились к власти, усиленно распускали слухи о том, что власти предоставили беженцам из Армении жилье, и народ вышел на улицы. Ни одна из спецслужб в те дни не сообщала мне о возможном событии. Только после удалось узнать, что представители группы, которая стремилась к власти, смогли заручиться поддержкой среди высокопоставленных сотрудников КГБ... Беду для нашего народа принесли те, кто стремился к власти», – отметил Махкамов, который в тот период являлся президентом Таджикистана и первым секретарем ЦК КП¹⁶ Таджикистана. Он отметил, что «года через полтора эти люди все же захватили власть в 1992 году, но даже не смогли ее удержать» (*Информационное агентство «Регнум», 10 февраля 2011 года*).

– Ладно, Андрей! – Вячеслав наполнил стопки до самых краев, так что поднять их было не пролив почти невозможно. – Давай выпьем за то, чтобы... Чтоб им пусто было!

Они разом опрокинули стопки, закусили и несколько минут сидели молча, с тревогой думая каждый о своем: Орлов – о том, как завтра ему придется объяснять свое неожиданное исчезновение первому заместителю председателя Комитета республики, а Вячеслав – о том, что его семью неизбежно ждут здесь очень тяжелые времена и пора уже всерьез подумать об отъезде в Россию.

– Я чувствую, что это лишь начало. То, что прорвалось здесь, в Душанбе, завтра может охватить всю Среднюю Азию. Да что там Среднюю Азию! Ты же знаешь: Карабах, Фергана, Баку, Сумгаит, Тбилиси¹⁷... Кто на очереди? Чечено-Ингушетия? Карачаево-Черкесия? Дагестан?

– Все правильно, Андрей. У меня тоже ощущение, что скоро исламские националисты зашевелиятся и на других территориях. А вы там, в Москве, объясняете все просто: мол, поспорили на рынке из-за арбузов и дынь...

– Ты об объяснениях Нишанова?¹⁸ Бред, конечно! Это говорит, что наверху, – Орлов сделал жест рукой, указав куда-то в потолок, – ни черта не понимают...

– Не хотят понимать! – перебил его Вячеслав.

– Ну, может быть, не хотят! Наверное, так!

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Все, кто пережил эту трагедию, помнят, что оппозиционеры выступали под лозунгами создания исламского государства. Они избili несколько таджиков, которые шли по улице в европейской одежде...

Вряд ли эти столкновения были спровоцированы агентами КГБ. Пройдет еще немного времени, президентом станет Набиев¹⁹, и в Душанбе автобусами будут привозить жителей из дальних и ближних кишлаков на митинги... неужели в защиту демократии? Нет, оппозиция на этих митингах провозглашала лозунги о построении исламского государства. И что, в феврале 1990 года КГБ и Кремль тоже «подыгрывали» оппозиции? Москве было выгодно построение у границ СССР исламского государства? Не думаю. Скорее всего, высокопоставленные чины в силовых структурах СССР предпочитали вообще не думать об этом регионе...» (*Воспоминание очевидца. Сайт «Фергана news», 1 марта 2010 года*)

---

¹⁶ ЦК КП (сокр.) – Центральный комитет Коммунистической партии.

¹⁷ По этим регионам в конце 1980-х – начале 1990-х годов прокатилась волна массовых беспорядков и кровавых столкновений.

¹⁸ Нишанов Р.Н. (р. 1926) – Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР в 1989–1991 годах.

¹⁹ Набиев Р.Н. (1930–1993) – Президент Таджикистана в 1991–1992 годах.

Они сидели на кухне за небольшим столом, вплотную придвинутом к старенькому серванту. Здесь была обычная, стандартная почти для каждой советской семьи обстановка. Газовая плита на четыре конфорки, холодильник и рабочий стол, уставленный посудой, полки, рядом повешенные на стене, высокая колонка и сервант – вот, собственно, и все. За окном, завешенным цветастыми шторами, стояла уже глубокая ночь. Дом спал. Спали и домочадцы Вячеслава. Тишину нарушало мерное тиканье ходиков с покрашенными серебрянкой гириями на цепочках да приглушенный разговор двух мужчин, понимающих друг друга с полуслова.

Они немного помолчали. Орлов, в который раз извинившись, закурил. Потом, будто вспомнив о чем-то, спросил:

– Я позвоню в Москву? А то, наверное, жена там с ума сходит. Мы с ней созваниваемся каждый день. Я всего два слова...

– Да звони, Андрей, пожалуйста... Сколько нужно! Телефон вон там, в комнате. Пойдем, покажу. – Вячеслав встал и, приглашая за собой гостя, пошел в большую комнату, зажег свет и указал на аппарат, стоящий на журнальном столике, покрытом ажурной белой салфеткой с бахромой.

Андрей устроился в кресле перед столиком и стал набирать номер. Сначала Москва была занята, и только на четвертый раз в трубке, наконец раздался протяжный гудок. Мельком взглянув на часы, он только успел подумать, что в Москве-то уже первый час ночи, как трубку на том конце подняли, как будто только и ждали его звонка.

– Алло, – прозвучал тихий голос жены. – Андрюша, это ты?

– Я, Оль!

– Что ж ты не позвонил раньше?

– Я не мог, Оля. Не получилось...

– А я звоню тебе в гостиницу, а тебя все нет и нет. У тебя все в порядке? Я что-то очень волнуюсь.

– Да, все в порядке, Оль. – У Андрея пересохло в горле. Он запнулся, но совладал с собой, сделал паузу и продолжил буднично: – Я просто тут встретился с товарищем и заехал к нему в гости. Вот, видишь, засиделся за полночь. У нас-то тут уже скоро четыре утра...

– Что-то вы там загуляли совсем.

– Да опрокинули тут пару рюмочек, выпили за тебя...

– Спасибо. А у тебя все в порядке?

– Оль, да что у меня может быть не в порядке? Все нормально. Поработал. Посмотрел город. Купил несколько книг, открытки... А как там Нина, Сережа, как бабушка?

– Да у нас тоже все в порядке. Ничего не изменилось со вчерашнего дня. Бабушка спрашивала, когда ты приедешь...

На том конце трубки раздалась щелчка, затем тишина. Было похоже, что связь прервалась.

– Алло! Алло! Оль! Оля, ты слышишь меня? – крикнул Орлов в трубку, прикрывая рот рукой. – Ты слышишь...

– Я слышу, слышу тебя! – раздался голос жены. – Андрюшка, приезжай скорей! А то мне очень скучно без тебя. Я даже не могу заснуть.

– Олечка, голубчик! Да я же завтра... Нет, уже сегодня, – поправился Орлов, – приеду! Уже билеты есть! Не скучай, до вечера!

– Уже сегодня? – переспросила жена. – Я тебя очень жду. Будь там осторожнее!

– Хорошо, Оль. Я заканчиваю. Пока! До встречи!

– До встречи!

Орлов не стал дожидаться, пока жена положит трубку, и положил ее первый. Его охватило острое чувство вины. Он представил, как Оля, не находя себе места, все ждала и ждала звонка от него. А он, даже когда это стало возможным, не удосужился сразу ей позвонить. Они

сидели тут с Вячеславом, пили и ели, говорили о том о сем, а она там... От досады на самого себя Андрею сильно захотелось закурить. Он взял изрядно помятую пачку «Явы» и, глубоко затягиваясь, закурил. Это была, наверное, уже вторая пачка за сегодняшний день. Даже за одну эту ночь, которую он провел на квартире Вячеслава, стеклянная банка, используемая им как пепельница, была заполнена окурками наполовину.

Они посидели еще с полчаса, уже устав от разговоров, захмелев от водки и разомлев от кухонной духоты. За окном было еще темно, но уже ощущалось приближение утра – где-то хлопали двери и начинал тарыхтеть автомобильный мотор, слышались приглушенные голоса.

– Давай подремлем хоть пару часов, – предложил Вячеслав. – Ложись! Я разбужу тебя... – он посмотрел на часы, – ровно в семь.

Орлов выкурил сигарету, но не испытал от этого никакого удовольствия. Затем разделся и прилег на кресло-кровать. Хотя во всем теле чувствовалась вялость, а голова казалась тяжелой и немного замутненной, спать не хотелось. То ли долгожданный сон, не наступив вовремя, теперь уже не хотел заключать Андрея в свои объятия, то ли нервы, до сих пор сжатые в упругую пружину, теперь никак не желали расслабиться и погрузиться в долгожданную истому. Он лежал и думал о том, что в Москве совершенно не представлял себе сложности той миссии, которую ему надлежало выполнить здесь. Когда начальник управления, напутствуя его, сказал: «по пустякам не рискуйте», Орлов не придавал серьезного значения словам генерала, посчитав их обычной данью наставления старшего и опытного человека молодому и «необстрелянному» сотруднику.

Ночь с 25 на 26 февраля 1990 года.

Москва. Крылатское

Оля сидела в комнате у телефона. Ночной звонок не разбудил ее, потому что она еще и не ложилась спать. Ей казалось, что она ждала этот звонок очень долго. Ведь они созванивались с Андреем почти каждый день. Так повелось уже давно: когда он уезжал в командировки, они договаривались, что он сразу, как приедет, звонит в Москву и сообщает жене свой номер телефона в гостинице. Либо он ей, либо она сама звонила ему, но они обязательно разговаривали друг с другом. О чем? Это было совершенно несущественно. И для нее, и для него было важно только услышать голос любимого человека и знать, что с ним все в порядке. Если он не был уверен, что сможет позвонить, то обязательно предупреждал об этом. И вот теперь...

Ей вообще с самого начала не нравилась эта его командировка. Во-первых: она была совершенно неожиданной. Андрей просто пришел с работы и сказал, что через два дня едет в Среднюю Азию. А в это время – скупые газетные сообщения о событиях в Душанбе: «вспышка беспорядков», «введены чрезвычайное положение и комендантский час», «толпа била витрины магазинов, жгла газетные киоски, автобусы и троллейбусы», «милиция вынуждена была применить слезоточивый газ и огнестрельное оружие», «есть убитые и раненые»...

И, наконец, ее очень насторожило то, как странно муж готовился к этой командировке. Обычно он, не вдаваясь в подробности, говорил, куда и когда едет, а она собирала его в дорогу. Как правило, это был самый минимум вещей, умещавшихся в дипломате: рубашка на смену, спортивный костюм с тапочками, электробритва, туалетные принадлежности... Вот, пожалуй, и все. А в этот раз, накануне, очень поздно придя с работы и наскоро поужинав, он долго сидел с ворохом бумаг в большой комнате, попросив при этом, чтобы ему не мешали. Когда Оля вошла к нему спросить, будет ли он пить чай, Андрей раздраженно ответил:

– Ну я же сказал, чтобы мне не мешали! Не буду я пить чай! – И, видимо, почувствовав излишнюю резкость, с которой было это сказано, несколько мягче добавил: – Ладно, принеси чашечку сюда. Я здесь попою.

Сначала ей тоже захотелось ответить резкостью на раздраженный голос мужа и она чуть было не сказала что-то вроде того: «А что ты со мной так разговариваешь?» – но, увидев его сосредоточенное лицо, сдержалась и молча ушла на кухню.

– Давайте, Евдокия Михайловна, пить чай вдвоем. Андрей там занимается. Он же завтра едет в командировку... – Открыв крышку заварочного чайника, она помешала ложечкой темно-коричневую жидкость, от которой поднимался пар, и снова закрыла ее.

– Сейчас немного перемешается – и будем пить.

В свои тридцать два года она выглядела почти девочкой: хрупкая, невысокого роста, с тонкими руками, с красивыми темными каштановыми волосами. При взгляде на Олю трудно было поверить, что у нее уже десятилетняя дочь и сын, которому скоро исполнится шесть лет. Да и все ее движения, походка и голос не выдавали в ней взрослую женщину. Недаром, когда в прошлом году в их квартиру пришла комиссия для того, чтобы выслушать претензии жильцов только что заселенного дома, ее председатель, позвонив в дверь и увидев Олю, спросил:

– А взрослые дома есть?

Она тогда улыбнулась и сказала:

– Есть. Я – взрослый!

Мужчина очень смутился, даже, кажется, немного покраснел и стал неуклюже извиняться. А Оля с торжествующей улыбкой передала ему тщательно составленный вместе с мужем список неисправностей и недоделок в их новой квартире.

Да, эта командировка Андрея не понравилась ей сразу. Не понравились недомолвки мужа, хотя он и раньше не очень распространялся о своих делах. Не понравилось, что командировка эта свалилась на голову неожиданно, как будто какие-то неизвестные ей события побудили срочно срываться и ехать куда-то за тридевять земель. Не понравилось ей и то, что в этот раз путь Андрея лежал туда, откуда приходили тревожные сообщения о массовых беспорядках и кровавых столкновениях. До сих пор он и так немало ездил по городам Союза. Она собирала его в Киев и Алма-Ату, Одессу и Таллин, Ригу и Кишинев, Красноярск и Абакан. Как правило, он уезжал на несколько дней. Вот и в этот раз Андрей сказал, что его командировка продлится не более пяти дней. Она сама не могла понять, почему ей сейчас тревожно как никогда.

Оля поймала себя на том, что уже довольно долго сидит у телефона, перебирая пальцами витой провод. Что-то недоговоренное, недосказанное было в их ночном разговоре с Андреем. «Если он зашел в гости к товарищу, то почему не позвонил раньше? Говорит: «Не мог». Странно. Очень странно. Да и откуда у него товарищ в Душанбе? Он никогда о нем не говорил».

Она перестала теревить провод, встала, набросила на плечи поверх халата кофту, тихо ступая, чтобы никого не разбудить, вышла в холл.

– Оля! – из маленькой комнаты раздался бабушкин голос. – Оля, кто звонил? Андрюша?

– Да, Евдокия Михайловна! Андрюша звонил. Сказал, что у него все в порядке. Просто не мог позвонить раньше.

– А-а! Ну, хорошо. Слава богу, что все в порядке. Иди спи, Олечка, а то тебе рано вставать.

– Да, сейчас буду ложиться. Отдыхайте, Евдокия Михайловна.

Оля прошла на кухню, поставила чайник на плиту. Спать совершенно расхотелось. После телефонного разговора с мужем она немного успокоилась, но безотчетное чувство тревоги все равно не отпускало ее. Ей навязчиво лезли в голову мысли о том, что странная подготовка Андрея к командировке каким-то образом связана с опасностью, которая грозит ее мужу. А странность эта заключалась в следующем.

Когда накануне командировки ночью Оля, не дождавшись, когда Андрей позовет ее в большую комнату, приоткрыла в нее дверь, она увидела, что муж ходит по комнате и что-то бормочет, как будто разучивает какое-то стихотворение или правило. Время от времени он

заглядывал в какие-то листки, сверяясь, правильно ли заучил текст. Увидев жену в приоткрытую дверь, он сказал:

– Оля, сейчас! Еще пять минут. Ты меня спросишь? Мне нужно, чтобы меня кто-нибудь проверил.

Действительно, он позвал ее через некоторое время и, дав ей в руки два листка бумаги, попросил ее внимательно следить за тем, насколько правильно и точно он будет называть фамилии, имена и должности каких-то людей. Это оказалось непросто, поскольку абсолютно все они были таджикского происхождения и для русского уха звучали непривычно. Андрей обладал хорошей памятью, но было видно, что он уже изрядно поработал над тем, чтобы правильно произносить непривычные для себя слова. Раза три-четыре он повторил почти весь список, делая несущественные ошибки. Оля поправляла его, сама удивляясь, как он смог запомнить такое количество совершенно незнакомых имен. Иногда Андрей заглядывал в разложенные на столе газеты, что-то сверял с подчеркнутым в них текстом и, удовлетворенный, наконец сказал:

– Ладно, хватит! А то у меня все в голове перепутается! Давай пойдем спать.

Было около трех часов ночи. Спать им оставалось совсем немного. Андрей быстро собрал все листочки и газеты с журнального столика, сложил их в свою кожаную черную папку и поднял усталые глаза на жену. Затем встал, притянул ее к себе, обнял, положил ее голову себе на плечо и прижался лицом к ее тонкой шее, стал поглаживать руками ее спину с острыми лопатками, мягкие, пушистые волосы.

– Андрюша, я не хочу, чтобы ты туда ехал. Не ездь, а!

– Ну что ты, Олечка, это же работа! Я еду-то всего на пять дней. В пятницу уже буду дома. Неделя пройдет незаметно.

– Я буду очень скучать без тебя.

– Я знаю. Я тоже буду скучать.

Он слегка отстранил ее от себя, приподнял ее голову, посмотрел в ее полные тревоги глаза.

– Не волнуйся. Все будет хорошо. Я буду звонить тебе каждый день. Договорились?

Оля молча кивнула, но в глазах у нее осталось беспокойство и сомнение.

Это происходило каких-нибудь пять дней назад. И вот теперь, вспомнив все это, после немного снявшего напряжение звонка мужа, она вновь почувствовала волнение. «Скорее бы прошла ночь и наступило утро», – подумала Оля, обхватив ладонями чашку, наполненную горячим чаем. У нее почему-то замерзли руки. Это случалось временами, но когда Андрей был дома, она просто говорила ему: «Погрей ручки», и он согревал их, прижимая к лицу и губам, беря их в свои горячие ладони и слегка растирая. Как тогда, когда они еще не были женаты и часто гуляли зимой в Измайловском лесу. Он ее катал на саночках по глубокому снегу, разгоряченный и восторженный. А она в своем черном пальто с капюшоном, крепко вцепившись в санки, чтобы не упасть, смеялась и не могла скрыть своего восторга, что ее катает, как маленькую, такой взрослый парень. Когда у нее замерзли руки, Андрей грел их своим дыханием, не боясь холода, расстегивал ворот рубашки и прижимал их к своей разгоряченной груди. И вот теперь, несмотря на то, что чашка с только что заваренным чаем обжигала ее ладони, руки почему-то совершенно не хотели согреваться.

Оля погасила свет на кухне. За окном с высоты тринадцатого этажа, несмотря на темноту, были видны очертания заснеженных холмов, поросших кое-где деревьями, да засыпанных снегом машин внизу у подъезда. Она попыталась представить, как где-то в далеком Душанбе ее муж стоит у такого же темного окна и смотрит на улицу, но у нее ничего не получилось. Она почему-то видела Андрея идущим по дороге в окружении всадников, одетых в длиннополые халаты и белые тюрбаны. Оля пыталась стряхнуть с себя это жуткое видение, но оно возвращалось вновь и вновь, как будто кто-то извне настойчиво пытался предупредить ее, что с Андреем далеко не так все хорошо, как он сам рассказывал в своем телефонном разговоре.

– Господи, спаси его и сохрани! Скорее бы он возвращался! – шептали ее губы в темноте московской квартиры.

26 февраля 1990 года, утро.

Душанбе. Квартира в элитном доме

- Хайдар! Алло, Хайдар, это я!
- Ты что, сошел с ума? Посмотри на время. Пять утра! Ты, что не можешь...
- Хайдар, мы потеряли его.
- Что-о-о?
- Мы попытались искать, но он как сквозь землю...
- Я не понял, что ты несешь, Дильшод. Как потеряли? Когда?
- Да еще вечером. Он зашел в книжный магазин. Мы думали...
- Что вы думали?
- Мы думали, что он пойдет в гостиницу, но...
- Кретины! Вас там целая орава! И вы не могли уследить за одним человеком! – Говоривший зло выругался по-таджикски. – Ищите! Даю тебе три часа времени! Найдешь его хоть из-под земли! Иначе...
- Хайдар, не горячись! Найдем его. У нас еще полдня завтра...
- Не завтра, а уже сегодня!
- Да, сегодня!
- Так вот, он ни в коем случае не должен уехать в Москву! Москвич должен остаться здесь. Навсегда. Понял? И ты, Дильшод, лично отвечаешь за это! Иначе...
- Хайдар, я все понял. Ты меня не пугай. Я и сам знаю, что это нужно сделать. Что-нибудь придумаю. Не беспокойся, Москвы ему не видать.
- Смотри, хозяин спросит.
- Знаю. Все сделаем. Пока.
- Через три часа жду звонка. Все!

26 февраля 1990 года, утро.

Душанбе. Здание КГБ Таджикской ССР

Прапорщик привычным движением взял в руки удостоверение сотрудника центрального аппарата республиканского Комитета госбезопасности и внимательно, как того требуют инструкции, сличил изображение на фотографии с лицом человека, стоящего перед ним. Он уже три раза видел этого сотрудника, прибывшего сюда из Москвы, и мог бы не терять время на внимательное изучение удостоверения. Но начальник отдела охраны сказал ему, что приехавший из Москвы майор – не простая птица, а сотрудник Инспекторского управления КГБ СССР. Поэтому ему надо продемонстрировать, насколько скрупулезно и точно несут свою службу охранники в КГБ Таджикистана, особенно в эти тревожные февральские дни. Председатель был в отъезде, и за все отвечал его первый заместитель, высокий симпатичный генерал-майор, который любил порядок во всем. Приезд представителя Центра всегда немного тревожил руководство республиканского комитета: кто его знает, что он там доложит после возвращения. Но приезд этого молодого майора сразу после трагических событий, когда в городе еще работала комиссия, которую возглавлял председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Пуго²⁰, вызывал, кроме всего прочего, определенное беспокойство. Что он тут собирается «вынюхивать»? Может быть, ему поручено найти какие-нибудь изъяны в действиях руководства Комитета? Во всяком случае официально объявленная им задача –

---

²⁰ Пуго Б.К. (1937–1991) – советский партийный и государственный деятель, в 1990–1991 годах – министр внутренних дел СССР, народный депутат СССР.

собрать материалы для подготовки обзора о действиях групп самообороны – вызывала серьезные сомнения.

Все эти дни Орлов проводил в городе в сопровождении приставленного к нему начальника одного из отделов, рослого, широкоплечего мужчины лет тридцати. Этот сотрудник во время массовых беспорядков отвечал за взаимодействие с отрядами ополченцев, которые стихийно возникли в городе, когда начались убийства и грабежи. До сих пор не снявший камуфляжную форму, с зачехленным автоматом за спиной, он постоянно был с Андреем, сводил его с нужными людьми, возил по тем районам города, где были созданы рабочие дружины, вместе с ним принимал участие в разговорах с представителями местных советов, директорами заводов, командирами отрядов ополченцев, местными жителями в районах, подвергшихся нападению бандитов.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Я помню, как озверевшая толпа двинулась с площади в город. Когда никто из руководства не вышел на площадь, они пошли по городу, заполняя улицы. Шли, наклонив головы чуть вперед, руки или в карманах, или держат арматуру... И раскачивали и переворачивали все машины, которые попадались на пути, даже автобусы... Это был такой ужас, что меня до сих пор трясет, когда я об этом вспоминаю.

И тогда в Душанбе возникли отряды самообороны. Это был поразительный опыт. В микрорайонах собирались такие отряды, в которые входили таджики, евреи, русские... У меня муж был в таком отряде. Они охраняли от погромщиков входы в подъезды, подходы в свой микрорайон, придумывали какую-то самодельную сигнализацию (рельс), носили белые повязки... Отряды самообороны просуществовали дней десять, собираясь по вечерам и дежуря по ночам...» (*Воспоминание очевидца. Сайт «Фергана news», 1 марта 2010 года*).

На исходе второго дня после приезда Орлова в Душанбе они вместе с начальником отдела поехали в один из микрорайонов, чтобы встретиться с бойцами отряда самообороны, которые всего несколько дней назад стойко отражали нападения одурманенных наркотиками и алкоголем молодчиков. Дело в том, что днем все эти люди работали на своих рабочих местах: кто на заводе, кто в какой-нибудь конторе, кто на транспорте – а вечером, чтобы исключить любую возможность повторения случившегося, дежурили у своих домов. Жгли костры, кипятили чай, переговаривались между собой. Вооруженные охотничьими ружьями, они готовы были дать отпор любому посягательству на их дома и квартиры.

Еще у всех в памяти были страшные дни беспорядков, когда банды головорезов врываются в дома, выбрасывают людей из окон на улицы, с улюлюканьем преследовали женщин и девушек. Тех из них, которые не были одеты в национальные таджикские одежды, валили наземь и насиловали. И все это делалось под вопли пьяных, накурившихся и нанюхавшихся молокососов, размахивающих железными прутьями, цепями и нунчаками²¹. Звенели разбиваемые стекла в окнах домов и витринах магазинов, горели подожженные автомобили, с грохотом падали на асфальт сшибаемые толпой телефонные будки.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...Мы с мужем в тот день допоздна сидели в здании ЦК КП, я передавала последнюю информацию, и в наши окна швыряли камни. Когда мы вышли на улицу, уже смеркалось. Мы попали в самый водоворот толпы. Я в ужасе натянула на голову что-то, похожее на платок. Толпа утекла в другую сторону, и мы быстро пошли домой по пустынному городу, нормальные люди

---

²¹ Нунчаки – восточное холодное оружие в виде коротких палок, соединенных шнуром или цепью.

все попрятались...» (*Воспоминание очевидца. «Душанбе – 1990. Русский взгляд». Сайт «Russkie.org», 2 марта 2010 года.*)

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «...В Душанбе как раз началась заваруха, они сидели в гостинице, смотрели, как на улице избивают русских, потом таджики ломались в гостиницу и по спискам искали русских. Участники съемок забаррикадировались по номерам. Ночью гостиницу оцепили десанты и удерживали до подхода БТРов²². Катани нарядили в броник и сферу, он их снял только в самолете и сразу бухать, а на трапе он сказал, что у нас круче, чем у них на Сицилии. У съемочной группы, по-моему, кто-то погиб из руководства...» (*Обсуждение на форуме. Сайт «Десантура. ру», 3 апреля 2004 года.*)

Жители районов Душанбе, подвергшихся нападениям бандитских групп, с помощью местных властей смогли довольно быстро организовать в рабочие дружины, установить круглосуточное дежурство во дворах жилых домов и на предприятиях, забаррикадировать подходы и подъезды, наладить связь между собой для отражения нападения бандитов. Это позволило уже на второй день отразить многочисленные попытки погромов в жилых кварталах Душанбе и остановить кровопролитие.

Прапорщик, закончив изучать удостоверение Орлова, молча вернул его и отдал честь. Мол, можно проходить. Орлов слегка кивнул и пошел к лестнице. Кабинет первого зампреда был на втором этаже.

– Он здесь, – сказал прапорщик в трубку телефона, стоящего рядом, и, не дожидаясь ответа, положил ее.

– Товарищ генерал-майор, я должен вас поблагодарить за предоставленную мне возможность хорошо поработать, – произнес Орлов, прощаясь с зампредом. – Несмотря на сложную обстановку, ваши сотрудники сделали все для того, чтобы я смог выполнить свою задачу. Мы побывали во многих районах города, мне удалось переговорить со множеством людей и сделать некоторые выводы...

– Какие, например? – заместитель председателя испытующе посмотрел на Орлова.

– Во-первых, Мирзо Усманович, я убедился, что отряды самообороны оказались очень серьезной силой против бандитов. Я буду докладывать своему руководству в Москве, что подобную систему организации отпора националистам можно было бы использовать в аналогичных ситуациях...

– А какое мнение у вас сложилось о деятельности КГБ Таджикистана в этой обстановке?

– Я убедился, что сотрудники всех подразделений Комитета действовали решительно. Взаимодействовали с органами внутренних дел и с отрядами самообороны. Мне кажется только, чуть-чуть запоздали в первый день...

– Вам, Андрей... – генерал запнулся, посмотрел на бумажку, лежащую перед ним, – ... Андрей Петрович, я думаю, нетрудно представить, что здесь творилось тринадцатого. Ведь и сейчас в нашем городе не очень спокойно...

– Я это заметил.

– Ну так вот. Мы действовали сообразно обстановке. И действовали, как теперь видно, неплохо. Ладно, работа закончена. А посмотреть что-нибудь удалось?

– К сожалению, Мирзо Усманович, времени совсем не было. Так, прошел по магазинам...

– Вылетаете в Москву вечерним рейсом, да? В настоящей таджикской чайхане еще не были?

---

²² БТР (сокр.) – бронетранспортер.

– Не был.

– Я, к сожалению, очень занят. Совещание будет в Совмине... А наши товарищи вас свяжут в чайхану «Рохат». Настоящий наш национальный ресторан... Попробуете нашу шурпу и манты!

– Спасибо, товарищ генерал, но я лучше проехал бы чуть-чуть по городу. А то был в Душанбе, а ничего в городе не видел...

– Успеете еще. Город посмотрите и побываете в чайхане. – Зампред встал из-за стола, протянул Орлову руку. – Передавайте привет Сергею Васильевичу. Счастливого пути!

– До свидания! Спасибо за все! – Орлов пожал руку и вышел из кабинета. До отлета самолета осталось почти семь часов.

Андрею не удалось отвертеться от посещения чайханы. Но начальник инспекторского отдела, поговорив с кем-то по телефону, сказал, что приятное можно будет совместить с полезным.

– Хотите посмотреть Варзобское ущелье²³? Это самое красивое место в Таджикистане. А заодно пообедаем там. Идет?

– Ну что ж, давайте. Я согласен, – сказал Орлов, чувствуя, что хозяева не мыслят отпустить гостя без посещения чайханы. – Только давайте вернемся в Душанбе чуть пораньше. Я хотел купить какие-нибудь сувениры для детей и жены.

– Проблем нет, Андрей Петрович. За четыре часа управимся и вернемся назад. Выезжаем прямо сейчас.

Он опять набрал какой-то номер и скомандовал шоферу:

– Исмат, давай к подъезду. Сейчас едем в Варзоб. Ты заправился? Хорошо.

Через пятнадцать минут Орлов вместе с начальником инспекторского отдела и еще одним сотрудником ехали в «Ниве», за окном которой сначала мелькали типовые дома микрорайонов Душанбе, а затем запестрел голыми стволами деревьев и невысокими домами пригород.

26 февраля 1990 года, утро.

Душанбе. Административное здание в центре города

– Хайдар, они сейчас едут в Варзоб.

– Зачем?

– Наверное, ущелье смотреть, озеро... Думаю, что и обедать будут там...

– Ну и что ты надумал?

– Да я уже все решил.

– То есть?

– Ну решил, Хайдар. Там на повороте есть хорошее место.

– Дильшод, в этот раз упустить его нельзя. Ты понял?

– Понял. Сделаем как в прошлый раз.

– В ноябре, да?

– Да, да.

– КамАЗ?

– Хайдар, давай я буду сам заниматься этим делом.

– Ты уже позанимался вчера. Хозяин мне уже вставил за это. На какой они машине?

– Да на их «Ниве». С ним еще двое.

– Кто?

– Не наши!

---

²³ Варзобское ущелье – живописное ущелье в 8 км от Душанбе.

- Хорошо!
- В этот раз осечки не будет.
- Ну хорошо. Как все закончится – позвони!
- Обязательно, Хайдар.
- Да поможет тебе Аллах!

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Варзобское ущелье

Чайхана, которая находилась на правой стороне Ленинабадского шоссе, была расположена в живописном месте Варзобского ущелья – с одной стороны вверх круто поднимались высокие горы, а с другой, сразу за дорогой, склон резко обрывался к бурным водам Варзоба. Они вчетвером уселись за уже сервированный продолговатый стол, стоящий в отдельной, оформленной в национальном таджикском стиле комнате.

– Если было бы лето, мы сидели бы вон там. – Сопровождавший Орлова начальник инспекторского отдела со сложным именем Абдуллоджон указал рукой на стоящие за окном могучие деревья грецкого ореха. – Ну ничего, Андрей Петрович, приедете летом – обязательно будем кушать там...

Орлов только кивнул головой. Вообще он не очень любил застолья. К алкогольным напиткам Андрей относился очень сдержанно, с удовольствием пил только вино, но, отдавая дань традиции, в хорошей компании мог выпить и немало водки. Коньяк он просто не любил, а виски, попробовав однажды, вообще не пил никогда.

Стол обслуживали три симпатичные девушки-таджички, одетые в длинные пестрые платья с разнообразными узорами, довольно узкие шаровары, заканчивающиеся выше щиколотки и неизменные расшитые тюбетейки. Приветливо улыбаясь, они ставили на стол красивые керамические тарелки и вазы с национальными блюдами. Тарелки с яркой зеленью – укропом, петрушкой, кинзой, луком – соседствовали с двумя большими блюдами, на одном из которых горкой высились самбусы – зажаренные в масле румяные пирожки самой различной формы, а на другом кабоб – маленькие обжаренные колбаски, усыпанные кругляшами репчатого лука, зеленью и рубиновыми зернами граната. Очень скоро в большом казане подали традиционный таджикский плов, от которого исходил изумительный запах жареного мяса и риса.

Абдуллоджон и Андрей попеременно говорили тосты, сначала за удачно проведенную командировку, потом за дружбу, за будущие встречи в Москве и на таджикской земле.

– Андрей! Вот приедешь осенью – и мы обязательно съездим на озеро Искандеркуль. Оно расположено на высоте две тысячи триста метров. Очень красивое горное озеро...

– С удовольствием, Абдуллоджон! Только до осени надо дожить!

– Доживем. Какие наши годы! Тебе нравится здесь?

– Конечно! Очень красиво! Только жалко, у меня не было времени все посмотреть...

– Ничего, в следующий раз. Кушай, Андрей, плов. Это очень хороший таджикский плов. Такого в Москве делать не умеют!

Абдуллоджон, выпив несколько рюмок водки, стал очень разговорчивым. Он без умолку рассказывал о красотах Таджикистана: о живописном Гиссарском хребте и величественных Фанских горах, о каком-то курорте с радоновыми ваннами и грязелечебницей, который находился поблизости, о том, что в этих местах с гор часто сходят сели, сносящие все на своем пути – дороги, дома, линии электропередач, деревья. Один такой сель, рассказал Абдуллоджон, снес целый кишлак, и оставшиеся люди вынуждены были переселиться в другое место. Они назвали новый поселок Хушъери, что по-таджикски означает «будь начеку». Абдуллоджон продекламировал:

– Лучше пить и веселых красавиц ласкать,

Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц —
То кого же прикажете в рай допускать?

– Омар Хайям²⁴? – догадался Орлов.

– Да. Люблю его «Рубай».

Немного разомлев от обильной пищи и нескольких бокалов вина, Андрей тем не менее не терял остроты восприятия происходящего, внимательно слушал то, что рассказывал ему коллега, краем глаза следил за тем, как девушки-официантки приносят новые блюда и уносят грязные тарелки, время от времени бросал взгляд в окно, из которого виднелась часть дороги и периодически раздавался шум проезжающего автомобиля. Будь начеку, – сказал Абдуллоджон. Это прежде всего относиться ко мне, – подумал Орлов. – Я должен быть осмотрительным и не терять чувства опасности. До отъезда остается всего несколько часов. Нужно продержаться во что бы то ни стало».

Когда дело дошло до чая, Орлов отказался от зеленого и попросил черный чай, который он очень любил, считал настоящим напитком и которого мог выпить не одну чашку. Можно сказать, что к чаю его приучила бабушка, к которой они приезжали в Москву каждое лето, когда отец Андрея был офицером и их семью мотало по всему Союзу – от Владимирского лагеря на Псковщине до Харанора и Даурии на границе с Монголией и Китаем. А потом, когда бабушка уже сама стала жить вместе с ними, Андрей еще мальчишкой любил по утрам садиться вместе с бабушкой на кухню и пить этот горячий, ароматный напиток. Бабушка пила чай исключительно из небольшого граненого стакана на зеленом блюдечке вприкуску с мелко наколотыми кусочками сахара. Это было не просто чаепитие, это был настоящий ритуал приобщения к живой, священной жидкости темно-янтарного цвета, источающей удивительный аромат и тонкие струйки пара, клубящиеся над стаканом.

Конечно, здесь, в чайхане, чай был совсем другой. Тоже черный, тоже горячий, но не тот, не бабушкин. Но Андрей все равно с большим удовольствием выпил две чашки, отведав при этом несколько ломтиков тающих во рту засахаренных фруктов.

– Исмат, попил чаю? – спросил Абдуллоджон. – Иди к машине. Мы сейчас заканчиваем и скоро выйдем. – И уже обращаясь к Орлову, сказал: – Ну что, Андрей Петрович, понравились вам таджикские национальные кушанья?

– Спасибо, Абдуллоджон! Это было замечательно! Теперь я, по крайней мере, знаю, что такое таджикская кухня!

– Ну, это еще не все! Мы попробовали только самую малость! А есть ведь еще угро, лагман, мастоба...

– Абдуллоджон, я думаю, это все мы отведаем в следующий раз.

– Хорошо, Андрей! Поехали?

– Поехали!

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Душанбе

Валера Богомолов никак не мог попасть ключом зажигания в щель замка. Руки его дрожали, а от выпитой водки в голове стоял какой-то гул. Он потер виски руками, но гул не ослабевал, а наоборот, усиливался, как будто его голову кто-то сжимал обручем и теперь затягивал его, с удовольствием наблюдая за мучениями своей жертвы. Наконец он попал ключом в злополучную щель, мотор взревел, и мощный КамАЗ стал выезжать со двора автобазы. Валера посмотрел на часы – было около двух. «Через сорок минут я буду уже там», – обреченно подумал.

---

²⁴ Омар Хайям (XI век) – выдающийся персидский поэт, математик, астроном, философ.

мал он и сильно сжал баранку. Ему хотелось оказаться сейчас далеко отсюда, там, где его никто не мог найти, где никто не мог унижать его и помыкать им, где его никто бы не знал и поэтому не мог сделать с ним то, что сделали «они».

За окном мелькали серые корпуса цементно-шиферного комбината, канатная дорога с вагонетками, по которой сырье доставляется из карьера, какие-то склады, сараи...

«Я должен убить», – стучало в мозгу у Валеры. То, что он должен был сделать в ближайший час, ему казалось совершенно нереальным. Последние полгода вообще превратились для него в сплошную муку, когда он вынужден был по первой же сказанной сквозь зубы фразе Сафара бросать все и ехать туда, куда ему скажут, везти каких-то людей, перевозить с одного места на другое какие-то мешки или ящики. И постоянно оправдываться перед начальником колонны, рискуя быть уволенным за прогулы и нарушение производственной дисциплины.

Волошин, начальник колонны, резкий и грубый человек, уже давно работающий на этой автобазе, с самого начала покровительственно относился к Валере, прощал ему отдельные преступления, но уже несколько раз говорил:

– Богомоллов, еще раз сделаешь левый рейс – выгоню тебя к чертовой матери! Думаешь, если я тебя взял, то буду возиться с тобой? Моему терпению скоро придет конец!

Валера понимал, что начальник колонны прав. И если бы, несмотря на крутой нрав и видимую свирепость, он не был на самом деле добрым человеком, его уже давно бы выпроводили за ворота автобазы. Рассказывали, что Волошин когда-то сам мотал срок. 264-я! «Нарушение правил дорожного движения». Тогда он работал таксистом в Ленинграде. Якобы сбил пьяного, а тот был родственником какого-то начальника. Ну, в общем, припаяли ему два года в колонии общего режима. Он требовал пересмотра дела, писал письма во все инстанции, но все безрезультатно. От него ушла жена, и, освободившись, он не стал возвращаться в Ленинград, а завербовался и уехал в Курган-Тюбе, где начал работать на кирпичном заводе. И вот лет десять назад он перебрался в таджикскую столицу и стал работать на автобазе сначала простым шофером, а затем был замечен руководством и назначен начальником колонны.

Когда полтора года назад друзья свели Валеру с Волошиным, он почему-то сразу поведал ему и чистосердечно рассказал свою историю. Про то, как по дурости попал в ситуацию, стоившую ему свободы, как получил шесть лет общего режима, как жил в зоне все эти годы, подвергаясь унижениям и мучениям, как чудом остался жив и, выйдя на волю, никак не мог устроиться на работу. Будучи шофером первого класса, Валера вынужден был работать грузчиком в овощном магазине и снимать угол у одной старухи в пригороде Душанбе.

Волошин тогда посмотрел на него долгим задумчивым взглядом и сказал:

... Я верю тебе, парень, и знаю, как трудно жить, когда от тебя отвернулись все. Приходи завтра ко мне. Я думаю, что мы решим... Многого не обещаю. Будешь работать на грузовике. Место в общежитии я тебе сделаю. А там видно будет.

Богомоллов схватил его за руку, хотел сказать что-то, какие-то слова благодарности, но не смог. Комок в горле не дал ему выговорить ни слова. Он только сжимал руку Волошина в своей руке, смотрел на него широко раскрытыми глазами, в уголках которых заблестели слезы.

Не надо, парень. Я все понимаю. Но учти, теперь все будет зависеть от тебя. Если подведешь меня выгоню! Понял?

Спасибо, только и смог прошептать пересохшими губами Валера.

Так он стал работать на автобазе. Причем работать хорошо, без замечаний. Не отказываясь от невыгодных и малоприятных поездок, не споря с механиком и ладя с диспетчерами, безотказно выполняя просьбы начальника колонны поработать в выходные или в праздники. Тем более что семьи у Валеры не было. А с людьми он сходилась довольно трудно и друзей, с которыми он проводил бы свободное время, у него не было. Когда, получив первую получку, Богомоллов пришел в кабинет Волошина и, выждав момент, когда там никого не было, попы-

тался вручить ему бутылку дорогого коньяка, тот грубо выругался и выгнал Валеру, зло хлопнув дверью.

Чтобы твоего духа не было у моего кабинета! услышал он вдогонку.

Тогда Валера очень испугался, думал, что Волошин может даже уволить его. Но обошлось. Начальник колонны нисколько не изменил своего покровительственного отношения к нему и даже, когда Валера допустил какую-то оплошность, не стал ругать его, а сказал:

– Ну с кем не бывает? Смотри, Богомолов, будь внимательнее!

Валера слегка сбавил скорость. В этом месте шоссе пересекал закованный в бетон канал между двумя гидроэлектростанциями Варзобского каскада. Мощный КамАЗ, послушный рукам водителя, неумолимо двигался вперед, туда, где должно было произойти непоправимое. И Валера, подавленный и отрешенный, уже не находил в себе силы, чтобы противостоять чужой воле, толкающий его уже в который раз на преступление.

До места, где он должен был поджидать «Ниву», оставалось тридцать семь километров.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Варзобское ущелье

Орлов мельком взглянул на часы. До отлета самолета оставалось три с половиной часа.

– Жаль, что я не успею купить какие-нибудь сувениры для ребят...

– Да я просто забыл! – проговорил, нисколько не огорчившись, Абдуллоджон, – Да здесь же есть сувенирный киоск!

– Где здесь?

– Прямо в чайхане! Да вот же он! – начальник инспекторского отдела указал на искусно сделанную конусовидную арку, напоминающую вход в мечеть или какой-то сказочный дворец. Тонкая резьба по дереву, цветной орнамент с изображением каких-то диких цветов – все это было гармоничным продолжением зала, в котором они только что обедали.

В небольшой комнате на стенах были развешаны пестрые коврики, яркие разноцветные платки и косынки, вязанные шерстяные кофты и жакеты, на замысловатых полочках лежали тюбетейки, стояли керамические тарелки, вазы, чайники и пиалы, миниатюрные глиняные фигурки зверюшек и кувшинов, одетые в национальные одежды куколки разной величины, в застекленных витринах сверкали сделанные в таджикском стиле бусы, кольцо и кулоны, состоящие из множества мелких красных камешков, скрепленных между собой ажурными цепочками и резными серебряными деталями.

Из-за прилавка поднялась девушка-таджичка, одетая точно так же, как были одеты официантки в зале, где они только что обедали. Продавщица выжидающе посмотрела на вошедших. По всему было видно, что покупателей здесь бывает немного и каждый заходящий сюда человек, который приобретает здесь что-нибудь на память, сам является подарком для этого сувенирного киоска.

Через десять минут Орлов вышел на улицу, сжимая в руке полиэтиленовый пакет с гостинцами: расшитой золотистыми нитями тюбетейкой для дочери, такой же, но более скромной, зеленого цвета тюбетейкой для сына, двумя парами расписных яркими цветами и узорами тапочек – для Оли и для бабушки – и миниатюрной куколкой-таджичкой, одетой в красочный национальный костюм, которую он тоже купил для дочери. Уж больно понравилась ему эта куколка в белой кофточке с голубоватой жилеткой и длинной белой юбочке с золотистым пояском.

– Вот теперь я спокоен, – сказал Орлов, подходя к «Ниве». – Теперь можно ехать!

Водитель Исмаилов услужливо приоткрыл переднюю дверь автомашины. Андрей любил ездить на переднем сиденье, особенно если приезжал в незнакомый город. Оттуда лучше было видно улицы, дома, людей. А он был по натуре любопытным человеком и не хотел ничего упускать из своего внимания. Хозяева, как правило, с пониманием воспринимали эту прихоть

гостя и с готовностью уступали ему свое место рядом с водителем. Впрочем, многие рассматривали это желание увлеченно рассматривать все вокруг как некую странность, разновидность чудачества.

Исмаилов повернул ключ зажигания, и машина, легко тронувшись с места, стала выезжать на Ленинадское шоссе. Отсюда до Душанбе было не более часа езды.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Окрестности Душанбе

За окнами КамАЗа мелькали дома поселка гидроэнергетиков. Здесь жили рабочие Верхневарзобской ГЭС²⁵ – самой первой станции Варзобского каскада.

«Почему же у меня все сложилось наперекосяк? – думал Богомолов. – Может быть, мне на роду это было написано?»

Когда-то, так же как начальник колонны Волошин, Богомолов работал в таксомоторном парке. Только это было не в Ленинграде, а в Москве. Работа эта Валере нравилась не только потому, что позволяла зарабатывать неплохие деньги, но и из-за того, что перед ним каждый день мелькал калейдоскоп разных лиц и судеб. Кроме того, ему нравилось узнавать свой город, в котором он прожил все свои двадцать семь лет, не считая срочной службы в армии. Ведь профессия таксиста в таком громадном городе, как Москва, заставляла его бывать там, где он никогда не бывал. То надо было ехать в Бескудниково, то срочно лететь в Орехово-Борисово, то мчаться в Солнцево, то разыскивать нужный дом в Тушино. За несколько лет работы таксистом, кого только не пришлось ему возить – и возвращающиеся из гостей семейные пары, и спешащих в аэропорт отпускников, и задумчивых докторов наук, выезжающих на дачу в конце недели, и женщин с помятым под утро лицом, и странных субъектов восточного типа с чемоданами и тюками, торопливо выгружающих вещи у какого-нибудь сарая на пустыре... Это была не только работа. Это было увлекательное приключение, путешествие по людским судьбам, радостям и страданиям, самым светлым и самым горестным дням в жизни людей, это было странствие по дневной и ночной жизни столицы, по ее улицам и площадям, уютным переулочкам и широким проспектам, живописным пейзажам Серебряного бора и Сокольников, заводским задворкам Люблино и Нагатино, зеленым бульварам и загаженными свалками, белоснежными новостройками и полуразвалившимся баракам. Казалось, что этому увлекательному путешествию не будет конца. Но в один прекрасный момент все рухнуло, увлекая Валеру в пропасть, на самое дно жизни.

Это случилось в воскресенье. Рабочий день близился к концу, и Валера уже стал искать попутных пассажиров, которых мог бы довести в район пятнадцатого таксомоторного парка, в котором он работал. Где-то около Белорусского вокзала он посадил двух слегка подвыпивших парней, один из которых сразу сказал: «Шеф, даю тебе полтинник. Поехали, нам нужна девочка. Когда найдем забросишь нас на хату. Хоры?» Предложено было много, и Валера сразу согласился, хотя ехать надо было в обратную сторону от Ленинградки. Он только спросил:

– А «хата» где?

– Да недалеко, на Кастанаевской. Знаешь?

– Знаю.

– Ну тогда, шеф, поехали!

Немного покружив по центру столицы, им наконец удалось в районе многоэтажной гостиницы в самом начале улицы Горького посадить молоденькую девушку в короткой кожаной юбке. Ее хорошенькое личико было буквально обезображено косметикой – длинные накладные ресницы, пухлые губки, накрашенные ярко-красной губной помадой, румяна, придающие

---

²⁵ ГЭС (сокр.) – гидроэлектростанция.

неестественный цвет щекам, какие-то блески. Всю дорогу, пока они ехали в Фили, она заливалась неестественным смехом, отвечая на грубые шутки и болтовню парней.

Когда они приехали на место и остановились напротив стандартной девятиэтажки на слабо освещенной Кастанаевской улице, Валера уже подумал, что рабочий день закончился, и радостно потирал руки от того, какие удачные пассажиры попались ему в конце смены. Но как только парни с девчонкой вышли из машины, в обе задние двери протиснулись два здоровых мужика, одетых в почти одинаковые черные куртки.

– Э-э, мужики, я...

Валера хотел сказать, что смена у него закончилась и он едет в парк, но не успел. Сзади ему в голову уперлось что-то твердое и холодное, а руки сидевшего позади человека крепко схватили его за плечи.

– Спокойно, парень! Нам надо съездить кое-куда. Не развалишься еще от одной поездки.

Валера понял, что влип, и холодок пробежал у него по спине. В это время передняя дверь раскрылась и рядом с ним на сиденье плюхнулся еще один человек – небрежно одетый мужик в свитере.

– Ладно, ребята, не пугайте человека! Вон, видите, он от страха чуть не наложил в штаны! – И, уже обращаясь к Валере, дружелюбно сказал: – Не бойся, шеф. Мы тебе ничего не сделаем. Просто съездим по делам. А потом отпустим... – Он сделал небольшую, но многозначительную паузу. – Если будешь хорошо себя вести. Понял?

Валера молча кивнул и тронул машину с места. Сначала они поехали в Солнцево. Там во дворе еще незаселенной многоэтажки из стоявшего рядом с вагончиком строителей фургона они перегрузили в багажник Валериного такси четыре пухлых чемодана, а затем отправились в сторону Лосиногостовского. Петляя по темным лесным улицам где-то в районе Перловской и Тайнинской, они наконец остановились неподалеку от железнодорожной станции. Двое в куртках стали выгружать чемоданы из багажника, а мужик в свитере, оставаясь в машине, о чем-то раздумывал, пуская клубы сигаретного дыма. Потом неожиданно протянул руку в сторону Валеры. Защищаясь от возможного удара, тот отпрянул. Мужик же сквозь смех проговорил:

– Ты что, шеф? Да я тебя не трону. Вот тебе за работу.

И только тут Валера разглядел зажатую в руке сотенную бумажку. «Везет же мне сегодня на заработок!» – пронеслось у него в голове.

– Бери, это тебе за работу. Бери, не бойся!

Валера нерешительно протянул руку и хотел взять сотню, но мужик неожиданно отдернул свою руку и засмеялся. Потом как-то небрежно бросил купюру Валере на колени и ледяным голосом проговорил:

– Шеф, ты нас не видел, ничего не помнишь, ничего не знаешь. Понял?

Валера широко раскрытыми глазами смотрел на него. В глазах говорившего он прочел безжалостное презрение и неприкрытую угрозу.

– Понял? А то, падла, смотри, из-под земли достану! – Он повертел перед лицом Валеры каким-то предметом. – Твое дело молчать, а то... – Он поднес предмет к его шее, и Валера с ужасом увидел, что это опасная бритва. – А то чик по шейке – и нету тебя! Понял?

Валера сидел и молчал в каком-то оцепенении, как будто его парализовало и он не может вымолвить ни слова.

Не дождавшись ответа, мужик похлопал Валеру по плечу и сказал напоследок:

– Ну, пока. Бывай!

Валера неподвижно сидел еще минут двадцать. В тиши позднего вечера уже отстучали колеса электрички и поезда дальнего следования, а затем снова опустилась тишина.

Все это пронеслось в памяти Богомолова, пока он ехал мимо поселка гидроэнергетиков. В голове у него шумело, кровь пульсировала в висках, было мутно от выпитой водки, от

охвативших его воспоминаний, от чувства безысходности, которое все больше и больше охватывало его. До места встречи с «Нивой» оставалось тридцать четыре километра.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе – Ленинабад

Несмотря на удачу, которая сопровождала Орлова, чувство тревоги и опасности не покидало его. Да, вчера ему удалось оторваться от преследователей, благополучно провести ночь на квартире товарища. Теперь до отлета самолета оставалось несколько часов и нужно было каким-то образом продержаться здесь, избегая всяких неожиданностей, постоянно находясь на виду. «Чем больше людей будет рядом, тем у них будет меньше шансов что-либо сделать со мной», – думал Андрей. Правда, он никак не мог точно сформулировать, кто такие «они» и что конкретно «они» могут с ним сделать.

– Андрей, посмотри, как красиво! – Голос Абдуллоджона вернул Орлова на грешную землю. – Я считаю, что наши горы самые лучшие. Еще в тысяча каком-то году основатель империи Великих Моголов Бабур написал про «Кухистан» – «страну гор». Так называют центр Таджикистана. Кстати, Бабур был правнуком Тимура...

– Того самого Тимура, который разгромил Золотую Орду, а в войне с турками захватил в плен турецкого султана?

– Того самого, – ответил Абдуллоджон и, обращаясь к водителю, сказал:

– Исмат, да не торопись ты так! У нас есть время. Поезжай потише!

Водитель сбавил скорость и сразу мимо машины, обгоняя ее на повороте, пронесся милицкий уазик.

– Лихо ездит! Как его шеф!

– Министр внутренних дел? – спросил Орлов.

– Да, Мамадаёз Навжуванов. Кстати, ты знаешь, что он тоже выходец с юга. Бадахшанец. Как, практически, и все эти... которые выступили тринадцатого.

– Ты хочешь сказать, Абдуллоджон, что все это было столкновением «южан» и «северян»?

– В общем-то, да! То, что между ленинабадцами, ну «северянами» то есть, и таджиками из Куляба, Гарма и Бадахшана всегда шла война, пусть даже скрытая, – это известно всем...

– Погоди, Абдуллоджон. Ты, по-моему, упрощаешь. То, что все ключевые посты у вас занимают уроженцы Ленинабада – это ясно. Вот даже в Комитет не очень-то принимают горных таджиков! Так ведь?

– Так!

– Но объяснять все родоплеменными противоречиями... Все гораздо глубже. Вот я пообщался с разными людьми. Ты знаешь! И у меня картинка-то получается несколько другая. Совсем не та, которую рисуют Латифи или Махкамов.

– Ну и какая, интересно? Выступление мафии? Демократы против коммунистического режима?

– Отчасти да! Но кроме того, душанбинские события – очень тревожный симптом. В СССР поднимает голову исламский фундаментализм. Идея очистить ислам и вернуться к истокам мусульманской веры ведет к одному – созданию исламского государства, то есть не только к превращению Таджикистана в самостоятельное государство, но и к созданию антиславянского, антирусского исламского государства...

– Ну, это ты, Андрей, сгущаешь!

– Ничего не сгущаю! Посмотри внимательно на карту и увидишь! Только на территории России проживает свыше двадцати миллионов мусульман. Это в два раза больше, чем количество русских, живущих в Средней Азии! Исламизация, вторгающаяся в СССР из Ирана и Саудовской Аравии, охватит не только Таджикистан, Узбекистан, Киргизию, Азербайджан...

Он, как кинжалом, «прошьет» Россию через Татарию, Башкирию, Калмыкию, Чечено-Ингушетию, Дагестан... И тогда...

Водитель что-то сказал скороговоркой на таджикском языке. Абдуллоджон односложно ответил ему, и они оба рассмеялись. Этот смех буквально резанул Андрея по ушам. Он очень не любил, когда при нем говорили на языке, который он не понимал.

Абдуллоджон, заметив резкое изменение в настроении гостя, почувствовал оплошность и сразу попытался сгладить ее:

– Да Исмат говорит, что по-турецки «теджик» означает «перс». Это он к тому, что ты вспомнил об Иране...

– А что это там такое? – спросил Орлов, указывая на бетонную стенку вдоль дороги, как будто не слышал пояснения Абдуллоджона.

– Это против селей. Защитные сооружения. Их тут много построено.

Орлов молча рассматривал в окно Варзобское ущелье, белоснежные пики Фанских гор. Абдуллоджон несколько раз пытался заговорить, но разговор почему-то не клеился. Дорога, извивающаяся вдоль рельефа горного склона, заметно снижалась в ту сторону, куда мчала их бежевая «Нива». Езды до Душанбе оставалось не более сорока пяти минут.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе – Ленинабад

Валера отхлебнул еще из бутылки. Он понимал, что уже изрядно выпил, но пьяным себя не чувствовал. У него только сильно ломило виски да в горле стоял отвратительный ком. КамАЗ, натужно ревя мотором и выбрасывая клубы сизого дыма, двигался по горной дороге в сторону Ленинабада.

«Сволочи! Сволочи! Они испортили мне всю жизнь!» – с горечью думал Валера Богомолов, вспоминая тот день, когда гаишник неожиданно остановил его неподалеку от таксопарка. Валера вышел из машины, недоумевая, с чего это тот вздумал его остановить. Ехал он медленно, ничего не нарушил и никаких видимых причин для того, чтобы придрататься к нему, не было. Доставая права, он уже собирался сказать несколько едких фраз блюстителю порядка на дорогах, как вдруг рядом с резким скрипом тормозов остановился милицкий уазик. Из него в считанные секунды выскочило несколько вооруженных милиционеров.

– Стоять! Руки! – раздались крики. Валера не успел даже сообразить, чего от него хотят, как сильным ударом был сбит с ног. Затем на него навалились, перевернули и, заломив руки за спину, быстро надели наручники.

– Попался, гад! Теперь не уйдешь, с...! Отправишься теперь к своим друзьям!

Валера хотел что-то возразить, но получил такой сильный удар под дых, что долго не мог прийти в себя и оклемался только в камере предварительного заключения.

Потом было все как в тумане – допросы, очные ставки, переполненная камера изолятора временного содержания, озлобленные потные лица, жуткая вонь, побои и страх. Постоянный животный страх, который поселился в Валерином сердце, как только он попал в камеру.

Он хотел бы забыть ту первую ночь своего заточения. Он даже пытался представить, что ее просто не было, она ему приснилась, но сделать этого не мог. Пережитый ужас и унижение, свалившие его с ног, бросившие его в зловонную грязь самых низменных человеческих отношений и инстинктов, перечеркнули всю его жизнь. Если до той ночи он был простым парнем, по воле злой судьбы оказавшимся среди отбросов общества, то после нее он сам стал отверженным, раздавленным, существом, превращенным в жалкое подобие человека, цепляющегося за жизнь и готовое идти ради ее сохранения на все новые и новые унижения.

– Глянь-ка! Кто пожаловал к нам в кандет!²⁶ Будет кому задуть сопло! Ну что, кнут²⁷, забирайся под любой станок²⁸, какой понравится! – это было первое, что услышал Валера, оказавшись в камере, заполненной до отказа парнями и мужиками, большинство из которых были раздеты по пояс или вообще сидели в одних трусах. В ней было так душно и смрадно, что у него закружилась голова. Но он устоял на ногах, потом сделал несколько шагов и положил свой матрац под ближние к нему нары, расположенные рядом с разбитым унитазом, источающим отвратительную вонь.

О, если бы он знал, что этого делать никак нельзя! Что это был первый шаг к падению на самое дно! Что лучше бы было вообще не садиться и не ложиться, а остаться стоять посередине камеры, падая с ног, изнемогая от усталости и ожидания какого-нибудь подвоха. Даже если бы его стали бить, силой затаскивая под нары, он должен был бы сопротивляться из последних сил, отстаивая свою честь и достоинство. Тогда бы его, скорее всего, зауважали и, возможно, отстали бы от него. Но этого не произошло. Валера покорно сначала присел на пол рядом с матрацем, а потом протиснулся под нары, отстраняя ноги сидящего на них здорового парня с татуировкой на груди в виде гладиатора в доспехах со щитом и обнаженным мечом.

– У-у, пидер! Будешь у меня... – процедил сквозь зубы сидящий на нарах.

– Иди ты на х...! – беззлобно ответил Валера, укладываясь на матраце.

– Что-о, шваль? Все слышали? Он меня назвал «петухом»! Да мне тебя придушить – раз плюнуть! У меня четвертая ходка – сто восемь... Вышака все равно не будет, а пятнадцать и так припухать!

Камера одобрительно загудела. Но днем Валеру никто не тронул, даже тот с татуировкой, который сидел над ним. Он так и пролежал до конца дня, уткнувшись в матрац и не вставая, даже когда раздавали ужин. А ночью началось самое страшное. Он ждал этого момента, но тем не менее все произошло для него неожиданно. Прислушиваясь к шорохам, сопению и храпу, он все равно прозевал тот момент, когда двое сокамерников приблизились к нему, неожиданно накинули на шею полотенце и стали сильно стягивать его. Чья-то рука зажала ему рот, и Валера почувствовал, что задыхается. Он пытался вырваться из цепких объятий, но тут его выволокли на середину камеры. На него навалились еще несколько человек, больно прижимая его тело ногами к цементному полу. Было темно, и он не видел лиц насильников, но слышал их тяжелое дыхание и шепот. Он задыхался, чувствуя, что еще немного – и умрет от нехватки воздуха. Его тело извивалось в конвульсиях, он пытался освободить зажатые руки, но это ему никак не удавалось. Сдавленный хрип раздавался у него где-то внутри. Кто-то поставил ему ногу на грудь и с силой ударил в подбородок. Разбитые губы стали сочиться тонкими струйками крови. Она затекала ему за ворот рубашки, образовывала липкую лужицу под затылком.

– Ша, однокорытники! Уберите утирку с дыхала! А то загнется!

Те, кто стягивал на горле полотенце, слегка отпустили его, и Валера стал судорожно глотать воздух, закашлялся и попытался приподнять голову, но нога в тяжелом ботинке больно прижала ее к полу.

– Сейчас мы посмотрим, кто из нас «петух»! – раздался зловещий шепот, а вслед за ним одобрительные возгласы сокамерников:

– Давай, Гриф, мужарь²⁹ его! Опустит, гада!

То, что произошло потом, на несколько лет вышвырнуло Валеру из круга себе подобных, превратило в жалкое, забитое существо, над которым можно было издеваться кому не лень, которого можно было постоянно унижать, не опасаясь, что у него могут появиться защитники.

---

²⁶ Изолятор временного содержания (*блат.*).

²⁷ Парень (*блат.*).

²⁸ Нары (*блат.*).

²⁹ Мужарить – насильно совершать акт мужеложства (*блат.*).

Валера Богомолов, еще не став подсудимым, а будучи только подследственным, превратился в изгоя, в «петуха», в «опущенного», общение с которым могло «зашкварить»³⁰ любого, кто пошел бы на это. С того злополучного дня Валера стал представителем касты неприкасаемых, которых презирали везде – в следственных изоляторах и на зонах, в тюрьмах и на пересылках. Он драил сортиры и чистил параша, его морили голодом, заставляя есть брошенные на пол объедки, по ночам его многократно насиловали, прибегая к самым изощренным пыткам и унижениям. И конечно, все время били. Били за самую малую оплошность, били за случайное прикосновение к сидевшим рядом с ним, даже за то, что он нечаянно коснулся чьих-то вещей или посуды.

Только потом Валера узнал, что ту первую камеру в изоляторе временного содержания, где его превратили в жалкое животное, все называли «пресс-хатой». Пробыв там неделю-другую, подследственные сознавались в любых преступлениях, даже тех, которые не совершали. Чтобы избавиться от мучений и ужаса, они готовы были признать, что ограбили магазин, убили человека или изнасиловали женщину. Вырвавшись из страшной камеры, они дрожащей рукой выводили на положенных перед ними листках «чистосердечные признания», облегчая работу следователям РОВД, которые добивались «исключительно высоких процентов раскрываемости преступлений».

Валера, пробыв в «пресс-хате» полторы недели, тоже написал «чистосердечное признание» в том, что был соучастником ограбления и помогал своим сообщникам в транспортировке краденых вещей. За это его причислили к организованной преступной группе, совершавшей разбойные нападения на граждан, и дали ему шесть лет, которые он отбывал в одной из колоний общего режима. Но и там ему не удалось избежать продолжения издевательств, поскольку скрыть то, что «опущенный», он не мог. По законам уголовного мира, его тут же бы убили, если бы узнали, что он утаил свою принадлежность к касте неприкасаемых. Ведь большего оскорбления для отбывающих срок, чем общаться с «петухами», нельзя было придумать. Поэтому в некоторых зонах они даже жили в своего рода резервациях – отдельных бараках, называемых «обезьянниками» или «обиженками».

Валера потряс головой, как бы стараясь стряхнуть с себя страшные воспоминания. Слева за окном «КамАЗа» мелькали деревья, гладь рукотворного Варзобского озера – любимого места отдыха жителей Душанбе. До места встречи с бежевой «нивой» оставалось чуть больше тридцати километров.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе – Ленинабад

– Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало,

– продекламировал Абдуллоджон. – Люблю Хайяма! У него такие умные стихи! На все случаи жизни!

– Да, мне тоже нравится, – ответил Орлов. – А к чему это ты про «лучше будь один, чем вместе с кем попало»?

– Да к тому, Андрей, что истинных друзей на самом деле очень мало. Вот у меня товарищей очень много! А друг – только один! Мы с ним еще учились в школе. Хороший такой парень. А у тебя много друзей?

---

³⁰ Осквернить (*блат.*).

- У меня... – Андрей задумался, – У меня, наверное, тоже мало. Ну не один... Но...
– А сколько?

Орлов вспомнил своих одноклассников Володю и Виктора. С первым они очень дружили с четвертого класса. Вместе проводили время, вместе прогуливали уроки, для воспитания воли вместе прыгали на ходу с площадки товарного вагона движущегося поезда в районе подмосковной Поваровки, вместе отправились в весенние каникулы шестьдесят седьмого в Калининград, где неожиданно для себя нашли, а затем сдали в милицию ржавый парабеллум. Потом Володя как-то отдалился от Андрея, увлекся «битлами», у него появилась своя кампания, а последовавшая через два года после окончания школы служба в армии, казалось, насовсем разлучила школьных друзей. Но спустя несколько лет они все-таки стали время от времени встречаться, вспоминая школьные годы, одноклассников и свои странные увлечения, а один раз даже сходили вместе в лыжный поход по архангельской тайге.

По-другому было с Виктором. Тот был замкнутым и серьезным парнем. «Демкович» – звали его одноклассники по имени автора учебника по физике. Виктор был очень изобретательным молодым человеком. В девятом классе он изобрел прибор для подогревания градусника, который крепился на теле подмышкой. Первый же опыт позволил им с Андреем получить освобождение от занятий на целую неделю. Потом, когда они вместе отправились в путешествие на велосипедах по Литве, Виктор применил очень хитроумное антиугонное устройство, срабатывавшее даже при слабом прикосновении к велосипеду. Правда, напугав однажды маленького мальчика, желавшего потрогать рукой блестящую машину, прислоненную к стене кафе, в котором обедали Андрей с Виктором, они отказались от использования этого прибора. Витя дважды приезжал в воинскую часть, где Андрей проходил срочную службу в армии, один раз даже помог ему сходить в «самоволку». Ну а потом раз-два в году они встречались по разным торжественным поводам.

Был еще Юра, с которым Орлов служил в армии. Он жил в Калининграде, закончил институт, женился, воспитывал двоих сыновей – Максима и Егора. С ним Андрея связывали приключения армейской жизни, письма и открытки к праздникам да периодические встречи в Москве и Калининграде. Юра несколько раз ходил в заграничное плавание и проездом останавливался в Москве у Орлова, привозя копченую морскую рыбу и деликатесные консервы. Правда, однажды он для хохмы прислал ко дню рождения Андрея кирпич в посылке. Этот случай они потом не раз вспоминали как пример шутки, которая могла понравиться только одной стороне.

В Каунасе жил Саша, а в Риге – Агрис. С обоими Андрей тоже служил в армии и вот уже двадцать лет время от времени поддерживал дружеские контакты. Пожалуй, и все. Новых московских друзей у Орлова не получилось. Когда Андрей работал в университете, он подружился было с Виктором и его женой Леной, но после того, как Виктор перешел на работу в КГБ и они уехали за границу, связь практически оборвалась. Время от времени они позванивали, когда приезжали в отпуск, но встретиться с ними не удавалось. Так постепенно они удалялись и удалялись друг от друга, и когда Виктор с женой вернулся в Москву насовсем, их уже почти ничего не связывало с бывшими друзьями. Вот, собственно, и все друзья Орлова.

– Да, у меня, пожалуй, тоже мало друзей, – сказал Андрей. Потом улыбнулся, посмотрел на Абдуллоджона и добавил: – Но теперь их будет больше.

Абдуллоджон тоже заулыбался, понимая, что в настроении Орлова произошла перемена и он простил ему допущенную бестактность.

– Ну ты доволен поездкой, Андрей? Ты уверен, что во всем разобрался?

– Да я, собственно, не затем приехал. Ты же знаешь, что мне надо подготовить материал для заседания Коллегии о действиях в Душанбе отрядов самообороны и сделать обзор.

– Знаю, знаю. Но наши говорят, что для этого вряд ли бы прислали человека из Москвы, да еще из Инспекторского управления. Мы бы тут сами все обобщили и прислали вам...

– Но, Абдуллоджон, на месте то оно видно гораздо лучше!

- Ладно, замнем для ясности!
- Нечего заминать. Материалы я все собрал... А что касается событий, то ты знаешь, что у меня есть своя точка зрения...
- Знаю. Но может быть, не совсем верная?
- Все может быть! Вот скажи, Абдуллоджон, ты помнишь на пленке молодчиков, которые кричали: «Аллах акбар!»? Помнишь?
- Ну, помню.
- А знаешь, что они будут кричать потом?
- Абдуллоджон пожал плечами и, немного подумав, спросил:
- Когда потом? Через несколько лет? Наверное, будут призывать к выходу из Союза!
- Нет! Сначала будет объявлен «джихад» – война с неверными. Как это делают моджахеды в Афганистане. Ты уж извини меня!
- Ты хочешь сказать, что «исламский фактор» будет...
- Я хочу сказать, что, не дай бог, нам всем придется расхлебывать эту кашу! И тогда это будет страшно!
- Ты пессимист!
- Я хотел бы быть оптимистом, но не получается!
- Ладно, Андрей! Давай не будем об этом! Время покажет!
- Не будем.

Они немного помолчали, глядя за окно. Варзобское ущелье становилось все шире, горы как бы раздвигались, а дорога становилась все менее извилистой.

– Скоро уже будем в Душанбе. Тут ехать... – Абдуллоджон посмотрел на часы, – не больше получаса. Самолет у тебя в семь. Так что еще уйма времени. Успеем еще выпить по чашечке кофе в аэропорту!

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе – Ленинабад

Годы, которые Богомолов провел в колонии, превратили его в забитое существо, которое боялось всего, даже собственной тени. Быть «опущенным» на зоне – значит не только быть человеком второго сорта, но и являться абсолютно бесправным, беззащитным созданием, оскорблять и унижать которое мог каждый.

Дважды Валера пытался наложить на себя руки, но каждый раз ему мешали сделать это. Повеситься в кочегарке ему не дал бригадир, что есть силы ударивший длинным железным прутком по веревке, зацепленной за ржавую скобу. Вскрыть вены ему не позволил сосед по нарам, такой же, как и он, бесправный, но добрый парень, «задушняк». И остался Валера дальше жить до самого того дня, когда наконец истек срок его наказания и он, как говорили в колонии, «откинулся звонком».

Потом были трудные месяцы возвращения к нормальной жизни. В Москву Богомолов поехать не смог, сначала жил в Вышнем Волочке, разгружая товарные вагоны на станции, а потом уехал в далекий Таджикистан, где в течение полугода вынужден был работать грузчиком в овощном магазине и снимать угол у одной старухи в пригороде Душанбе. И только встреча с Волошиным, который взял его на работу шофером, изменила все. Он впервые за много лет почувствовал себя человеком, жил в общежитии, где никто не знал о его прошлых злоключениях, никто не пытался унижить или оскорбить его. Конечно, о том, что Валера отбывал наказание в колонии, знали многие, но подробностей он никому не рассказывал и переживаниями прошлых лет ни с кем не делился. Уродливая жизнь в колонии удалялась от него, он все реже и реже вспоминал о ней и, может быть, очень скоро она казалась бы ему всего лишь каким-то страшным сном, если бы в один прекрасный день он не встретил в пивбаре, куда частенько заглядывал по субботам, человека, который сразу узнал его.

– Гляди, Богомол! Ты, что ли? Вот так встреча! – сказал тот с кривой усмешкой и, обращаясь к стоявшим вместе с ним парням, добавил: – Да это другарь мой, Валерка! Мы вместе «мочили рога» в загоне³¹. От звонка до звонка!

Валера исподлобья смотрел на него, всем своим нутром ощущая опасность, исходившую от старого знакомого, которого в колонии все называли Козырем. А тот уже протягивал ему кружку пива, приговаривая: – Вот так встреча! А у меня прошло уж четыре «лысака», как от хозяина³²! Работаешь?

– Работаю, – нехотя проговорил Валера.

– А где, не секрет?

– На автобазе.

– Водила?

– Да, на КамАЗе.

– Ух ты! Ништяк! То, что надо!

– Что надо? – с тревогой спросил Валера.

– Да! – Козырь махнул рукой. – Потом поговорим!

– Да не буду я ни о чем говорить! – вырвалось у Валеры. – Не о чем нам с тобой говорить!

На глазах «старый знакомый» из приветливого товарища по несчастью превратился в угрюмого и злобного бандита:

– Что, падла? Плашкет³³ долбаный! Ты чё чирикаешь? Ссучился?

Валера стоял ни жив ни мертв. То, что он хотел забыть, что, казалось, уже давно в прошлом, снова ворвалось в его жизнь, опрокидывая все чаяния и надежды.

– Завтра здесь же в восемь. Понял? Не придешь – найду и удавлю! Понял? Все! Адью!

Всю ночь он придумывал, как избежать страшной встречи, думал даже бросить все и уехать из города. Переждать где-нибудь, пока все успокоится и он сможет снова жить так, как жил последние месяцы. Он промучился весь день, всю свою рабочую смену, отгоняя от себя тревожные мысли и со страхом поглядывая на часы, неумолимо отсчитывающие время и приближающие его к роковой встрече.

Валера не хотел идти в пивбар, понимая, что встреча с Козырем не сулит ничего хорошего, что это – конец его спокойной жизни, возвращение страданий и страха. Он не хотел идти, но знал, что пойдет. Он даже боялся признаться себе в этом, отгоняя ту минуту, когда надо будет принимать решение.

Козырь встретил Богомолова как ни в чем не бывало. Как будто вчера не было слов угрозы в его голосе и они расстались старыми, добрыми друзьями. После пивбара они отправились на «хату» к какой-то знакомой.

– Принцесса! – сказал про нее Козырь. Потом посмотрел на подавленного Валеру и добавил: – Не бойсь, Богомол. К вечеру будут две биксы³⁴. Отдохнем!

На квартире, где кроме «принцессы» было еще трое друзей Козыря, они уселись за стол, который буквально ломился от яств. Играли в карты, пили, ели, пели под гитару, дурачились. Рюмка за рюмкой и Валера почувствовал, что хмелеет. Заметив это, Козырь отставил бутылку в сторону и наконец перешел к тому, ради чего привел сюда Валеру. Он предложил поговорить «о деле». Оказалось, что он с приятелями уже давно промышляет в городе, обворовывая квартиры и частные дома. У них уже была налаженная система сбыта краденного, но появление Валеры, который работал водителем на грузовике, открывало перед воровской шайкой новые возможности.

---

³¹ Отбывали срок в колонии (*блат.*).

³² Прошло уже четыре месяца, как я из зоны (*блат.*).

³³ Пассивный гомосексуалист (*блат.*).

³⁴ Проститутки (*блат.*).

– Слушай, Богомол! Идем на сухое дело. Будем «лепить хавиру»!³⁵ За тобой – мотор! Понял? – с жаром говорил Козырь, обещая Валере хороший навар и гарантию безопасности.

С тех пор Валера Богомоллов снова стал на путь преступления и словно покатился в пропасть. Главарем воровской шайки был некий Сафар, маленький и коренастый таджик с большой лысиной и густыми черными бровями. Он всегда носил затемненные очки в металлической оправе, и Валера, даже если бы хотел, не смог бы представить себе, какие глаза у этого человека. Именно Сафар назначал время и место, куда следовало подать машину, а оттуда уже – везти какие-то мешки, ящики, коробки или чемоданы. Расплачивались с Валерой каждый раз после удачно проведенной операции. Давали по две-три сотни рублей за раз, что было вполне приличной добавкой к получке. Его не втягивали ни в какие разговоры, больше не приглашали на «хату», где жила «принцесса», и Валера со временем даже как-то немного успокоился, как будто получил вторую непыльную работу по совместительству. Беспокоило только то, что ему постоянно надо было выкручиваться перед диспетчером и оправдываться перед начальником колонны Волошиным, которого он очень уважал и не хотел подвести. «Если бы он знал, чем я занимаюсь!», – с горечью думал Богомоллов, когда видел недовольный взгляд начальника. – «Ведь он мне помог! Помог, как сыну! А я!» Надо сказать, что Волошин покровительствовал Валере с самого начала, как взял на автобазу, и даже прощал ему отдельные проступки.

Трудно сказать, как долго бы продолжалась эта вторая, скрытая от окружающих жизнь шофера автобазы, если бы однажды во время поездки в Курган-Тюбе его не остановил на въезде в город сотрудник ГАИ. Валера, ни в чем себя не чувствуя виноватым, спокойно подошел к милицейской машине. И тут случилось непредвиденное. Точно так же, как несколько лет назад, его неожиданно сбили с ног, скрутили руки за спиной и бросили на заднее сиденье милицейской «Волги». Потом они долго ехали по улицам Курган-Тюбе, пока не оказались среди каких-то бараков, в один из которых его и втолкнули, грубо тыча в спину чем-то железным. А потом был долгий разговор с опером, который сразу дал понять, что знает о Валере все: и то, что он связан с бандой Сафара, и что отсидел несколько лет в колонии общего режима, и что был на зоне «опущенным», презираемым и гонимым всеми.

– Слушай, Богомоллов! У тебя нет выхода! Или мы берем тебя и десятка строгача тебе, как рецидивисту, обеспечена, или... – Оперативник посмотрел прямо в глаза Богомоллову, – Или ты работаешь на нас!

Валера молчал, исподлбья глядя на милиционера.

– Если вернешься на зону, сам знаешь, что там с тобой будет. Мы постараемся, чтобы там тебя встретили как надо. А вообще-то ты сам знаешь, что «опущенных» там вычисляют быстро... Сдохнешь там, не отбыв и полсрока! Все понял?

Валера все понял. С того дня он стал каким-то безразличным к жизни. Все события разворачивались как бы без него. Вернее, он смотрел на себя как бы со стороны, как будто кто-то другой с удивлением и интересом наблюдает за его пропащей судьбой и катящейся под откос жизнью.

Так и шли дни за днями. Работа на автобазе, ночные поездки с ворованными вещами, периодические встречи с «опером». Три разные жизни, и в каждой из них – один и тот же человек! Со временем Валера даже привык к постоянному ощущению страха, ожиданию разоблачения и страшной расплаты. Но чем дальше, тем больше никак не мог понять своей роли в общении с «уголовкой». Шайка Сафара продолжала орудовать в городе, иногда Валере даже казалось, с еще большим размахом. За это время никого не арестовали, не помешали ни одной «операции», не сорвали ни одной «домухи»³⁶. Более того, если раньше шайка действовала исключительно ночью, то теперь Валера заметил, что люди Сафара нередко отправлялись на

---

³⁵ Обворовывать квартиру (*блат.*).

³⁶ Кража из помещения (*блат.*).

«промысел» среди бела дня, и ему требовалось найти предлог или улучшить момент, чтобы вырваться на это время с автобазы.

Ведя двойную жизнь, Валера испытывал горькое чувство собственного предательства по отношению к Волошину, который поверил ему, взяв на работу, когда никто нигде не хотел его брать. Пряча глаза, он уже несколько раз оправдывался перед начальником колонны, когда его уличали в «левом» рейсе. Волошин ругался, очередной раз предупреждал Богомолова, но все-таки прощал его, видно, считая, что парню просто не хватает денег и он пытается восполнить это способом, которым пользуются очень многие шофера. Узнал бы Волошин, чем занимается Валера, наверное, не поверил бы. А уж тем более, если бы узнал, что у того в кармане стали водиться большие «бабки», почувствовал бы себя оскорбленным и нагло обманутым.

Несколько дней назад Валера, проезжая по улице, совершенно случайно увидел Сафара, стоящего у табачного киоска и разговаривающего с каким-то человеком в темно-синем пальто. Даже со спины ему показалось, что он знает этого человека. И когда Валера увидел его далеко отстраненную руку с сигаретой, он сразу узнал его. Это был «опер». Да, тот самый, с которым Валера регулярно встречался на какой-то квартире и рассказывал во всех подробностях о действиях шайки Сафара. Тот самый оперуполномоченный уголовного розыска, которому Валера должен был сообщать по телефону о всех готовящихся «акциях» и налетах.

Валера даже притормозил немного, чтобы рассмотреть стоявшего рядом с Сафаром человека, и, когда тот немного развернулся, убедился в том, что оказался прав. Удивлению его не было границ. Оказывается Сафар и «опер» знакомы друг с другом и сейчас преспокойненько стоят и разговаривают, как старые добрые товарищи. «Совершенно непонятно!» – думал Валера. – «Если они знакомы, то почему «опер» всегда так подробно меня расспрашивал о Сафаре? Может быть, они познакомились только что? Может быть, это произошло случайно?» Он не знал, что и думать. И только глубокой ночью, ворочаясь на скрипучей кровати, так и не сумев заснуть, потому что в голове крутились всякие тревожные мысли, он вдруг отчетливо понял, что является заложником какой-то большой игры. В этой игре между Сафаром и «опером» есть какая-то связь, какой-то взаимный интерес, о котором Валере не говорили ни тот, ни другой. И очень скоро Богомолов смог убедиться в правильности своей догадки.

Когда Валера в очередной раз встретился с Козырем в пивбаре, тот, будто мимоходом, сказал:

– Тебя хочет видеть Сафар. Дельце у него к тебе есть. Зайдешь завтра вечером ко мне.

На следующий день Валера предстал пред Сафаром. На том, как всегда, были затемненные очки в металлической оправе. Он сидел в кресле, положив ногу на ногу и вертя в руке пачку «Винстона».

– Козырь, пойдй погуляй. Мне с ним... – он кивнул на Валеру, – порожняк погонять³⁷ надо.

Но и когда Козырь вышел из комнаты, Сафар не спешил начинать разговор. Он распечатал пачку сигарет, щелчком вытряхнул из нее одну, медленно размял ее между пальцами, потом прикурил от красивой золотистого цвета зажигалки и пустил в сторону несколько колец дыма.

– Ну что, Богомол, тоскуешь?

– Да нет. Чего тосковать-то? – с тревогой спросил Валера.

– Да бабок, небось, не хватает?

– Почему? Хватает.

– Хватает, говоришь? Ну это ты свистишь! Денег никогда не хватает!

Валера ничего не ответил, ожидая, что Сафар наконец перейдет к делу, ради которого вызвал его сюда.

---

³⁷ Откровенно поговорить (*блат.*).

– Вижу, ждешь, что скажу, зачем приглашал тебя?

Валера промолчал снова, но весь внутри как-то сжался. В словах Сафара ему почудилась какая-то особенная опасность.

– Дело есть. Очень стоящее. Ты мне нужен. Вместе с твоей рокотухой³⁸!

– Да я... – Валера хотел было сказать, что не в первый раз ему участвовать в «операциях» банды, но Сафар перебил его:

– Подожди, не перебивай! Задача тебе будет аховская³⁹, но и грошей получишь немаленько. Сделаешь дело и свалишь отсюда. Получишь новую паспортуху и гуляй себе. Можешь ехать куда захочешь, хоть в Москву, хоть во Владик, и отвалишь в спячку.

– А что... А что я должен сделать? – с заметной дрожью в голосе спросил Валера.

– Да не бзди ты, Богомол! Тебе с твоим дизелем – раз плюнуть! Надо будет одну лайбу⁴⁰ гробануть.

– Машину сбить? Пустую?

– Да не пустую, конечно! В этой лайбе одна паскуда будет. Сука ментовская!

– Милиционер?

– Да нет же! Говорю тебе – стукач. Если не уберем его – нам всем крышка! Цапанут всех! Тебя тоже!

– Но это же мокрое дело! – воскликнул Валера.

– Да не ори ты, дрожальник! Мокрое дело! Ну и что? Я же сказал тебе: навар будет тебе большой. Очень большой. А потом – вали куда хочешь! Понял?

– Я понял, но я не согласен...

– Да тебя, плашкет, никто не спрашивает! Или ты сдохнешь, сука, здесь же, сейчас, и мясо твое сожрут собаки, или ты будешь делать то, что я тебе говорю.

Валера почувствовал за спиной какое-то едва заметное движение и тяжелую руку, положенную ему на плечо. Это был угрюмого вида таджик в чапане⁴¹, которого он еще ни разу не видел с тех пор, как стал сотрудничать с людьми Сафара. Маленькая и круглая, непропорциональная по отношению к крупному телу, голова этого человека напоминала средних размеров дыню, а отеки толстые веки и выпуклые мешки под глазами почти сливались с передней поверхностью щек, что делало его лицо отвратительно опухшим. Широкая нижняя челюсть незнакомца, приплюснутый и слегка приподнятый нос вызвали у Валеры ассоциации с бульдогом. Он так его и окрестил про себя – «Бульдог».

– А, Темурбай, ты здесь? – с улыбкой проговорил Сафар, даже не пытаясь сделать вид, что удивился его появлению. Сказав что-то скороговоркой по-таджикски, он с усмешкой посмотрел на Валеру.

– Знакомься, Богомол. Это Темурбай, мой хороший друг. И очень сильный человек. Просто бизон!

Бульдог никак не прореагировал на слова Сафара, только бесстрастно посмотрел на Валеру.

– Темурбай, покажи, какой ты сильный! – улыбаясь, сказал Сафар. И тут Валера почувствовал, как лежащая на его плече ладонь Бульдога стала смыкаться, все сильнее и сильнее сжимая его. От резкой боли Валера застонал и попытался встать, но не смог, так как второй рукой громила схватил его за горло.

– Стой, стой! Перестань, Темурбай! Ты что делаешь? Ты же форсунку ему перекроешь! Прекрати! – с деланным беспокойством прокричал Сафар. – Отпусти парня!

---

³⁸ Грузовой автомобиль (*блат.*).

³⁹ Трудная (*блат.*).

⁴⁰ Легковой автомобиль (*блат.*).

⁴¹ Чапан – халат восточного покроя.

Бульдог убрал руки, но ни на шаг не отступил от Валеры, продолжая стоять за его спиной.
– Понял, Богомол? Ты же не хочешь сдохнуть? И я не хочу! Поэтому делай то, что тебе говорят. Ясно?

– Ясно, – почти шепотом ответил Валера.

Все остальное было как во сне. Сафар, а затем еще какой-то человек объясняли Валере, что и как он должен будет сделать – когда и где встретить легковую автомашину, на полном ходу врезаться в нее и столкнуть легковушку с обрыва. Богомоллова убеждали в том, что сделать ему это будет совершенно безопасно, что все продумано до мелочей, что машину ему укажут за несколько минут до встречи и что у места аварии его будут ждать и ему, безусловно, удастся скрыться. Его уверяли в том, что милиция прибудет на место не ранее чем через полчаса после аварии, а за это время Богомоллов будет уже далеко. С новыми документами, с сумкой, полной денег, с билетом на самолет, который унесет его туда, куда он только пожелает. Валера только молча кивал, не задавая ни одного вопроса. Он уже смирился с тем, что ему не удастся отвертеться от «мокрого дела», и теперь он, как загнанный зверь, вынужден будет метаться, ища выхода из совершенно безвыходного положения. Ища выхода и не находя его.

Терзаясь сомнениями и опасаясь, что его могут заметить, поздно вечером Валера все-таки решил позвонить из телефона-автомата «оперу» и сообщить о готовящемся преступлении. «Будь что будет, – думал Богомоллов. – Так и так, либо смерть, либо тюрьма». Он сбивчиво, перескакивая с одного на другое, рассказал «оперу» о том, что ему предстоит сделать на следующий день, но тот, будто нисколько не удивившись, только сказал:

– Молодец, Богомоллов. Правильно сделал, что позвонил. Мы уже в курсе. Делай то, что тебе говорит Сафар. Это обычная разборка. Ничего не бойся. Одним бандитом больше, одним бандитом меньше. Тебе зачтется. Понял?

– Понял! – неуверенным голосом проговорил Валера.

– Ну, пока! Действуй как договорились! – В трубке послышались короткие телефонные гудки.

Валера повесил трубку, потом долго и тупо смотрел на диск номеронабирателя, как будто из его цифр может сложиться какая-то спасительная формула. Он в течение нескольких часов бродил по ночным улицам, рискуя привлечь внимание патруля или наряда милиции. Но этого не произошло, и Валера вернулся в общежитие, где залпом выпил два стакана водки, закусил их тушенкой из металлической банки и повалился на кровать. Последней его мыслью было: «Наверное, они все заодно». Кто «они» – он уже не успел додумать, провалившись в вязкий и хмельной сон.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. Шоссе Душанбе – Ленинабад

Бежевая «Нива», слегка притормаживая, двигалась в сторону Душанбе по живописному отрезку ленинабадского шоссе, имеющего явный уклон. Слева вдоль дороги тянулась почти отвесная скальная стена, а справа обрывалось вниз ущелье, по дну которого с грохотом неслись воды Варзоба. Хотя здесь ущелье стало намного шире, чем в высокогорье, обрывы были еще довольно внушительными, и когда водитель вынужден был прижимать машину к обочине, вдоль которой тянулся частокол беленьких столбиков, становилось немного не по себе.

– Отсюда до Душанбе рукой подать, – сказал Абуллоджон. – Сейчас проедем Ботанический сад – и, считай, мы дома!

– Абдуллоджон, я очень тебе благодарен за то, что ты мне хоть немного показал Таджикистан. А то пробыл в Душанбе несколько дней, а почти ничего не увидел. Теперь хоть какое-то представление имею...

– Да что ты, Андрей! Приезжай еще! Тогда покажем...

Абдуллоджон не успел договорить. Водитель резко крутанул руль вправо, прижимая машину к обочине. Обгоняя «Ниву», мимо пронеслась «Волга», вся забрызганная неизвестно откуда взявшейся грязью.

– У-у, шайтан! – выругался Исмат и добавил несколько крепких слов по-русски. – Что делает, зараза! Несется, как бешеный! А куда спешить?

– Ну, тебе, может, некуда, а ему надо спешить, – глубокомысленно проговорил Андрей.

– Вся заляпанная, даже номера не видно! Где он столько грязи нашел? – удивился Абдуллоджон. – Идиот! Из-за таких у нас и бывают аварии! Ну ладно! Тут еще немного – один... нет, два крутых таких поворота, и дорога пойдет прямо.

Варзобское ущелье как бы немного раздвигалось, и из-за отвесной скалы стало хорошо видно выходящую впереди ленту шоссе, крыши ютящихся между скалами и беснующимся Варзобом домов, голые деревья, мачты высоковольтной линии электропередач. Машин было на удивление мало, только вдали видна была превратившаяся в точку «Волга», несколько минут назад так опасно пронесшаяся мимо них. До Душанбе оставалось около двадцати минут езды.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. 25-й километр шоссе Душанбе – Ленинабад

Все произошло как и обещал Сафар. Когда до поселка Варзоб оставалось не более полутора километров, Валера увидел несущуюся ему навстречу «Волгу». Поморгав фарами, ее водитель явно давал понять, что КамАЗ должен остановиться. Что Богомоллов и сделал. Выскочивший из машины молодой человек в теплой куртке легко вспрыгнул на подножку грузовика.

– Давай, газуй! Сразу после поселка будет большой поворот у скалы... Ну ты знаешь?

Валера молча кивнул.

– Стоишь там и ждешь. Понял? Мотор не глуши! Они будут на бежевой «Ниве». Едут медленно. Как останется метров тридцать – рви что есть мочи. Там обрыв метров сорок. Твое дело спихнуть их туда. Все делай быстро. Не дай им выскочить из машины! Понял?

Валера снова кивнул, безразличным взглядом смотря на говорившего.

– Ты чего, поддал? Смотри! Не промахнись! Мы будем страховать отсюда. У нас тут еще ментовский узик... А оттуда тоже никого не будет. Дорога перекрыта. Спихнешь «Ниву» – завали туда и свою... Справишься?

– А как я...

– Чё «как»? Через минуту мы будем рядом. Забираем тебя... Ну, проверяем... как там все это... Ну, в общем, не бойсь! Все будет тип-топ! Давай, газуй. Времени нет.

Он похлопал Валеру по плечу и, прыгнув с подножки, побежал к «Волге».

Выбрасывая клубы сизого дыма, КамАЗ тронулся с места, набирая скорость.

За окном грузовика уже проносились домики поселка, промелькнуло здание универсама, магазина «Китоб», построенная в национальном стиле чайхана, стоящая у обрыва. Но ничего этого Валера Богомоллов не видел. В его помутненном рассудке перемешалось все, о чем он думал последние дни, что слышал от других и что говорил сам. Он был пьян. Но пьян не от выпитой водки, а от того мутного состояния безысходности, которое охватило его после той встречи с Сафаром. Валера уже не чувствовал себя живым человеком. Ему казалось, что он умер, что его уже нет в живых, а за рулем КамАЗа сидит его пустотелая оболочка, которую покинула душа и последние остатки воли. В его воспаленном сознании в гадкий змеиный клубок сплелись угрозы Сафара и добрый взгляд Волошина, до боли сжимающая его плечо рука Бульдога и вкрадчивый голос «опера».

«Гады, гады! Что они со мной сделали! Я убийца! Убийца! Убийца!» – проносилось в голове Валеры. Он все сильнее и сильнее давил на педаль газа, даже не замечая, что машину уже опасно заносит на поворотах, что бутылка, лежащая на сиденье, свалилась вниз и теперь каталась у него под ногами. КамАЗ неслся по шоссе, время от времени наезжая на близкую обо-

чину и поднимая столбы пыли. За окном промелькнул стоящий в стороне от дороги милицкий уазик, но Валера его уже не видел. Он механически крутил руль громадного грузовика, набиравшего бешеную скорость, остановить который, пожалуй, теперь не могла никакая сила. Напрягаясь всеми своими лошадиными силами, ревя и пуская клубы дыма, КамАЗ буквально взлетел на очередной подъем, откуда хорошо просматривалось шоссе, поднимающееся вверх по ущелью. Маленькой точкой впереди, то показываясь на поворотах, то исчезая за изгибом скалы, виднелась легковушка, которая ехала навстречу.

«Это моя смерть! – промелькнуло в Валериной голове. – Да, это моя смерть!» Как будто не он на своем грузовике, на своей «рокотухе» несся вперед для того, чтобы раздавить, расплющить и сбросить в пропасть этот маленький автомобиль, в котором сидят совершенно незнакомые ему люди. А как будто именно в нем, том самом автомобиле, таилась от него страшная и лютая смерть, приближающая с каждой секундой жуткую развязку всех его проблем.

Валера все сильнее и сильнее нажимал на педаль газа, будто рассчитывал избежать приближающейся развязки, перенестись с этой горной, зажатой ущельем дороги куда-то на простор, где можно было бы найти спасение от неумолимо подступающей смертельной опасности, где можно было бы забыть все – и этот грузовик, и тех людей, которые толкнули его на преступление, и всю свою исковерканную жизнь. И вдруг Валере показалось, что он уловил, ухватил ту самую единственную нить, потянув за которую, он найдет спасение от неминуемой гибели. Ему вдруг открылась Истина, постигнув которую, он одним махом избавлялся от всех своих проблем: от убийства, которое должен был совершить, от тюрьмы, новых унижений и смерти, которые должны были последовать за ним, от постоянного страха и ожидания опасности. От того, что он вдруг нашел наконец спасение, Валере стало легко и спокойно. В один миг отступил страх и ужас происходящего, куда-то далеко унеслись жуткие видения, унялась дрожь в теле и стала ясной голова, как будто не было выпитой бутылки водки, бессонной ночи и страшного вчерашнего дня.

На просветлевшем лице Валеры Богомоллова появилось некое подобие улыбки. Губы его шептали какие-то бессвязные слова, глаза, доселе тусклые и потухшие, широко смотрели прямо перед собой – на дорогу, на мелькающие слева столбики ограждения, на величественные Фанские горы. Только сейчас он вдруг обратил внимание на красоту этих гор – чистейшую белизну снега, сверкающего на солнце, черные остроконечные выступы скал, живописный серпантин горной дороги. «Как же хорошо! Как же хорошо!» – это были, наверное, последние Валерины мысли, прежде чем он на полной скорости круто повернул руль влево и машина, сбивая ограждение, по инерции пролетев некоторое время вперед, стала падать в пропасть, глухо ударяясь о торчащие камни, кувыряясь и теряя во время своего падения куски железа, осколки стекла и какие-то обломки.

26 февраля 1990 года, день.

Таджикистан. 28-й километр шоссе Душанбе – Ленинабад

Когда бежевая «Нива» достигла того места, где несколько минут назад, сбив ограждение, упал на дно ущелья КамАЗ, все было кончено. То, что совсем недавно было мощной машиной, лежало бесформенной грудой где-то внизу. Три бетонных столбика ограждения были сбиты, один – сильно поврежден. Видно, машина, сваливаясь вниз, только задела его.

Абдуллоджон, водитель Исмаи и Андрей Орлов, выскочившие из «Нивы», бросились к краю обрыва и, увидев результаты аварии, сокрушенно посмотрели друг на друга.

– Все! Там уже живых никого нет! С такой высоты... – Исмаи сделал какое-то движение рукой. – Вряд ли!

– А может, надо спуститься и посмотреть? – то ли спросил, то ли предложил Андрей.

– Пожалуй, можно! – сказал Абдуллоджон, посмотрев на часы. – Немного, но время у нас еще есть.

Они так увлеклись открывшейся перед ними картиной аварии, что даже не заметили подъехавшую и остановившуюся рядом «Волгу».

– Чё там, мужики? Авария, что-ли? – спросил молодой парень в теплой куртке. – Водила-то жив?

– Да нет, наверное! – ответил Абдуллоджон. – Вот хотим спуститься, посмотреть.

– Да погодите пока. Вон милиция едет.

Действительно, к месту аварии уже подъезжал милицейский «газик». Как только он остановился, из него вышли два милиционера.

– Что тут произошло? – спросил один из них.

– Да, вот, КамАЗ упал с обрыва, – сказал Исмаи.

– Вы видели, как это произошло?

– Нет. Подъезжаем и видим: ограждение сбито, следы...

– Товарищ лейтенант, – сказал парень, приехавший на «Волге», – Я его еще в поселке видел. Он так несея! Я еще подумал, что пьяный, наверное!

– Ладно, вы, товарищ, можете остаться. Дадите свидетельские показания. А вы... – милиционер обратился к троице, приехавшей на «Ниве», – если ничего не видели, так можете быть свободны.

Орлов и его спутники постояли еще немного на месте аварии, но, увидев, что один из милиционеров стал осматривать край обрыва для того, чтобы выбрать место для спуска вниз, молча повернулись и пошли к машине.

– Я же говорю, Андрей, у нас тут так гоняют, что, видишь... Наверное, действительно пьяным был. Занесло на повороте... – медленно, как бы раздумывая, проговорил Абдуллоджон.

– А ты обратил внимание... – Орлов посмотрел на Абдуллоджона.

– На «Волгу»?

– Да.

– Обратил. Это та самая, что обогнала нас минут пятнадцать назад.

– Ну и что ты думаешь?

– А чего тут думать? Ну, спешил человек в поселок, а потом решил вернуться. А ты что думаешь?

– Не знаю. – Андрей открыл дверцу «Нивы» и, оставляя место для Абдуллоджона, уселся на заднее сиденье.

– Поехали, Исмаи! – бросил тот водителю, садясь рядом с Орловым.

Когда машина поравнялась с милицейским уазиком и «Волгой», Андрей заметил, как оба милиционера и парень в куртке, стоявшие на краю обрыва, а также еще двое, так и оставшиеся сидеть в «Волге», – все разом посмотрели на отъезжающую «Ниву».

– Похоже, мы их интересуем больше, чем свалившийся грузовик, – задумчиво произнес Орлов.

– Да брось ты, Андрей. Им до нас нет дела, так же как и нам до них. Тебе все чудятся какие-то странные вещи.

– Может быть, может быть.

– Не бери в голову. Ты просто устал за эти дни. Но ничего. Скоро будешь дома – там отдохнешь!

– Да, Абдуллоджон, я что-то очень устал. И правда, хочется домой.

26 февраля 1990 года, вечер.

Таджикистан. Душанбе

В девятнадцать двадцать две по местному времени авиалайнер «Ту-154» взял курс из Душанбе на Москву. Андрея Орлова отделяли от встречи с домом каких-нибудь четыре часа полета. В аэропорту его провожал Абдуллоджон, который напоследок, пожимая руку, сказал:

– Приезжай к нам летом, Андрей. Все покажем здесь. Будешь доволен. Ну а если что нужно – звони. Привет Москве!

Орлов с чувством пожал руку коллеге и, в свою очередь, пригласил его в Москву. Поднимаясь по трапу, он обернулся. Позади, среди сгустившейся темноты, сияли фонари аэропорта, мелькали сигнальные огни рулежных дорожек и горела ярко-красными буквами надпись «Душанбе». Позади оставались тревожные дни пребывания Андрея в этом городе, встречи с людьми, работа с секретными документами и материалами, тайные контакты с ценными источниками, бегство от преследователей, ночной разговор с Вячеславом, поездка в Варзобское ущелье, груда металла, оставшаяся от тяжелого грузовика, свалившегося с обрыва. Впереди была Москва.

Тогда Орлов еще не знал, как события в Душанбе очень точно предвосхитили грядущую катастрофу страны, в которой он жил, которую любил и без которой не представлял будущего. Крах великой державы, СССР, неумолимо приближался, неся страшные беды и трагедии. Орлов этого не знал, но это предчувствовали люди, вплотную соприкоснувшиеся с жестокой и враждебной силой, направленной на развал страны, силой, сеющей вражду и ненависть.

ДОКУМЕНТ: «Уважаемые народные депутаты! Когда мы вас избирали в Верховный Совет СССР, то надеялись видеть в вас наших... защитников, надежных проводников экономических реформ, способствовавших бы подъему экономики и благосостояния страны. Что же мы видим? Пока вы упражняетесь в красноречии, страстно дебатировав по каждому вопросу, экономика пришла в упадок, во многих союзных республиках под благовидными вывесками подняли головы со всей откровенностью националисты разного толка...

Нам понятна озабоченность депутатов положением национальных меньшинств, т. е. коренных жителей республик Средней Азии, Закавказья и др. Ответьте нам, к какой части относите вы нас, представителей других национальностей: русских, украинцев, татар, немцев, осетин, армян, евреев и др., проживающих в этих республиках? А ведь мы и есть то самое национальное меньшинство, которое больше всех нуждается в правовой защите.

События в Азербайджане, Молдавии, Армении, Прибалтике, Фергане, наконец, Таджикистане показали, на кого обрушились со всей звериной жестокостью националисты... – именно на русскоязычное население. Вы сомневаетесь? Тогда ответьте: ваших жен, сестер, детей насильствовала разъяренная толпа, убивала? Ваших мужей, братьев, сыновей топтали ногами, убивали? Какие чувства вы будете испытывать при виде толпы в триста человек перед райисполкомом, требующей выдать русских, только при этом условии обещается не громить райисполком?

Вы, товарищи депутаты, бросали работу, чтобы успеть забрать детей из детских учреждений и сломя голову неслись домой, чтобы, вооружившись чем попало, встать бок о бок с женами и детьми на защиту своих домов? Ваши дети изготавливали взрывпакеты и бутылки с зажигательной смесью, чтобы защитить своих отцов и матерей?

Правоохранительные органы расписались в своем бессилии, и мы вынуждены были сами защищаться чем попало, и тогда погромщики, увидев силу и интернациональную сплоченность, пресмирили. Но надолго ли?..

Уму непостижимо: Четырнадцати-двадцатилетние юнцы терроризировали город с многотысячным населением!

Неужели непонятно, что ими руководит опытная рука... Идет жесточайшая борьба за власть, пущены в ход все средства вплоть до погромов... Когда вы, товарищи депутаты, закончите упражняться в изящной словесности и займетесь наведением в стране должного, законного порядка?

После событий в Душанбе мы не уверены в будущем наших детей и заявляем во всеуслышание: хватит жить в страхе за жизнь наших детей и близких!.. Февральские события в Таджикистане показали, что новой кровавой вспышки, круто замешанной на национализме, можно ожидать в любой момент...» (*Открытое письмо работников Южной гидрогеологической экспедиции народным депутатам СССР. Февраль 1990 года*).

Февральские события в Душанбе были прологом приближающейся трагедии народов Советского Союза, сигналом к активизации всех деструктивных сил, реальной демонстрацией слабости руководства страны, которое не могло защитить своих граждан перед произволом и беззаконием.

СТАТЬЯ: «...Историю можно перевернуть, преподнести иначе, но все, что творилось в Таджикистане, забыть нельзя. Приходит время – и история начинает мстить. Мстить жестоко. Мы получили свое. После была братоубийственная война...» (*«Независимая газета», 11 февраля 2000 года*).

Глава 2. Госбезопасность: пружина разлома

26 февраля 1990 года, день.

Москва. Крылатское

Весь день Оля не могла найти себе места. Чем бы она ни занималась – мыла посуду, готовила обед, стирала белье или разговаривала за чаем с Евдокией Михайловной, – ее не покидали тревожные мысли о муже. Ночной телефонный разговор с Андреем не успокоил ее, наоборот, в его словах «все нормально» ей почудилась тревога. Может быть, ее насторожила интонация, с какой это было сказано, может быть, секундная пауза, когда на ее вопрос «Что же ты не позвонил?» – он ответил: «Я... не мог, Оля. Не получилось».

Конечно, она понимала, что звонить каждый день из другого города во время командировки почти невозможно. По обрывочным рассказам она знала, как напряженно проходили дни мужа во время его выездов из Москвы: постоянные встречи, беседы с людьми, работа с документами до позднего вечера, а порой и до самой ночи. И только иногда удавалось улучшить время побродить по городу, по приглашению коллег посидеть в каком-нибудь кафе или сходить в баню. Но Андрей почти всегда заранее предупреждал ее о том, что не сможет позвонить, и тогда она представляла себе, как он ходит по вечернему Таллину или Киеву, сидит в кафе в компании таких же, как и он, мужчин, с аккуратными короткими стрижками и в костюмах с неизменными галстуками, делающими их немного чем-то похожими друг на друга. Знающие люди, заведя такую кампанию, многозначительно переглядывались: мол, знаем, откуда эти ребята.

Интуитивно Оля чувствовала, что во время этой поездки в Душанбе произошло что-то нехорошее, что-то угрожающее ее мужу. Она с трудом понимала сущность происходящих в Таджикистане событий, знала лишь, что какие-то «националисты» пытались захватить власть, но у них не получилось. И Андрея, по всей видимости, послали разобраться в обстановке или выяснить какие-то обстоятельства. К этому времени все уже были достаточно хорошо наслышаны о трагедиях афганской войны, о зверствах моджахедов, о том, сколько советских солдат погибло вдали от своей Родины. А Таджикистан казался Оле таким же далеким и полным опасностей, как и Афганистан. Поэтому она и считала эту командировку мужа очень опасной и рискованной, боялась за него и как никогда раньше ждала его возвращения в Москву.

Около полудня Оля с бабушкой закончили свое традиционное дневное чаепитие. Евдокия Михайловна, которой вот-вот должен был исполниться девяносто один год, несмотря на свой почтенный возраст, без посторонней помощи передвигалась по квартире, полностью обслуживала себя и старалась ничем не обременять семью внука, с которой жила вместе, как только Орловы получили квартиру в Крылатском. Добродушная и рассудительная, тихая и спокойная, она в то же самое время живо интересовалась быющей за окном жизнью, не все понимая и одобряя в ней. Она с удовольствием слушала радио, смотрела телевизионные передачи, очень любила, когда ей читали что-нибудь вслух, время от времени задавала вопросы и высказывала свое отношение к тем или иным событиям.

Получившая в далеком детстве всего лишь четырехклассное образование в деревенской школе, Евдокия Михайловна, тем не менее, была достаточно развитой старушкой. Она многое знала про то, что происходит в стране: про горбачевскую перестройку, съезд народных депутатов, волнения в Карабахе и армянские погромы в Баку. Она терпеть не могла Ельцина и Горбачева, всегда очень резко отзывалась о них, не разделяя тех надежд, которые питали Орловы на будущее.

– Никакая это не перестройка, а стыд и позор один! – как правило, резко говорила бабушка, услышав по радио слащавые обещания и призывные речи. – Работать они просто не хотят! Все перестраивают и перестраивают! А жизнь-то лучше не становиться!

Говоря это, бабушка очень сердилась – обычно добродушное выражение ее лица становилось непривычно жестким и даже несколько брезгливым. Чувствовалось, что она искренне недоумевает, с чего это вдруг с недавних пор все заговорили о необходимости перемен.

– А когда, Оленька, ты говоришь, Андрюша-то должен приехать? Сегодня? – спросила Евдокия Михайловна.

– Да, где-то ближе к вечеру. Он мне позвонил, сказал, что билет уже взял...

– Хорошо. А то без него как будто чего-то не хватает. А работа эта у него... очень сложная. Мне не нравится.

– Ну что же, Евдокия Михайловна. Он работает с удовольствием, его там уважают. Помните, в прошлом году на новоселье приходили его товарищи, генерал был даже – его начальник...

– Как же, помню. Такие все хорошие люди... А они тоже там работают?

– Да, Евдокия Михайловна. Они работают вместе с Андрюшей в Комитете.

– Ну да.

Бабушка замолчала, о чем-то задумавшись, затем медленно поднялась со стула:

– Оленька, я пойду прилягу пока. Устала чего-то. Скоро, наверное, Нина из школы придет?

– Да, уж скоро будет. У них сегодня пять уроков. Идите, идите, Евдокия Михайловна, отдыхайте. А я пока посуду помою.

Оля намеревалась до прихода дочери сделать немало дел – помыть посуду, убрать в комнате, сварить борщ, загрузить белье в стиральную машину. Все получалось у нее быстро, и хотя домашняя работа не отличалась особым разнообразием, Оля делала ее легко, почти играючи. Она любила во время кухонных хлопот слушать по радио музыку, тогда время бежало незаметно вплоть до самого прихода мужа с работы.

Вот и сейчас из висевшего на стене приемника лилась тихая, протяжная мелодия. Плавные и нежные звуки скрипки сопровождал тихий аккомпанемент фортепиано, как будто два голоса – женский и мужской – напевали грустную песню об истории их любви.

Это был «Вальс» Глиэра! Сразу нахлынули воспоминания семилетней давности, когда они с Андреем еще в тесной комнатке на Сиреневом бульваре впервые вместе исполнили это чудесное произведение. Оля тогда уже третий год училась в музыкальной школе и довольно неплохо играла на фортепьяно. На учебе настоял Андрей, который очень хотел, чтобы жена научилась играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Сам когда-то давно закончив детскую музыкальную школу по классу скрипки, он любил музыку и иногда, правда очень редко, пытался изображать какую-нибудь мелодию на старинной фисгармонии – самой ценной, на его взгляд, вещи в их доме.

Однажды – это было зимой – Андрей предложил жене попробовать исполнить вместе «Вальс» Глиэра, который Оля как раз разучивала по школьной программе.

– Ты будешь аккомпанировать, а я – вести мелодию. Ведь я когда-то играл этот вальс и даже исполнял его на отчетном концерте музыкальной школы. Давай попробуем. Я думаю, у нас получится.

Сначала у них выходило плохо – то Андрей неимоверно фальшивил, так как пальцы, отвыкшие от скрипки, с трудом слушались его, то Оля, растерявшись, путалась, забывала последовательность аккордов и в отчаянии снимала руки с клавиш. Так они сделали несколько попыток, но ни разу не смогли исполнить «Вальс» полностью, постоянно сбиваясь и прерывая игру. И вдруг наконец у них получилось. Плавная мелодия, хотя и неуверенно, но отчетливо полилась, заполняя всю комнату. Это было настолько неожиданно, что Андрей с Олей чуть было снова не спутались, но смогли все-таки удержать хрупкое звучание своих инструментов, все более воодушевляясь от того, что им удалось-таки вместе исполнить эту прекрасную мелодию.

Вот и сейчас, держа тарелку под струей теплой воды, Оля на минуту замерла, вспомнив тот зимний день, волнующие звуки «Вальса» Глиэра и мужа, который находился сейчас где-то далеко-далеко от нее, в пугающем ее воображении Душанбе. Неожиданно тарелка выскользнула из ее рук и, упав в раковину, разбилась пополам, обдав мыльными брызгами Олино лицо. Почему-то сильно заколотилось сердце и перехватило дыхание. Острое, пронзительное, смешанное со страхом чувство тревоги охватило все ее существо. Она беспомощно опустила руки. А из приемника все доносилась волнующая мелодия «Вальса» Глиэра, усиливая беспокойство и смятение. «Что там с Андрюшей? – промелькнула мысль. – Не случилось ли чего? Скорее бы он приехал».

– Оля! Что там у тебя? – донесся голос бабушки из комнаты. Слух у нее, несмотря на преклонный возраст, был неплохой.

– Да ничего, Евдокия Михайловна! Тарелку разбила! – с досадой ответила Оля.

– Тарелку? Ну не расстраивайся! Говорят, это на счастье.

Оля сгребла осколки и выбросила их в ведро. Ей не было жалко тарелки, но чувство досады и тревоги не проходило.

По радио уже не звучали прелестные звуки глиэровской мелодии, а возникла короткая пауза, которая бывает перед тем, как раздадутся сигналы точного времени. И уже через несколько секунд диктор объявил:

– Московское время – тринадцать часов. На связи – радиостудия в Останкине. Продолжаем разговор о проблемах торговли...

– Боже мой! Скорее бы приехал Андрюша! – тихо прошептала Оля, тяжело вздохнула, подошла к окну, машинально вытирая полотенцем мокрые руки. Часы показывали четыре минуты второго. В Душанбе в это время шел уже пятый час. «Нива», в которой Андрей с Абдуллоджоном возвращались в таджикскую столицу, только что остановилась на месте аварии у обрыва, с которого рухнул в пропасть тяжелый КамАЗ.

26 февраля 1990 года, вечер.

Москва. Крылатское

Когда раздался привычный звонок в дверь, Оля облегченно вздохнула и быстро пошла открывать. Вместе с нею в коридор вышли дети, а бабушка, пристав с кровати, набросила на плечи плед в ожидании встречи с внуком. У Андрея были ключи от входной двери (он всегда брал их с собой в командировку), но он упорно нажимал кнопку звонка, радостно возвещавшего о его прибытии.

– Андрюша! – Оля бросилась к мужу, прижимаясь к его груди и целуя в уже ставшую шершавой щеку. А он стоял в распахнутом пальто, держа в руках спортивную сумку и большой полиэтиленовый пакет. – Как же я соскучилась! Тебя так долго не было!

– Да ты что, голубчик. Прошло всего несколько дней...

– Я знаю, но мне показалось, что очень много. Ну как ты? У тебя все хорошо?

– Давай сначала войдем в дом. – Андрей нежно подтолкнул жену и, обращаясь к детям, сказал: – Вот я и приехал.

Он поцеловал дочку и сына, увлекая всех за собой в распахнутую дверь квартиры.

– Бабуся, я приехал! – Еще не раздевшись, Андрей заскочил в бабушкину комнату и поцеловал Евдокию Михайловну в щеку.

– Вот и хорошо. Теперь вся семья в сборе.

– Пап, а ты что-то нам привез из... – начал пятилетний Сережка.

– Откуда?

– Ну из... Я забыл, как это называется.

– Из Душанбе, – помогла Нина и в свою очередь тоже спросила:

– Привез что-нибудь, да?

– Ребята, дайте папе раздеться, а потом уже спрашивайте. Он же с дороги, – сказала Оля и, обращаясь к Андрею, спросила:

– Кушать будешь? В самолете кормили?

– Кормили, но знаешь как...

– А я тебе картошечки нажарила. Знаю ведь, любишь. Будешь?

– С удовольствием!

Но прежде чем идти ужинать, Андрей вручил всем купленные в Душанбе сувениры. Нина не без смущения примерила расшитую золотистыми нитями тюбетейку, но с восторгом взяла в руки и стала рассматривать куколку-таджичку, одетую в красочный национальный костюм – белую кофточку с голубоватой жилеткой и длинную юбочку с золотистым пояском. Серега без тени сомнения сразу надел на голову зеленую тюбетейку, а Оля с бабушкой примерили цветастые таджикские тапочки. В семье уже сложилась традиция, что из каждой командировки Андрей обязательно привозил какие-нибудь гостинцы.

Они сидели на кухне, и Андрей рассказывал о поездке. О том, как выглядит главный таджикский город, какие необычайные блюда ему довелось отведать, каким удобным и комфортабельным был номер в гостинице, каких новых знакомых удалось приобрести за эту непродолжительную поездку.

– Пап, а женщины там ходят в таких... национальных одеждах? – спросила Нина.

– Да нет, все ходят так, как у нас. Только многие тюбетейки носят.

– Как моя?

– Да, женщины – как твоя, мужчины – как Сережина.

– А какие там машины? А метро есть? – спросил вопросами Сережа.

– Нет, Сережа, метро там нет. А машины такие же, как у нас.

– Пап, а в книжном магазине ты был?

Андрей посмотрел каким-то отрешенно-задумчивым взглядом на дочь и, чуть помедлив, ответил:

– Да, в книжном я был...

– А купил какую-нибудь книгу?

– Нет, Нинуля! К сожалению, ничего не купил.

– А почему? Не было интересных книжек?

Андрей внимательно посмотрел на дочь, потом улыбнулся и сказал:

– Ты знаешь, я так спешил... Я очень торопился и не смог внимательно посмотреть книги.

Так уж получилось.

Почувствовав, что Андрей что-то не договаривает, Оля внимательно посмотрела ему в глаза.

– Андрюша, что-нибудь было не так?

– Все было отлично. Поездка была очень интересной и полезной для дела, – проговорил Андрей бодрым тоном, чтобы развеять любые сомнения. А потом вдруг без всякой связи сказал: – Там такие опасные горные дороги. Буквально перед нами, когда мы сегодня возвращались в Душанбе, в пропасть свалился грузовик.

– А водитель погиб? – серьезно спросил Сергей.

– Не знаю. Думаю, что погиб. Очень уж крутой обрыв был. Да и несся он, должно быть, с большой скоростью.

27 февраля 1990 года, утро.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 333

Кабинет начальника Инспекторского управления КГБ СССР, расположенный на третьем этаже старого здания Комитета госбезопасности, был, пожалуй, одним из самых больших в

известном доме на Дзержинке. Массивный письменный стол с крупным прибором, длинный стол для заседаний, отделанный сверху зеленым сукном, громадная, во всю стену, топографическая карта Советского Союза в какой-то непривычной системе координат, придающей очертаниям страны причудливую форму. На противоположной стене в промежутках между окнами висели портреты Ленина и Дзержинского. Обитателем кабинета был Сергей Васильевич Толкунов – личность легендарная и уникальная.

ИНФОРМАЦИЯ: «Это был «последний из могикан» – чекист с 1930 года, честный и мудрый, прошедший огонь и медные трубы, еще до войны, в войну и после – резидент советской разведки за рубежом, затем начальник Управления госбезопасности в Хабаровском и Ставропольском краях... Потом многие годы работал в Центре, начальником Инспекторского управления КГБ СССР... Конфиденциальных поручений от Толкунова исходило немало: интересных, сложных, ответственных...» (А. Ф. Яровой «Прощай, КГБ». Москва, 2001 год).

– С прибытием, Андрей Петрович. Как съездили? Удачно? – Генерал-лейтенант Толкунов, встав, протянул Орлову руку.

– Так точно, Сергей Васильевич. Я считаю, что удачно. Разрешите доложить?

– Пожалуйста. – Толкунов сделал жест рукой, приглашая Орлова сесть на один из стульев за приставным столиком.

– Что касается сбора материалов к заседанию Коллегии о действиях отрядов самообороны и подготовки обзора...

Сергей Васильевич сделал останавливающий жест рукой:

– Андрей Петрович, я несколько не сомневаюсь, что с этим вы справились. Доложите подробности вашему начальнику отдела. Меня интересует другое. То, о чем мы с вами договорились накануне поездки. Вам есть, что сказать по этому поводу?

– Да, Сергей Васильевич. Во-первых, мне удалось встретиться с людьми, которые рассказали мне о некоторых обстоятельствах, предшествующих событиям...

Орлов докладывал четко, как будто заранее отрепетировал доклад высокому комитетскому начальнику. Он приводил массу фактов, называл фамилии, пересказывал содержание некоторых документов, с которыми ему удалось познакомиться во время пребывания в Душанбе. Иногда он на мгновение приостанавливался, как будто пытаясь сконцентрироваться или вспомнить еще что-то очень важное, без чего его доклад руководству был бы неполным.

Сергей Васильевич слушал Орлова не перебивая. Он даже не пытался сказать что-либо во время возникавших пауз, а только внимательно и заинтересованно смотрел на подчиненного. Старый, опытный чекист, он прекрасно понимал, чего стоят скупые слова доклада Орлова о том, как ему удалось встретиться с человеком, который присутствовал на закрытом совещании в МВД накануне массовых беспорядков, о беседе с уголовным авторитетом Юсуфом, о конспиративной встрече с одним из агентов контрразведки, о том, как «оторвался» от наружного наблюдения, о происшествии на Ленинабадском шоссе.

ИНФОРМАЦИЯ: «О Сергее Васильевиче очень много можно сказать как о руководителе, профессионале, человеке... И особенно о его отношении к сотрудникам... Это был очень отзывчивый человек. Мы все чувствовали прямо-таки отцовское отношение к сотрудникам любого ранга и уровня... Мудрый, спокойный, он никогда не выходил из себя. Разносторонне развитый, обогащенный знаниями жизни...

Помню, мы были с ним в Армении, когда там случилось землетрясение. Он сразу сказал: «Едем на место!» Нам дали пограничный «Виллис», и через сорок

минут мы были уже в Ленинакане. Плач, стоны, крики о помощи... Ты бы видел, с какой энергией Сергей Васильевич включился там в работу по спасению людей! Он, генерал-лейтенант, жил вместе со мной в казарме. А как он общался с солдатами, которые разбирали завалы! Как самый близкий человек!» (С.Е. Мартиросов, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Только когда Орлов закончил, Сергей Васильевич задал ему несколько уточняющих вопросов, из которых Андрей понял, что генерал не только очень внимательно слушал его, но и по ходу дела анализировал получаемую информацию, сопоставляя ее с только ему одному известными фактами и обстоятельствами. Орлов заметил, как помрачнело лицо Толкунова, когда он доложил ему о своих выводах, касающихся некоторых сотрудников Комитета госбезопасности Таджикистана, не только связанных, по его мнению, с организаторами массовых беспорядков, но и являвшихся прямыми участниками попытки переворота.

– Вы серьезно полагаете, что названные вами сотрудники замешаны в этом деле? – с горечью спросил Толкунов.

– Да, Сергей Васильевич. Об этом говорят приведенные мной факты и свидетельства некоторых людей, в достоверности информации которых я не сомневаюсь.

– Ну что ж, спасибо! Благодарю вас за обстоятельный рассказ. Я доложу обо всем председателю.

– Мне надо представить докладную записку?

– Нет, Андрей Петрович, этого делать не следует. Ограничимся нашей беседой, а, если потребуется, мы еще вернемся к этому вопросу.

– Разрешите идти?

– Идите!

Орлов встал и быстро направился к двери, но голос Толкунова остановил его.

– Андрей Петрович, как договорились, об этом поручении...

– Сергей Васильевич, все ясно.

– Ну хорошо, идите.

Орлов тихо прикрыл за собой обе двери, образующих большой темный тамбур, и вышел в приемную.

ИНФОРМАЦИЯ: «...Волнения удалось успокоить. Для изучения основных причин февральских событий были организованы комиссии, в которые вошли сотрудники КНБ⁴² и Генпрокуратуры, создавались государственная и парламентская комиссии. Однако виновные в тех кровавых событиях до сих пор не названы, и вопрос, кто спровоцировал расстрел мирных граждан в феврале 1990 года в Душанбе, остается открытым. События февраля стали прологом гражданской войны в Таджикистане, но о них сегодня стараются не вспоминать...» (*Воспоминание очевидца. Сайт «Фергана. news», 22 февраля 2010 года*).

Секретарша Толкунова Наташа, юная брюнетка, подчеркнуто безразлично относящаяся к Орлову, удивленно и даже несколько уважительно посмотрела на него. Ей, наверное, показалось странным, что начальник уделил так много времени майору, не так давно работающему в управлении. Так долго мало кто задерживался в кабинете Сергея Васильевича, разве что его заместители да некоторые начальники отделов.

---

⁴² КНБ – Комитет национальной безопасности.

ИНФОРМАЦИЯ: «Сергей Васильевич – умнейший человек. Меня всегда пора- жало, когда он давал напечатать текст своего выступления или что-то другое... Ведь он писал всегда сам... Ребята ему готовили материалы, но он предпочитал все делать сам... Он был очень авторитетным как для вышестоящего руководства, так и для сотрудников» (Н.Е. Хренова, секретарь начальника Инспекторского управления КГБ СССР).

– Неужели ты так долго рассказывал Сергею Васильевичу о Душанбе? – перебирая поступившую почту, спросила Наташа.

– Да, Наташа. Душанбе – очень красивый город. Там есть, что посмотреть.

– Значит, не зря съездил?

– Не зря.

27 февраля 1990 года, утро.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 431

– Андрей, ну как, удачно? – с какой-то лукавинкой спросил Лео Альфредович, когда Орлов после доклада Толкунову зашел в кабинет к своему начальнику отдела. Импозантный эстонец, пользующийся всеобщим уважением в управлении, рассудительный и невозмутимый, иногда немного флегматичный, но всегда очень четкий и аккуратный, Лео Альфредович питал особое расположение к Андрею. С того момента, как был переведен в его отдел с глубоко законспирированного объекта КГБ, Орлов ощущал на себе изучающее внимание начальника, которое очень скоро переросло в нескрываемую симпатию к подчиненному, обладающему незаурядными способностями в части подготовки аналитических документов.

Когда-то Лео Альфредович Выйме был руководителем одного из подразделений КГБ Эстонии, а затем в течение нескольких лет председателем КГБ Якутии и в Инспекторском управлении слыл человеком, склонным к глубоким, пространным рассуждениям и прагматическим выводам. Он постоянно был в курсе обсуждаемых в руководстве Комитета вопросов, особенно если они касались стратегии деятельности органов госбезопасности. Майор Орлов в свою очередь испытывал к своему начальнику, которого все за глаза звали просто «Лео», не только чувство уважения, но и, можно даже сказать, благодарность за то, что тот предоставлял своим подчиненным полную свободу деятельности, лишь была бы выполнена поставленная перед ними задача. Никаких понуканий, мелких придирок, само собой разумеется, никакой грубости и резкости, что создавало в отделе достаточно благоприятную атмосферу.

– Успел унести ноги? – спросил Лео Альфредович, загадочно улыбаясь.

– Почему «унести ноги»? – Орлов с недоумением посмотрел на начальника. «Неужели он знает? – пронеслось в голове. – Да нет. Не может быть!» – отбросил он эту мысль. – Нет, Лео Альфредович, все было в порядке. Тревожно, правда, там еще. Кругом остатки погромов, люди боятся выходить из домов, по ночам стреляют...

– Да, да, я знаю. Мне рассказывали. Собрал материал для коллегии?

– Конечно. Много материала. Думаю, потянет на обзор.

– Хорошо. Тогда, Андрей, действуй! Я рад за тебя. Рад, что... – Он чуть замялся. Потом очень серьезно посмотрел прямо в глаза Орлову. – Я рад, что все прошло хорошо.

СООБЩЕНИЕ: «Многочисленными исследователями события февраля 1990 года квалифицируются как первые факты гражданского противостояния в республике, приведшие к гражданской войне 1992–1997 годов.

Февральские события 1990 года в Душанбе вызвали ухудшение отношения к некоренному населению, привели к активизации миграционного оттока. В 1990 году

в ближнее зарубежье выехало 113,7 тысячи человек, в 1991 году —120 тысяч человек, в 1992 году – 225,4 тысячи человек.

Значительная часть мигрантов направлялась в Россию. Количество выехавших в Россию за соответствующие периоды характеризуется следующими показателями: 78,2 тысячи человек; 62,2 тысячи человек; 104 тысячи человек» («День памяти погибших во время беспорядков в Душанбе в 1990 года». РИА «Новости», 12 февраля 2010 года).

Орлов после этого разговора с Лео Альфредовичем еще долго не мог отделаться от странного чувства, что тот каким-то образом оказался в курсе событий, происходивших вокруг Андрея во время его командировки в Таджикистан. Но скорее всего, старый и опытный чекист, осведомленный о многих скрытых для большинства окружающих обстоятельствах, будучи человеком мудрым и не лишенным интуиции, просто догадался о тайной миссии майора Орлова.

12 марта 1990 года, день.

Москва. Неглинная улица. Ресторан «Узбекистан»

Кузин прошел через яркий вестибюль, украшенный коврами и вазами, свернул в боковую дверь и сразу оказался в зале, уставленном столиками и оформленном в традиционном узбекском стиле. Декоративные вышивки на стенах, глиняные кувшины, стоящие на деревянных полках, какие-то замысловатые светильники – все это придавало ресторану явно выраженный восточный колорит.

Заметив нового посетителя, метрдотель приглашающим жестом указал на столик у окна и, осведомившись у Кузина, будет он обедать один или к нему присоединится еще кто-то, подал меню в ярких расписных узорчатых корочках. В зале из скрытых декоративными панелями динамиков звучала тихая приглушенная музыка – похоже, какой-то национальный ансамбль исполнял узбекские мелодии.

Кузин углубился в изучение меню. «Так, для начала закажем шурпу, а потом, когда он придет, определимся с дальнейшим», – рассуждал он про себя и, позвав официанта, заказал две порции шурпы и триста граммов водки. «Он сказал, что сам узнает меня. Интересно: у них что, есть моя фотография? Или меня ему кто-то показал?» – думал между тем Кузин.

Здесь, в ресторане «Узбекистан», должна была состояться встреча Олега Кузина, сотрудника Исследовательского центра проблем безопасности КГБ, с незнакомым ему человеком – встреча, от которой Кузин ждал решительного поворота в своей судьбе. В тридцать девять лет майор Кузин уже успел разочароваться в своей профессии и давно перестал считать службу в ЧК престижной. Пришедший в органы сразу после армии и окончивший Высшую школу КГБ имени Дзержинского, или, как ее называли, «Вышку», он рассчитывал, что очень быстро продвинется по службе и станет если не советским Джеймсом Бондом, то хотя бы матерым контрразведчиком, распутывающим коварные замыслы заокеанских разведывательных центров. На самом же деле он по распределению попал в один из московских райотделов УКГБ⁴³, где должен был в течение нескольких лет довольствоваться должностью оперуполномоченного. Вместо захватывающих поисков шпионской резидентуры и захватов с поличным вражеских агентов ему пришлось вести нудную каждодневную работу на объекте оперативного обеспечения – одном закрытом предприятии, выпускающем электронную начинку для ракет. Шпионами там и не пахло, зато нарушений режима секретности было предостаточно. То какой-нибудь разгильдяй из числа инженерного состава забудет сдать рабочую тетрадь с секретными записями, то у кого-то из сотрудников отыщется родственник за границей, то в ходе проверки секретного

---

⁴³ УКГБ – Управление Комитета государственной безопасности в том или ином крае или области.

делопроизводства недосчитаются какой-нибудь чепуховой бумаги или сборника статей с грифом «Для служебного пользования».

Регулярные профилактические беседы, которые надо было проводить в коллективах предприятия, участие в различных комиссиях, ведение большой переписки, связанной со спецпроверкой на допуск к государственным секретам, – все это было совершенно неинтересно и скучно. Уже через год Кузин пожалел, что пошел служить в КГБ, и сокрушался, что в свое время поддался «агитации» человека в сером костюме, вызвавшего его на собеседование в кабинет инструктора райкома комсомола. «Эх, какого черта я пошел в эту ЧК, в этот «боевой отряд партии»? Сейчас жизнь круто меняется. Предприимчивые люди становятся хозяевами жизни. Со всем этим коммунистическим бредом скоро будет покончено навсегда. А я, вместо того, чтобы включиться в новую жизнь, плетусь в хвосте событий!» – так или почти так размышлял Кузин о своей неудавшейся жизни и карьере.

Вот уже несколько лет Олег работал в Исследовательском центре проблем безопасности КГБ, который располагался на самом краю Москвы в здании, похожем на типичную московскую школу, и имел условное наименование «Прогноз». Несколько лет назад ему все-таки удалось вырваться из рутинной работы в райотделе, и теперь он был научным сотрудником и одновременно учился в заочной аспирантуре в той же самой «Вышке». Но и здесь работа ему была не в радость. За воротами уже шумела новая жизнь, сулящая высокие доходы, зарубежные поездки, дорогие иномарки, ужины в ресторанах, развлечения в казино и ночных клубах, а он опять должен был заниматься какими-то, как ему казалось, потерявшими всякий смысл делами: научными разработками характерных признаков шпионской деятельности, проблемами утечки государственных секретов страны за рубеж, вопросами повышения эффективности контрразведывательной работы...

В дверях появился человек в темном костюме с ослепительно белым галстуком. К нему тут же устремился метрдотель. «Не он ли?» – подумал Кузин, но тут же понял, что нет, так как незнакомец, бросив какую-то фразу метрдотелю, устремился в противоположенную от Олега сторону зала. «Что-то он задерживается». – Кузин посмотрел на часы, которые показывали уже десять минут четвертого. И тут в дверях появился «он». Кузин понял это сразу, как только человек вошел в зал. Он окинул помещение быстрым взглядом и, заметив Олега, устремился к его столику.

Это был мужчина лет пятидесяти, с легкой проседью в волосах, с грубым, если не сказать простецким, лицом. Под пиджаком вместо привычной рубашки у него была надета водолазка бардового цвета. В руках он держал кожаную визитку.

– Олег Юрьевич? Здравствуйте! – проговорил незнакомец, слегка поклонившись.

Кузин только кивнул в ответ.

– Извините, не рассчитал время.

– Ничего. Я заказал шурпу, но ее пока не принесли.

– Хорошо.

– Водку будете? Я заказал графинчик.

– Нет, Олег Юрьевич. Я не пью.

– Что, совсем?

– Совсем.

– И даже пиво?

– И даже пиво.

Кузин пожал плечами, всем своим видом показывая, что не понимает людей, которые абсолютно ничего не пьют.

– Меня зовут Анатолий Алексеевич. – Человек протянул руку. Кузин пожал ее.

Официант, будто дожидаясь прихода гостя, поставил на стол большой керамический горшок с шурпой, тарелку с лепешками и графинчик водки.

– Дорогой, – обратился Анатолий Алексеевич к официанту, – принеси-ка нам еще каурму. И побольше зелени. – Повернувшись к Кузину, спросил: – Будете?

– А я и не знаю, что это такое, – смущенно ответил Кузин.

– Это жаркое из баранины с картофелем. Все тушеное, с луком и зеленью...

– Давайте. Попробуем.

Кузин налил себе водки из графинчика, еще раз осведомился у соседа по столу, будет ли он пить, и, получив отрицательный ответ, одним махом опрокинул рюмку. Оба принялись за шурпу.

– Олег Юрьевич, я – человек дела и хочу сразу перейти к вашему вопросу.

– Нашему, – поправил Кузин.

– Хорошо, нашему вопросу. Так вот. Я понял, что вы хотите поступить на работу в нашу фирму. Я думаю, ваше намерение вполне своевременно. Скоро чекисты и милиционеры будут стоять в очереди, чтобы попасть к нам на работу...

– Ну уж это вы преувеличиваете! Стоять в очереди!

– Ничуть! Только на прошлой неделе мы взяли в нашу службу безопасности одного подполковника. Он совсем недавно уволился, кажется из московского управления... Он сказал, что чекистом теперь быть позорно и он не хочет иметь ничего общего с КГБ. Его мнение разделяют некоторые его друзья. А вы тоже так считаете?

– Я... – Кузин замаялся. – Я считаю, что Комитет в том виде, какой он есть, изжил себя. Перестройка требует, чтобы мы...

– Да, бросьте, Кузин! Вы не на политзанятиях! Кагэбэшникам скоро каюк! Вы видите, к чему идет дело? Поверьте мне, «свежий ветер перемен» не сегодня завтра снесет прогнивший большевистский режим, а с ним и вашу партию, и ваш КГБ. Разуйте глаза: в Европе уже победила демократия, и только в Москве коммунисты пока у власти...

Кузин испуганно, с расширенными от страха глазами, смотрел на собеседника, который говорил страшные, крамольные слова. И это не важно, что сам он думал точно так же. Говорить обо всем этом вслух, а для него, сотрудника Комитета госбезопасности, даже слушать это, по мнению Олега, было небезопасно.

– А-а... вы не допускаете... – Заикаясь, Кузин обвел глазами полупустой ресторанный зал. – Вы не думаете, что нас могут...

– Что? – Анатолий Алексеевич осклабился. – Могут подслушать? Бойтесь?

– Но... Лучше об этом... не... не говорить здесь! – пролепетал не на шутку испуганный Кузин.

– Да не трусьте, Кузин! Вашим чекистам сейчас не до вас! Каждый думает, как бы получше устроиться! Да и заработать сейчас можно, не особенно утруждая себя!

Завидев официанта, который нес на подносе блюдо с каурмой, Анатолий Алексеевич замолчал. Они молча наблюдали, как официант водрузил на стол блюдо с дымящимся мясом, тарелку с яркой зеленью, маленькую вазочку с красным соусом.

– Что-нибудь еще? – спросил официант с готовностью, переводя взгляд с одного посетителя на другого, как бы пытаясь определить, кто из них будет расплачиваться за обед.

– Нет, ничего не надо. – Анатолий Алексеевич сделал отрицательный жест рукой, затем, немного помедлив, сказал: – Принесите, пожалуй, боржоми.

Официант кивнул головой и удалился.

– Так вот, Кузин. Олег Юрьевич. Не я, а вы захотели встретиться со мной. Поэтому предлагаю ближе к телу. – Он ехидно улыбнулся. – Только не надо мне рассказывать про вашу преданность Родине. Мы все ее любим. Но разную любовью!

– Да, Анатолий Алексеевич, я готов. Вам, наверное, говорили, что я...

– Я знаю про вас все или почти все! Давайте по делу!

– Я решил уволиться из КГБ и устроиться на работу в вашу фирму. Мне рассказали, что вы занимаетесь очень перспективным бартером – продажей за границу неликвидов и закупкой разных товаров... И платят у вас хорошо.

– Зарботки у нас действительно неплохие, а для человека предприимчивого даже очень хорошие. Вы предприимчивый человек?

– Не знаю, но думаю, что да. Мне всегда было тесно в рамках системы...

– Тесно? Ну так вы сами выбирали себе работу!

– Да, сам. Но что, было бы лучше, если бы я работал бригадиром на каком-нибудь полуразвалившемся заводе или инженером в каком-нибудь занюханном НИИ?

– А вы уверены, что можете нам быть полезны? Интересно – чем?

– Я юрист, закончил Высшую школу КГБ, знаю оперативную работу, много занимался научной работой...

– А нам на кой это?

– Что «на кой»? – не понял Кузин.

– На кой нам ваша научная работа?

– Ну как... – Кузин озадаченно посмотрел на собеседника. – Я могу анализировать, готовить материалы...

– Да не надо нам это! – перебил его Анатолий Алексеевич. – Не нужны нам ни научные отчеты, ни ваша оперативная работа! У нас есть своя служба анализа конъюнктуры, есть свой отдел безопасности, в котором, кстати, работают ваши бывшие коллеги.

– Так что же тогда... А мне сказали, что со мной готовы встретиться!

– Правильно сказали. Только теперь послушайте меня. – И заметив, что Кузин занервничал, Анатолий Алексеевич строго сказал: – Да не смотрите так испуганно по сторонам, а то мы действительно привлечем чье-нибудь внимание и нас могут застукать!

Олег, делая над собой усилие, сосредоточил свой взгляд на человеке, сидящем напротив. Однако по выражению его лица было видно, что он не успокоился.

– Так вот, Олег Юрьевич, вы представляете для нас интерес только как действующий сотрудник и абсолютно не интересны как служащий нашей фирмы. Мы занимаемся поставками за границу оборудования бывших оборонных предприятий, возможно, скоро начнем поставки военной техники и вооружения...

– Как «АНТ»?⁴⁴

– Нет, гораздо умнее. И в этом вы должны нам помочь.

– Я?

– Да, вы, Олег Юрьевич, вы.

– Каким же это образом?

– Я не скажу, что это очень просто, но вы с вашими связями в КГБ вполне могли бы снабжать нас необходимой информацией. Ведь вам же предлагают после защиты диссертации перейти в шестое управление!

– Да, а откуда вы это знаете? Я даже жене еще не говорил.

Анатолий Алексеевич усмехнулся:

– Вы недооцениваете наши возможности. Мы знаем не только то, что вам предложили перейти на работу в шестое управление, но и в какой конкретно отдел. Знаем даже, кто вел с вами беседу на эту тему: Игорь Васильевич – ведь так? Между прочим, отдел, который он возглавляет, занимается, или, как у вас говорят, организует, оперативное обеспечение «почтовых ящиков», которые представляют для нас исключительный интерес.

---

⁴⁴ АНТ – концерн, через который в 1989–1990 годах была осуществлена крупная афера с продажей военной техники за границу.

Кузин даже приоткрыл рот от удивления. Такой осведомленности от незнакомого человека он не ожидал. «Наверное, они действительно многое могут, раз знают такие подробности. Да и, похоже, и сам Анатолий Алексеевич... наверное, бывший пэгэушник или гэрэушник»⁴⁵.

– Мы знаем также, Олег Юрьевич, что ваш переход на новую работу обусловлен защитой кандидатской диссертации. Тема ведь тоже «наша» – «Контрразведывательная деятельность органов КГБ по предотвращению утечки за рубеж стратегического сырья и продукции». Я близко передал название темы?

– Да-а-а! – Изумлению Кузина не было предела.

– Так вот, Олег Юрьевич. Защищайтесь и устраивайтесь на новом месте. Увольняться из КГБ вам пока еще рано. Если вы согласны нам помогать, то, я думаю, мы найдем общий язык. Договорились?

Кузин молчал, по-видимому еще не сумев полностью осознать сути сделанного ему предложения. В голове у него проносились мысли, одна тревожнее другой. «А вдруг этот напористый и осведомленный собеседник никакой не представитель фирмы, а подосланный к нему сотрудник КГБ, записывающий весь их разговор на пленку, чтобы выявить еще одного предателя? А может быть, он агент иностранной разведки, который втягивает его в шпионскую деятельность? Как же поступить? Что ответить ему?»

Анатолий Алексеевич, видя замешательство Кузина и как бы желая рассеять его сомнения, тихим голосом проговорил:

– Не бойтесь. Сейчас в стране начинается новая жизнь. Вы, человек незаурядных способностей, вынуждены пока прозябать на бессмысленной теперь работе, направленной на сохранение этого режима. Смотрите в завтрашний день! Успеете – войдете в него человеком, перед которым откроются большие перспективы, не хватит решимости – вы и ваши дети закончите жизнь в нищете. Сегодня все решают связи, завтра – все будут решать деньги. Они откроют для вас путь к богатству...

– Но ведь это очень опасно! – проговорил Кузин. – За то, что вы мне предлагаете, могут посадить!

– Не преувеличивайте Олег Юрьевич. Сегодня за оказание содействия коммерческой структуре вас в худшем случае уволят со службы. Если бы сейчас стали сажать за это – многим пришлось бы расстаться с любимой работой, – с иронией резюмировал Анатолий Алексеевич.

За разговором они не заметили, как доели мясо. Графинчик с водкой, заказанный Кузиным, был почти полон. В самом начале беседы Олег выпил стопку и больше не прикладывался к алкоголю. Перехватив его сожалеющий взгляд, направленный на графин, Анатолий Алексеевич проговорил:

– Что ж вы не пьете? Я готов вас поддержать.

Он поднял фужер с минеральной водой. Они чокнулись. Кузин, крикнув, закусил водку пучком зелени.

– Вы, как я слышал, копите на новую машину? – с деланной озабоченностью спросил Анатолий Алексеевич.

– Да, хочу поменять свою колымагу. Может быть, к лету накоплю на «семерку».

– Ну зачем же к лету? Я вам готов помочь.

Кузин с недоверием посмотрел на Анатолия Алексеевича. Ему показалось, что тот шутит.

– Я не шучу. Наша фирма довольно богатая. И почему бы материально не поддержать симпатичного нам человека? Тем более что он решил внести свой вклад в благородное дело реформирования экономики страны.

---

⁴⁵ Первое главное управление (ПГУ) – подразделение разведки в системе бывшего КГБ СССР, Главное разведывательное управление (ГРУ) – подразделение военной разведки в системе Генштаба.

Он проговорил это с таким пафосом, будто выступал перед зарубежными бизнесменами. Однако глаза Анатолия Алексеевича выдавали его истинное отношение к сказанному: в них прочитывалась явная насмешка. Но этого Кузин уже не видел. Слова собеседника о материальной поддержке буквально затмили его разум. Мечта о покупке автомобиля, которую он лелеял последние два года, могла враз осуществиться. И только благодаря нежданно-негаданной встрече с этим человеком. «Буду я у них работать или нет – это еще вопрос, – мысленно рассуждал Кузин. – Главное, я решу свою проблему, а потом будет видно, что делать».

Олег пристально посмотрел в глаза Анатолию Алексеевичу, пытаясь рассмотреть в них истинные намерения, но ничего, кроме доброжелательности, в них не увидел.

– Пяти тысяч вам хватит? Ну... с теми деньгами, которые вы накопили?

– Х... хватит! – чуть заикаясь, ответил Кузин. – Вполне хватит.

– Вот и хорошо. Считайте это подарком от нашей фирмы. – Он вытащил из кожаной визитки конверт и протянул его Олегу, который при этом снова испуганно посмотрел по сторонам. – Да не будьте вы таким пугливым, Олег Юрьевич! Никто за вами не смотрит! Может быть, только наш официант?

Кузин посмотрел в сторону стойки бара, у которой тихо переговаривались два официанта, один из которых обслуживал их столик. Но те, казалось, были увлечены разговором и им не было никакого дела до беседующих между собой посетителей.

Олег положил пакет во внутренний карман пиджака. При этом ему даже показалось, что от пакета исходит тепло, приятно разливающееся по всему телу. Мечта о новом автомобиле могла стать реальностью в самое ближайшее время. Все остальное отступило на задний план.

– Ну что же, Олег Юрьевич, благодарю вас за прекрасный обед. Рад был знакомству, – проговорил Анатолий Алексеевич, вставая из-за стола. Небрежным жестом подозвав официанта, он протянул ему несколько купюр. Кузин попытался было возразить: дескать, он сам расплатится за обед, но Анатолий Алексеевич только отмахнулся:

– Да перестаньте!

– Я тоже рад... Тоже очень рад встрече... Наш разговор был весьма интересным... Я... – бессвязно бормотал Кузин.

– Желаю удачной защиты диссертации и успешного перехода на новую работу! Я позвоню вам сам. И надеюсь, что вам повезет с новой машиной.

Они вместе вышли из ресторана. Как оказалось, Анатолия Алексеевича чуть поодаль ждала «Волга». Водитель, увидев его, быстро выскочил из машины и услужливо распахнул заднюю дверку.

– Вам куда? А то я довезу! – не столько всерьез, сколько из вежливости сказал Анатолий Алексеевич.

– Спасибо, мне тут недалеко!

Машина резко тронулась с места, обдав Кузина мелкой снежной пылью. «Теперь самое время зайти к Орлову. До обусловленного времени еще целый час. В крайнем случае подожду там!» – размышлял Кузин, направляясь вверх по улице. Кузнецкий мост, как всегда, был многолюден, да и автомобили сновали взад-вперед, заставляя пешеходов торопливо пересекать проезжую часть этой одной из самых старых улиц столицы.

Взгляд Кузина невольно упал на остановившиеся у тротуара «Жигули» темно-вишневого цвета. «Скоро и у меня будет такой же красавец!» – подумал Олег и бодро зашагал в сторону площади Дзержинского.

12 марта 1990 года, вечер.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 420

Когда Орлов услышал в трубке: «Алло, алло! Андрей Петрович, здравствуйте! Это Кузин!» – он сначала очень удивился. Ведь прошло уже более двух лет, как Андрей ушел из «Прогноза», где майор Кузин работал под его началом. И за все это время Олег Юрьевич ни разу не только не зашел, но и не позвонил своему бывшему начальнику.

Впрочем, удивляться было нечему. Научный сотрудник тридцать второй лаборатории не блистал особыми успехами и явно не слыл способным исследователем проблем контрразведки. Будучи переведенным несколько лет назад в «Прогноз» из районного отдела УКГБ, он так и не смог адаптироваться к условиям научной работы. Ему не сиделось на месте, хотелось все время куда-то ехать, с кем-то беседовать, организовывать какие-то встречи. Обложиться же толстыми делами с документами и, тщательно изучая их, сначала делать выписки, а затем систематизировать, чтобы увидеть среди ряби букв и цифр что-то совершенно новое и неизвестное для практики, – это было не для него. Часами сидеть за письменным столом, сосредоточившись на одном занятии, – ему это было явно не вмоготу. Тем более, когда он попал в лабораторию к Орлову.

Сначала Олег Юрьевич подумал: капитан Орлов напускает на себя излишнюю серьезность, чтобы создать у новичка впечатление, что здесь, в «Прогнозе», проводится очень важная и нужная для контрразведки работа. Он с напускным вниманием слушал своего нового начальника, а сам в душе посмеивался над ним. «Пусть пытается втереть мне очки. Но я-то знаю, что вы, ребята, собрались здесь не для серьезных научных изысканий, а всего лишь для того, чтобы отсидеться за стеной законспирированного объекта и порешать свои проблемы». Собственно говоря, некоторые сотрудники руководствовались именно такими мотивами. Некоторые, но далеко не все. И в первую очередь этого нельзя было сказать об Орлове.

Андрей Петрович в свои тридцать семь лет был одержимым человеком. Любое задание, любое поручение, даже самое неинтересное, он мог развернуть так, что в результате получалась яркая работа, вызывавшая удивление своими нетрадиционными способами решения. Это обстоятельство заметили практически все комиссии по приемке. Но главное – это отмечали работники контрразведывательных подразделений, почти уже разуверившиеся в прикладных возможностях чекистской науки. Особенно он проявил себя в научно-исследовательской разработке темы под условным наименованием «Барьер», в которой на основе анализа тысяч документов почти по всей стране был сделан блестящий анализ работы иностранных разведок на канале выезда советских граждан на постоянное жительство в капиталистические страны. При этом коллектив под руководством капитана Орлова пришел к нетривиальному, можно даже сказать крамольному, по тем временам выводу: проблема «отказников», то есть тех граждан, которым отказывалось в выезде по режимным соображениям, порождена самой системой, и чем большему числу людей мы отказывали, тем большее их число становилось на путь передачи государственных секретов другим странам. Надо было немедленно пересматривать действующую разрешительную систему и переходить от запретительной практики к созданию условий и процедур, позволяющих человеку самостоятельно принимать решение о том, где жить и гражданином какой страны ему быть. В противном случае в стране могла появиться настоящая «пятая колонна»⁴⁶ недовольных и озлобленных людей, которые к тому же владели информацией, представляющей исключительный интерес для военных разработчиков на Западе.

Когда Кузин, получивший от Орлова свой кусок работы, через пять дней пришел к нему с предложениями о том, как он собирается прорабатывать порученные вопросы непосредственно в отделах второго главка и шестого управления, начальник тридцать второй лаборатории согласился со всем, что предложил Кузин. Доверие подчиненным – было одним из основных принципов капитана Орлова. Это знали все, кто работал с ним давно. Правда, они знали и

---

⁴⁶ «Пятая колонна» – вражеская агентура внутри страны.

то, что Орлов очень требователен к качеству сделанной работы. Обвести его вокруг пальца не удавалось даже майору Павличенко, который был неисправимым лентяем, маскирующим свое безделье заумными фразами и наукообразными аналитическими справками.

Получив согласие Андрея Петровича, Кузин исчез из «Прогноза» на целых два месяца, время от времени появляясь лишь для того, чтобы поучаствовать в отдельных совещаниях да получить зарплату двадцатого числа каждого месяца. Нельзя сказать, чтобы Орлов не интересовался у Кузина тем, как идет у него работа, но тот довольно искусно втирал ему очки, рассказывая о том, как трудно идет сбор материала, как мучительно сложно у него вырисовывается концепция порученного ему раздела исследования. Но при этом он каждый раз заверял начальника:

– Андрей Петрович, не беспокойтесь! Все будет сделано в лучшем виде. Я работаю в поте лица, не считаясь с личным временем. Раздел будет представлен точно в срок.

Пару раз, правда, Орлов усомнился в правдивости Кузина. Один раз – когда кто-то мимоходом сказал ему, что в рабочее время видел Кузина выходящим «с какими-то грузинами» из ресторана «Берлин». В другой раз – когда он сам, будучи в главном здании КГБ на Лубянке, зашел в отдел, где должен был работать Кузин, и на вопрос о своем сотруднике получил ответ:

– До он здесь бывает очень редко. Так, зайдет на полчаса и опять исчезнет на несколько дней.

К назначенному времени Кузин, как и все сотрудники лаборатории, представил Орлову подготовленный им материал – плод более чем двухмесячного своего труда. А тут подоспела плановая аттестация, которая, как правило, проводится раз в пять лет.

То, что увидел Орлов, вызвало у него бурю негодования. Столько разговоров, столько обещаний и... абсолютная пустота! Около трех десятков исписанных корявым почерком страниц текста, в котором без всякой системы, примитивным языком излагалась порученная Кузину проблема. Брезгливо читая эти неряшливые листки, Орлов с досадой ругал себя за непростительную доверчивость. «Как я мог поверить этому человеку? Я же видел невооруженным глазом, что Кузин – пройдоха, жулик, просто болтун, наконец! Почему я не потребовал промежуточного отчета, когда можно было еще заставить его по-настоящему работать над заданием? А теперь время упущено. Даже если поручить эту работу другому или взяться за нее самому, все равно сроки горят!» – с горечью и злостью думал Орлов.

– Товарищ капитан! Андрей Петрович! Да не берите вы в голову! – успокаивал Кузин начальника. – Кто будет проверять все это? Что – другие лучше делают? Посмотрите, вон, в других лабораториях все тихо спокойно. Никто не корячится. Ну подправлю кое-что...

– Да что тут подправлять, Кузин? Это бред какой-то! Не ожидал! Не ожидал я, что вы не справитесь с этой работой! Столько было разговоров, столько обещаний! И вот – результат!

– Да ладно, товарищ командир! – несколько фамильярно проговорил Кузин. – Исправлю. Через неделю представлю улучшенный вариант.

– Что ладно? Я не привык делать халтуру! Мне мое имя слишком дорого, чтобы... Идите, Олег Юрьевич! Не хочу больше говорить на эту тему.

– А аттестация? – с тревогой спросил Кузин.

– Что аттестация?

– Это не скажется на аттестации?

– Как не скажется? Я что, должен написать: «Майор Кузин успешно решает оперативно-служебные задачи»?

– А что, это не так?

– А как вы думаете?

– Если иметь в виду эту работу, – Кузин кивнул на листки, испещренные пометками Орлова, как тетрадь двоечника, – то я сказал, что ее исправлю!

– Что вы говорите! Ее исправить невозможно! Исправить можно только то, что есть, а то, чего нет... Все. Идите! – Андрей Петрович был возбужден до крайности. Он чувствовал: еще немного – и наговорит таких резкостей, которые Кузин может воспринять как оскорбление. Поэтому решил свернуть бесполезный разговор.

Кузин укоризненно посмотрел на Орлова и, ничего больше не сказав, вышел из кабинета. Очень странно, но крайнее раздражение Орлова стало постепенно сменяться чувством жалости к Кузину. Еще несколько минут назад он готов был бросить в лицо этому бездельнику самые обидные слова, а теперь в Андрее Петровиче вдруг возникло ощущение несправедливости, которую он допускает по отношению к Кузину. «Вот так всегда – как только я сталкиваюсь с наглостью, я почему-то робею. Он-то меня, своего начальника, не жалеет. С меня, как руководителя группы разработчиков, будет самый большой спрос! Он пользуется тем, что я доверил ему самостоятельно работать, не проверив, не убедившись, сможет ли он выполнить работу на должном уровне! А может быть, я предъявляю к нему завышенные требования?» – так размышлял Орлов еще некоторое время после того, как Кузин покинул его кабинет.

Уже вечером, перед окончанием рабочего дня, Кузин, робко постучав в дверь, зашел в кабинет Орлова.

– Андрей Петрович, можно с вами поговорить?

– А мы разве не наговорились сегодня? Ну ладно, слушаю.

– Андрей Петрович, я обещаю, что все исправлю. Но не указывайте этого в аттестации. Если будет плохая запись... Вы же знаете, я поступил в аспирантуру. Мне тогда не защититься.

– Какая «плохая запись»? Объективная, честная, соответствующая действительности!

Кузин опустил голову. Они оба помолчали.

– Товарищ капитан, очень прошу вас! Не ломайте мне судьбу!

– Ну Олег Юрьевич, дорогой, что я могу сделать? Это же не я, а вы за два с половиной месяца, вместо того, чтобы работать, подготовили настоящую халтуру! Что теперь мы, вернее, я, буду докладывать начальнику отдела? Спрос-то теперь с меня!

– Я все понимаю и готов исправить. Буду работать днем и ночью! Все сделаю!

Та страсть, с которой Кузин это произнес, задела Орлова за живое. Он посмотрел на календарь, висящий на стене напротив стола: до контрольного срока представления итоговых материалов оставалось пять дней. В голове у него появилась мысль, которую он сначала отогнал, а потом все больше и больше стал рассматривать как единственный выход из создавшегося положения. Он еще немного помолчал, смотря на сидящего с поникшей головой Кузина, потом, будто сделав над собой усилие, проговорил:

– Ладно, Кузин. Сейчас едем ко мне домой. Я думаю, за ночь успеем кое-что сделать.

Олег Юрьевич будто встрепенулся, посмотрел на Орлова. Было видно, что он не ожидал перемены в решении своего начальника и уже почти смирился с неблагоприятным для себя исходом. Лицо его оживилось. Он даже привстал со стула.

– Андрей Петрович, Андрей Петрович! Спасибо! Век не забуду! Я сейчас сбегая за пивом...

– Какое пиво? Мы же работать будем!

– Так под пиво же хорошо!

Орлов поморщился.

– Лучше возьмите баночку кофе. На ночь нам потребуется хороший допинг. Идите, встречаемся внизу у лифта.

Всю ночь до самого утра они сидели с Кузиным на маленькой кухне, обложившись грудой документов. Решив работать ночью дома вместе с Кузиным, Орлов пошел, мягко говоря, на нарушение правил работы со служебными документами. Мало того, что их нельзя было выносить с объекта, – везти их в Измайлово, где жил Орлов, через всю Москву в городском транспорте было просто небезопасно. Мало ли что могло случиться! Утрата совершенно секретного

документа, а их было в папках, которые они взяли с работы, изрядное количество, влекла за собой уголовную ответственность. Так что, решив помочь Кузину, Андрей взял на себя чрезмерно большую ответственность. Правда, ему было известно, что многие сотрудники КГБ грешат этим – работают дома по выходным с секретными документами, то ли нагоняя упущенное, то ли предпочитая комфортные домашние условия казенной обстановке спецобъекта.

Сколько было выпито чашек кофе в ту ночь, сколько исписано бумаги, исчеркано текста! Некоторые листы стали представлять собой вообще странное зрелище: между зачеркнутых жирной линией строчек, написанных корявым почерком Кузина, появились новые, четко написанные черными чернилами, – Орлов обладал незаурядными каллиграфическими способностями. Часам к шести утра, вконец уставшие от ночного бдения, они выпили по последней чашке кофе.

– Все, Олег Юрьевич, хватит. Я думаю, что мы сделали все, что можно сделать за такой короткий срок. Теперь ваша задача – все быстро перепечатать. Наше машбюро уже не успеет...

– Андрей Петрович, не беспокойтесь. Я сегодня же все организую. Послезавтра текст будет готов! Вы разрешите, я от вас поеду договариваться, а потом на работу?

– Давайте теперь позавтракаем!

Орлов встал и прошел в комнату, где спала Оля с детьми, разбудил ее, попросил приготовить завтрак. Она сладко потянулась, притянула его голову к себе, спросила шепотом:

– Все успели сделать? Какой он противный, этот Олег Юрьевич! Не дал тебе поспать! – И тихо засмеялась. – Ставь чайник. Я быстро.

Привычным движением Андрей поправил свесившееся до пола одеяло спящей на диванчике дочки, заглянул в детскую кроватку, где, свернувшись калачиком, спал Сережка. Орловы жили тесно, уместаясь все в одной комнате. Очередь на квартиру казалась бесконечной, а сама квартира – далекой, несбыточной мечтой.

Двадцать минут восьмого Орлов вместе с Кузиным, неся тяжелые дипломаты и целлофановые пакеты с аккуратно уложенными в них свертками, вышли из подъезда девятиэтажного дома на Сиреневом бульваре. До объекта «Прогноз» им было ехать по меньшей мере полтора часа...

Все это Орлов вспомнил сейчас, когда спустя более двух лет услышал знакомый голос Кузина по телефону и его просьбу срочно встретиться. Как ни хотелось Андрею Петровичу ответить на его просьбу отказом, вежливость все-таки взяла свое – он согласился и назначил встречу в девятнадцать часов. К этому времени сидящий за столом напротив Андрея его коллега, Семен Енокович, должен был уже закончить работу и уйти домой. Дело не в том, что Андрей не хотел вести разговор с Кузиным в присутствии коллеги, тем более что Семен Енокович сам когда-то работал в Исследовательском центре проблем безопасности, а в том, что до конца дня должен был завершить текст шифровки⁴⁷, которую надлежало назавтра направить в территориальные органы КГБ.

В ближайшее воскресенье должна была состояться так называемая «Акция демократических сил». На улицы советских городов готовились выйти сотни тысяч людей, чтобы на массовых митингах заявить свои требования к руководству страны. «Нет тоталитаризму и его насильственным акциям!», «Долой большевистскую партократию и ее карательно-репрессивные органы!», «Долой КГБ!», «Номенклатура, помни Румынию!» – с такими лозунгами демонстранты в Москве намеревались пройти по Садовому кольцу к Манежу, а в других городах заполнить главные улицы и площади. Уже получившие некоторую известность лидеры «демократии» Афанасьев, Попов, Травкин, Пономарев, Чубайс и некоторые другие призывали в своем обращении к народу в двадцать часов повсеместно выключить на пять минут электричество и зажечь в домах свечи «в знак солидарности и единения».

---

⁴⁷ Шифровка (сленг.) – шифртелеграмма.

ИНФОРМАЦИЯ: «В среде руководящих работников КПСС были догматики, которые считали, что надо «по Ленину жить» и душиť всех экстремистов. Но в то же время появилась номенклатура, которая уже начала мечтать о доступе к ресурсам, о приватизации. Эти люди начинали мыслить рыночными категориями... Именно эта советская номенклатура, которая побежала к Ельцину, и создала предпосылки для идиотского капитализма, который у нас начал строиться... Правда, инструкций ни у кого не было. Ленин написал, как из капитализма в социализм переходить, а как обратно – из социализма в капитализм – никто ж не написал!.. Демократы представляли только как первые ходы сделать, а что дальше... Этого никто не знал» (В.В. Иваненко, заместитель начальника Инспекторского управления КГБ СССР).

Комитет госбезопасности получил накануне оперативную информацию о том, что планируемые манифестации, которые, как предполагалось, соберут громадные массы народа, могут быть использованы отдельными экстремистами для провокаций и массовых беспорядков. Факты превращения мирных демонстраций в крупные кровавые столкновения, увы, уже неоднократно имели место на территории нашей необъятной страны. Достаточно было вспомнить хотя бы февральские события 1990 года в Таджикистане. Кроме того, следовало учитывать, что среди множества людей обязательно окажутся криминальные элементы, наркоманы, психически больные, которые среди накала политических страстей способны будут на любые формы агрессии.

То было время, когда люди, надеявшиеся на изменение жизни к лучшему, будто обезумев, оралы во все горло: «Долой! Долой! Долой!» Кого долой? Что долой? Многие не понимали, да и не пытались понять. Для них это было вторичным. Всех захватило возбуждающее и радостное чувство безнаказанности, когда можно кричать, свистеть, махать кулаками, грозя кому-то, требуя чего-то. И никто не мог призвать их к порядку, а если бы попытался, то рисковал быть причисленным к «цепным псам тоталитарного режима».

ИНФОРМАЦИЯ: «Так называемое демократическое движение было активной разрушительной силой... В общем потоке «демократического движения» оказались силы, выступавшие с противоположенными взглядами на государственность, общественный строй, на мировоззренческие подходы в идеологии... Характерной особенностью так называемых демократических сил была их разрушительная деятельность...» (В.А. Крючков, Председатель КГБ СССР. «На краю пропасти». Москва, 2003 год).

Расплодившиеся как саранча лжепророки, ораторы с лицами параноиков, истеричные дамочки, злобные, мрачные субъекты со взглядами, озабоченными только им самим понятными страстями, – вся эта шушера вертелась, зудела, подначивала, своими воплями втягивала людей в пучину массового психоза, превращая обычных граждан в беснующуюся толпу, способную на насилие и беспощадную расправу.

Все это было известно в КГБ, в том числе по результатам уже состоявшейся четвертого февраля в Москве «Массовой антикоммунистической акции». Предстоящая «акция» грозила быть более массовой и непредсказуемой, в связи с чем задачей органов госбезопасности было предотвращение сползания мирных демонстраций к беспорядкам, а также выявление среди манифестантов лиц, вынашивающих преступные намерения. Разумеется, речь не шла о разгоне или преследовании демонстрантов. «Карательно-репрессивные органы» на самом деле уже давно не были таковыми. В КГБ работали люди, которые сталкивались с такими же жизненными проблемами, как и все остальные граждане Советского Союза. Разве что более объ-

ективно оценивающие обстановку и реально осознающие катастрофическую опасность грядущих социальных потрясений. Упредить развитие событий в направлении гражданской войны была их задача.

Именно поэтому Комитет так тщательно готовился к предстоящим митингам, а майор Орлов, которому руководством было поручено подготовить ориентировку для органов КГБ, так внимательно отнесся к составлению шифровки. Весь день сотрудники Инспекторского управления несли ему материалы, поступающие с мест и из других подразделений центрального аппарата, а он, сопоставляя их, старался выработать предложения, как действовать органам госбезопасности в этой непростой ситуации. Конечно, при этом рядом были и начальник отдела Лео Альфредович, и сосед Андрея по кабинету Семен Енокович Мартиросов, опытные чекисты, не раз бывавшие в критических ситуациях, когда надо искать и находить единственный правильный выход. Но и они испытывали трудности в определении того, как грамотно действовать чекистам перед лицом нарастающего социального недовольства, с одной стороны, а с другой – не допускать каких-либо провокаций, которые могли бы поставить органы госбезопасности вне закона.

Кузин постучал в дверь рабочего кабинета на третьем этаже громадного серого здания, выходящего окнами в сторону улицы Кирова, когда Орлов уже заканчивал работу над шифровкой. Кипа документов и прошитая рабочая тетрадь с черновиками лежали перед ним на столе, а он проворно стучал по клавишам миниатюрной клавиатуры «Бондвела» – уже освоенного им типа портативного компьютера с зеленоватым жидкокристаллическим монитором в крышке. Эти компьютеры поступили в Комитет всего пару лет назад, и Андрей, придя на работу в Инспекторское управление, сразу получил в свое пользование один из «Бондвелов». Именно с тех пор он стал работать на компьютере и все меньше и меньше использовать ручку или карандаш.

– Здравствуйте, Андрей Петрович! Я не рано? Мы договорились...

– Входите, входите! Я уже почти закончил работу. Здравствуйте! – Орлов пожал протянутую ему руку. – Давненько вы не давали о себе знать! Я уж думал: как там Кузин? Работает ли он в «Прогнозе»? Но товарищи – некоторых я время от времени вижу – говорят: работает. Даже стал старшим научным сотрудником. Поздравляю!

– С вашей помощью, Андрей Петрович! Только с вашего благословения!

– При чем тут я? Теперь вы сами там... Возник какой-нибудь вопрос?

– Да, Андрей Петрович! Я не хотел вас беспокоить, но...

Орлов прикрыл тетрадь, немного поманипулировал с компьютером, прежде чем выключить его, стал складывать документы в аккуратную стопку.

– Узнаю Андрея Петровича – во всем порядок! – широко улыбаясь, произнес Кузин. – Вы меня тоже приучили к порядку. Я вам очень благодарен.

– Ладно, Олег Юрьевич. Рассказывайте, с чем пришли.

– Вы знаете – я учусь в аспирантуре. В «Вышке».

Орлов кивнул, смотря усталыми глазами на своего бывшего сослуживца. «На вид он совсем не изменился. Так же хорошо одет, чисто выбрит, аккуратно пострижен. Дорогой галстук с зажимом...» – подумал Орлов.

– Так вот, – продолжал Кузин, – у меня уже была предзащита. Все в порядке. Теперь через месяц – защита. Уже и автореферат есть.

– Ну а я-то при чем? – без особого интереса спросил Орлов. – Я-то чем могу помочь?

– Так, Андрей Петрович, нужно ваше согласие.

– Мое? А зачем? При чем тут я?

Кузин немного стушевался, затем полез в дипломат, перебрал там какие-то бумаги и выудил наконец тонкую книжечку в голубой обложке. «Автореферат!» – догадался Андрей.

– Это мой реферат. Вот! – Кузин протянул книжечку Орлову.

Тот, взглянув на заголовок, удивленно поднял глаза:

– Олег Юрьевич, это же тема нашей научно-исследовательской работы!

– Ну да! А что? Хорошая тема. Я ее творчески развил, дополнил...

– Подождите, как «развил», «дополнил»? Вы же должны были по меньшей мере спросить у меня как у бывшего руководителя темы да получить согласие в «Прогнозе»!

– В «Прогнозе» я все получил. Там дали хороший отзыв на мою диссертацию.

– Дали отзыв?

– Да, Андрей Петрович! Я сделал все как надо. Я взял уже отработанную тему, довел ее и... Так все делают!

– Не знаю, как все... Оставляйте диссертацию. Я ее посмотрю. Особенно в плане того, как вы смогли «творчески развить» то, что сделали другие...

– Андрей Петрович, я прошу вас, не рубите меня. От этого зависит мое будущее.

– Ладно. Пока разговоры бессмысленны. Оставляйте, я почитаю. Потом переговорим. – У Орлова проснулась уже забытая антипатия к Кузину. Он взял толстый пакет, встал из-за стола и положил его внутрь большого серого сейфа, в открытой дверце которого торчала связка ключей с металлической печатью. – Когда вам это... – Орлов сделал неопределенное движение рукой, – когда вам это нужно?

Кузин заискивающе заулыбался:

– Как говорится, еще вчера.

– Я должен что-то написать?

– Да. В произвольной форме. Что как бывший научный руководитель этой темы не имеете ничего против моей защиты!

– А зачем это нужно? По-моему, этого не требуется...

Кузин замялся, как бы раздумывая, говорить или не говорить Орлову о чем-то. Потом, видно решившись, все-таки сказал:

– Понимаете, Андрей Петрович, кто-то позвонил на кафедру и сообщил, что я использовал для своей диссертации чужую работу и что руководили этой работой вы...

– Ну и что?

– Вот мне и сказали, чтобы я получил от вас письменное согласие... Ну, вроде того, что, мол, не возражаете против представления на защиту моей диссертации.

– Хорошо. Договорились.

– Так я могу рассчитывать? – просящим тоном спросил Кузин.

– Давайте я сначала прочитаю, а потом решим. Позвоните мне... послезавтра.

– Ой, Андрей Петрович, это будет поздно. Можно, я позвоню вам завтра утром?

– Так что мне, читать вашу диссертацию всю ночь?

– Да что там читать, вы там все знаете! – выпалил Кузин и, поняв, что сказал лишнее, улыбнулся своей виноватой улыбкой. – Ведь тема вам известная. Вы же – самый крупный специалист...

– Слушайте, Олег Юрьевич, – поморщился Орлов от ничем не прикрытой лести, – хватит! Я устал. Договорились. Звоните мне завтра часов в двенадцать. Я вам дам ответ. А сейчас мне еще нужно тут кое-что закончить.

– Спасибо, Андрей Петрович! – Кузин отвесил поклон. – Я завтра позвоню. А вы никуда не уезжаете?

– Нет. Все! До завтра!

– До свидания.

Когда Кузин закрыл за собой дверь, Орлов почувствовал сильное облегчение. Прошло более двух лет, как он не видел Кузина, а тот остался все таким же прилипчивым, угодливо-льстивым и наглым. Когда таким людям что-либо нужно, они готовы переступить через любые правила приличия, поступиться собственным самолюбием, вызвать к себе жалость и

даже сострадание. Такие люди, сами не умеющие что-либо создавать, привыкли паразитировать на результатах чужого труда, создавая видимость своей значимости. Прикрывая словесной шелухой скудость своего мышления, они, как правило, отличаются непреклонной настойчивостью в достижении своих целей. Их не останавливает даже то, что ради этого им самим надо иногда идти на унижение, ибо потом, достигнув желаемого, они с лихвой восполняют затраченные силы, никогда не испытывая ни малейшего чувства благодарности к тем, кто когда-то оказывал им помощь. Более того, они даже презирают тех, кто протянул им руку помощи, усматривая в этом слабость и глупость.

Ночь с 12 на 13 марта 1990 года.

Москва. Крылатское

Ночью Андрей снова, как несколько лет назад, сидел с опусом Кузина, негодуя от того, что должен тратить свое личное время на совершенно непродуктивное занятие. Конечно же, в диссертации Кузина не оказалось ни грамма его собственного творчества. Все было нагло переписано из научного отчета группы Орлова, из аналитических справок и меморандумов. Кузин попросту сдул все от начала до конца, не утруждая себя тем, чтобы хотя бы заменить некоторые фразы, «разбавить» их своими рассуждениями или, наконец, исправить ошибки, допущенные в исследовательской работе.

Сначала Орлов пытался делать карандашные пометки на полях, потом стал выписывать на отдельном листке свои замечания, но, прочитав страниц десять, понял, что все это бессмысленно. Пред ним была не работа самостоятельного ученого, а текст, «содранный» с материалов, подготовленных другими людьми, в том числе самим Андреем. «Вот паразит! – возмущался про себя Орлов. – Ничему за два года не научился. Даже тот урок не пошел ему впрок!»

– Андрюша, ты с кем тут разговариваешь? – Оля положила руки на плечи мужа. – Ты знаешь, сколько времени? Уже третий час ночи!

– Да! Надо ложиться. Завтра тяжелый день. А читать это я больше не могу! – Андрей безразлично оттолкнул от себя толстую пачку машинописного текста.

– Что, работа дополнительная? – с сочувствием спросила жена.

– Да, дополнительная. Ты знаешь, кто ко мне сегодня приходил?

– ???

– Кузин Олег Юрьевич. Помнишь? Он работал у меня в лаборатории.

– Как же! Прекрасно помню. И ту ночь, когда ты за него все сделал, потому что его, кажется, выгоняли с работы.

– Нет, не так! Но все равно – редкий бездельник.

– Опять что-нибудь тебя просит сделать?

– Вот, диссертацию написал!

– Сам?

– Да уж, сам! Сдул все с нашей темы! А теперь просит, чтобы я дал свое согласие на защиту.

– Вот проходимец! И ты согласишься?

– Оля, ну что же теперь – мешать ему?

– Ну, если этот человек сам не может ничего сделать, почему он должен жить за счет других?

Было видно, что жена не на шутку рассердилась. Рассердилась на то, что какой-то Кузин вынуждает мужа сидеть за его бумагами даже глубокой ночью, делая из него усталого и раздраженного человека, наконец, на то, что он, этот Кузин, отнимает даже то небольшое время, которое у них остается для общения и любви. Стройная, с пышной прической темно-каштановых волос, в тонкой ночной рубашке с изящными кружевами, раскрасневшаяся от негодования, она выглядела прекрасно. Может быть, уже в тысячный раз Андрей подумал о том, какой

он счастливый человек, что встретил когда-то эту чудесную женщину, что не ошибся тогда, в далеком семьдесят седьмом, что чувство не обмануло его и она оказалась действительно той самой половинкой, которую некоторые ищут всю жизнь, да так и не могут найти.

Познакомились они с Ольгой в необычных обстоятельствах. Дело было в громадной клинической больнице, расположенной на Измайловском бульваре. Ухудшающееся здоровье Нины Васильевны, мамы Андрея, перенесшей почти двадцать лет назад тяжелую операцию на сердце, снова привело ее на больничную койку. Несмотря на то, что болела тяжело, с приступами удушья, переносила она все это поистине героически: никогда не ныла, не плакала, не просила о помощи. Единственное, наверное, в чем она не могла себе отказать, так это как можно чаще видеть близких. Поэтому Андрей с отцом каждый день навещали ее в маленькой четырехместной палате кардиологического отделения.

Как всегда, в больнице не хватало нянечек для ухода за тяжелыми больными, а мама была как раз такой больной. Ей надо было подать лекарство, воду, отвести ее в туалет, который находился в конце длинного больничного коридора, сплошь уставленного кроватями. Мест не хватало, и если больной лежал в палате, это было уже большой удачей.

В палате вместе с мамой лежали две пожилые женщины и миловидная, хрупкая девушка, кровать которой располагалась ближе к окну рядом с маминой. Андрей сразу обратил внимание на беззащитную фигурку в длинном голубом халатике, подчеркивающим ее стройность и гибкость. Девушка сидела на кровати, время от времени читала какой-то журнал. Ее часто навещали молодая женщина с тонкими чертами лица – ее сестра да темноволосый врач, проходящий ей каким-то родственником.

Как плохо мама ни чувствовала себя, но то, что нужно, она замечала. Как-то раз Нина Васильевна тихо прошептала на ухо сыну:

– Обрати внимание на девочку у окна. Мне кажется, очень симпатичная. И характер у нее неунывающий. Зовут ее Оля.

Андрей улыбнулся, перевел взгляд на незнакомку, листавшую журнал, затем снова на маму и так же тихо ответил:

– Мам, а я уже обратил внимание.

– Ну и хорошо, сынуля, – Нина Васильевна нежно погладила его по волосам. – Я очень хотела бы, чтобы ты был не один.

Олин голос вернул его в настоящее:

– Ну и что ты будешь теперь делать? Этот твой Кузин привык жить на готовеньком. А такие, как ты, создают условия всем этим кузиным, чтоб они думали, что все можно в жизни взять задаром!

– Оля, ну зачем я буду ввязываться во все это? Ну передрал он все! Что, теперь идти и всем кричать: «Кузин – вор! Держите его!»?

– Не надо кричать, но и не надо их поддерживать...

– Ладно, Оля. Давай будем спать. Я ничего писать ему не буду. Как хочет, пусть выкручивается!

– Ну и правильно! – Оля обхватила шею Андрея, прижалась к нему, потом, ловко повернувшись, села ему на колени. – Хватит об этом Кузине! Все Кузин и Кузин! – с шутливой обидой сказала жена. – А меня совсем забыл! То командировки, то работа! Нельзя так! – Она снова улыбнулась и погрозила ему пальчиком. Андрей прижал ее к себе, затем встал, поднял на руки, нежно поцеловал.

– Черт с ним, с этим Кузиным!

13 марта 1990 года.

Москва. Площадь Дзержинского.

Здание КГБ СССР. Кабинет № 420

- Андрей Петрович, здравствуйте! Это Кузин. Я звоню, как договорились.
- Привет, Олег Юрьевич! Я прочитал вашу диссертацию.
- Ну и как?
- Что «как»? Как было, так и есть. Чистой воды плагиат!
- Ну, Андрей Петрович! Какой же это плагиат! Там многое добавлено, я дополнил...
- В общем, Олег Юрьевич, я ничего писать не буду! Хотите – представляйте ее на защиту, хотите... Делайте так, как считаете нужным!
- Андрей Петрович...
- Сразу говорю, я не собираюсь вам мешать. Никуда звонить не буду. В этом можете быть спокойны.
- Андрей Петрович, может быть, все-таки...
- Не надо, Олег Юрьевич! Мы с вами оба понимаем, в чем дело! Два года назад, вы помните...
- Андрей Петрович, я все помню и очень вам благодарен!
- Но, видно, урок не пошел вам впредь! Можете зайти и забрать диссертацию. Меня, к сожалению, после обеда не будет. Но здесь в кабинете со мной Семен Енокович. Вы же его знаете. Он отдаст.
- Андрей Петрович, может быть, все-таки... А если... я вас отблагодарю?
- Олег Юрьевич, не говорите глупостей! А то я передумаю и все-таки напишу бумагу в «Вышку»! Но не такую, как вы просите!
- Я понял! Все!
- Все. До свидания. Желаю успеха! – И Орлов положил трубку.

Когда майор Орлов вернулся из Секретариата, располагавшегося в новом здании Комитета рядом с «Детским миром», он застал Семена Еноковича за странным занятием. Буквально весь рабочий стол его был завален какими-то документами, раскрытыми книгами и тетрадями. Часть из них, видимо, не умещалась на столе, и он разложил некоторые материалы на примыкавшем к нему столе Андрея, на двух стульях и даже на подоконнике.

- Семен Енокович, что это тут у вас? Прямо дым коромыслом!
- Да поручение одно выполняю, – как-то небрежно произнес он.

Но по выражению лица коллеги Орлов видел, что происходит нечто неординарное. Импульсивный Семен Енокович, как истинный армянин обладающий ярко выраженным кавказским темпераментом, не мог скрыть своего возбуждения. Да и поручение, видно, было необычным. Андрей, порывавшийся было расспросить его поподробнее, сдержался, будучи уверенным, что тот сам не утерпит и расскажет, что произошло. Так оно и вышло.

– Ты только никому не говори, Андрюша, – предупредил для начала Семен Енокович. – Пока. Поручили мне, понимаешь, очень интересную вещь. Скажу тебе, для юриста это... Ну, в плане законотворчества и... В общем, я тебе скажу...

Андрею передалось его волнение и какое-то возбужденное нетерпение. Человек одержимый и очень самолюбивый, Семен Енокович с готовностью брался за выполнение даже самого трудного поручения, считая, что может справиться с любым и тем самым доказать другим свое превосходство. Но в этом стремлении никогда не чувствовалось попытки унижить или уязвить кого бы то ни было. Как каждый деятельный человек, в достижении результата при выполнении сложной задачи он усматривал одну из форм самореализации, достижения авторитета и уважения.

– Мне поручили (только ты никому пока не говори!), – понизив голос, произнес Семен Енокович, – подготовить концепцию закона об органах государственной безопасности! Ты понимаешь, какое это дело! Это – великое дело! Наше Положение о Комитете, совсекретное,

оно ведь устарело⁴⁸. Утверждено было еще в пятьдесят девятом году. А сейчас надо – закон. Перестройка идет, все меняется. В общем, надо закон делать. Только пока никому! Это поручение Политбюро!⁴⁹ Виктор Иванович Алексеев тоже участвует... Ты его знаешь. Вот такие дела. Так что мы...

Тогда, действительно, еще мало кто догадывался, что через некоторое время появится Закон об органах государственной безопасности, который введет деятельность КГБ «в правовое поле». Но неумолимый ход событий не снимет накала страстей в обществе и не спасет чекистов от дальнейших нападков со стороны «демократов». И все же в конце мая глава КГБ СССР В.А. Крючков еще достаточно уверенно смотрел в будущее.

ИНТЕРВЬЮ: «...Вопрос: Владимир Александрович, 16 мая был принят и вот недавно опубликован, вступил в силу Закон об органах государственной безопасности в СССР...⁵⁰ Образно говоря, КГБ теперь в законе... Какое, на ваш взгляд, значение будет иметь принятый закон?

Ответ:...Когда законы молчат, тогда в деятельности правоохранительных органов возникает опасность проявлений субъективизма, вплоть до произвола. К чему все это ведет, мы исторически хорошо знаем. Закон же должен стать барьером, надежным гарантом от возможности повторения трагических страниц прошлого, тень которого, хотим мы того или нет, падает совершенно незаслуженно на новое поколение наших сотрудников.

Вопрос: Чем вызвано создание КГБ РСФСР? Что вы можете сказать о протоколе по этому вопросу, подписанном вами и Б.Н. Ельциным?

Ответ: Отсутствие КГБ РСФСР не соответствовало системе федеративного устройства нашего государства, и в новых условиях его создание отвечает объективным потребностям нашего общества.

Мы позитивно относимся к созданию КГБ РСФСР. По уполномочию Президента мною обговорены с Б.Н. Ельциным многие вопросы, связанные с механизмом реализации решений Съезда народных депутатов РСФСР в этой области. В настоящее время идет структурное оформление комитета России. Подписан протокол, которым предусматривается создание специальной комиссии по решению ряда организационных вопросов (структура, задачи, размещение и т. д.).

Имеется принципиальная договоренность о разграничении полномочий между КГБ СССР и КГБ РСФСР, которое вписывается в универсальную схему, закрепленную в Законе об органах государственной безопасности в СССР...» (В.А. Крючков, *Председатель КГБ СССР. «Правда», 29 мая 1991 года*).

ИНФОРМАЦИЯ: «Крючков – слабый человек. Он сыграл трагическую роль в судьбе органов КГБ. Получив, видимо, некие указания от Горбачева, он не противился созданию КГБ РСФСР... Каждая республика имеет свои органы госбезопасности. Поэтому и Россия должна их иметь... Но я никогда на это не пошел бы потому, что я понимал, что это приведет к уничтожению органов КГБ – стового хребта государства... Решающую роль сыграли идеи департизации⁵¹...» (Е.М. Войко, *старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР*).

---

⁴⁸ Положение о КГБ при Совете Министров СССР было утверждено в 1959 году.

⁴⁹ Политбюро ЦК КПСС – высший руководящий орган Коммунистической партии Советского Союза.

⁵⁰ Закон об органах государственной безопасности в СССР был принят на совместном заседании обеих палат Верховного Совета СССР 16 мая 1991 года. 24 мая он был опубликован и вступил в силу.

⁵¹ Департизация – устранение влияния или запрещение деятельности политических партий внутри государственных учреждений и организаций.

ИНФОРМАЦИЯ: «Конечно, Ельцин хотел иметь опору на органы госбезопасности, но именно на СВОЙ Комитет госбезопасности... Но при этом у Крючкова была мысль, что на должность руководителя Российского КГБ он сможет посадить своего человека. Да, это будет как бы самостоятельный орган, но фактически – подразделение КГБ СССР...» (С.С. Дворянкин, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Семен Енокович впервые за все время разговора оторвался от разложенных бумаг, посмотрел на Андрея и, округлив глаза и подняв брови, добавил:

– Ты понимаешь, что будет, дорогой Андрей Петрович! Мы с тобой... – Он сделал какой-то странный жест рукой, как будто ввинчивал в свисающий плафон электрическую лампочку. Наверное, это должно было символизировать предстоящий взлет карьеры или что-то в этом роде.

– Семен Енокович, а за диссертацией приходили?

– Кузин, что ли? Да, был. Забрал. Слушай, какой проныра этот твой Кузин! Подлец, слушай, большой! С такими людьми... Ты знаешь, чего он мне предложил? Говорит: «Дайте мне отзыв на диссертацию», а сам сует какой-то листок. Я спрашиваю: «Это что?», а он говорит: «Отзыв». Я говорю: «Какой отзыв? Я же его еще не писал. Я даже диссертацию твою не читал!» А он говорит мне, ты представляешь: «А вам и читать не надо! Я все тут написал». Какой подлец, слушай! Что предлагал мне! Говорит: «Если вы мне подпишете, я вам помогу «Волгу» новую купить вне очереди!» А, каков! Я, конечно, выгнал его. Слушай, а как он узнал, что я машину менять хочу, а? Ну, подлец! Ты что, ему отзыв дал?

– Нет. Я послал его куда подальше.

– Правильно сделал. И вообще, как такие, слушай, в Комитете работают? Почему их не выгоняют?

– Может, выгонят еще.

– Да, чтоб воздух здесь не портили. А вообще, я скажу тебе, Андрей Петрович, это страшный человек! От таких надо подальше. Он еще покажет себя. Попомни мои слова!

– Вы преувеличиваете, Семен Енокович!

– Нет, дорогой. Ты еще вспомнишь мои слова.

Глава 3. КГБ России: обратный отсчет

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Крылатское

Прохладная водяная струя, бьющая из душа, приятно покалывала кожу, освежала и бодрила. После ночного сна это давало дополнительный заряд энергии и настраивало на активный лад. Был понедельник, и впереди у Андрея ожидалась напряженная неделя. Впрочем, наверное, не менее напряженная, чем предыдущие.

Последние месяцы Орлов работал почти без выходных, и вчерашнее воскресенье, которое он провел дома, было приятным исключением из правила. Вчера вечером была чудесная погода, удивительно тихий августовский вечер, и они с женой и детьми с удовольствием погуляли по Крылатским холмам, любуясь великолепием открывающейся картины: залитой ярким солнечным светом столицей, которая отсюда была видна как на ладони, буйной, не потерявшей еще своей летней свежести зеленью, причудливым пейзажем холмов и горок, между которыми змеилась олимпийская велодорожка.

Сквозь плеск воды Андрей слышал привычное движение за дверью. Оля тоже встала и приступила к своим каждодневным хлопотам на кухне. Оттуда едва доносились звуки музыки – жена не любила заниматься домашними делами в тишине. Послушаешь радиопостановку, какой-нибудь концерт, новости, наконец, – и работа вроде спорится, и время за готовкой пищи и мойкой посуды проходит быстрее.

Интенсивно растирая себе спину мочалкой, Андрей услышал какое-то однообразное бормотание – видно, диктор читал последние известия. И тут в дверь ванной комнаты раздался сильный стук:

– Андрей! Андрей! Открой скорее! Передают по радио!

– Да что там передают такое? Я уже почти закончил, сейчас выхожу! – прокричал Андрей, понимая, что жена хочет привлечь его внимание к какой-то показавшейся важной новости. Держась за стенку, он изловчился и повернул ручку защелки, затем снова встал за штору, отгораживающую пространство над ванной. Оля тут же приоткрыла дверь. Сразу потянуло прохладным воздухом.

– Что там, Оля?

– Андрюш, по-моему, Горбачева сняли. В общем, «заболел» или что-то такое... Слушай сам, я прибавлю звук!

Андрей тем временем выключил душ. Из приемника на кухне доносился необычно серьезный голос диктора: – «...руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем: Первое. В соответствии со статьей сто двадцать семь, часть третья, Конституции СССР и статьей два Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок шесть месяцев с четырех часов по московскому времени девятнадцатого августа 1991 года...»

Когда Андрей вышел из ванной комнаты, диктор уже заканчивал читать «Заявление Советского руководства», подписанное вице-президентом Янаевым, премьер-министром Павловым и первым заместителем председателя Совета обороны Баклановым. Почти в каждом предложении звучала непривычная для уха аббревиатура «ГКЧП⁵²». Это, доселе неведомое, слово резало слух, принося с собой тревогу и неуверенность.

---

⁵² ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР.

ДОКУМЕНТ: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127.7 Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года.

Вице-президент СССР Г.И. Янаев.

18 августа 1991 года» (Указ вице-президента СССР Г.И. Янаева. 18 августа 1991 года).

– Оля, что-то мне не верится, что у Горбачева так резко ухудшилось здоровье! Такой шустрый был все время! Мне кажется, это что-то другое. Может быть, даже военный переворот.

– Да вот и я думаю, еще ж недавно по телевизору показывали, как он с Бушем встречался... Не мог он так быстро заболеть! А может, его... – Оля сделала недвусмысленный жест рукой, как будто провела ножом по горлу.

– Ты что? – Андрей испуганно посмотрел на жену. – Мне надо срочно ехать на работу! Там разберемся. Но чувствую, что все это очень серьезно.

– Давай позавтракай, я уже чай вскипятила...

– Нет, нет, Оля, не могу! Надо срочно ехать. Иваненко, наверное, уже там! Сумку мою дай... «тревожный чемодан»!

Андрей рванулся к телефону. Последовательно набрал несколько номеров и односложно переговорил с несколькими абонентами. При этом разговор был предельно коротким. Последнему он позвонил Славе Бабусенко, начальнику Отдела правительственной связи, совсем недавно влившемуся в состав Российского комитета.

– Алло, Слава? Ты где?

– Дома пока.

– Понятно. Ты радио слышал?

– Да.

– Срочно надо на работу.

– Выезжаю, – не задавая лишних вопросов, ответил Слава.

– Правда выезжаешь?

Вопрос Орлова озадачил Бабусенко. Он в свою очередь спросил его:

– А что, у меня есть какие-то другие варианты?

– Нет, – как-то странно, будто задумавшись, ответил Андрей. – Просто некоторые сомневаются...

Андрей быстро оделся, сделал несколько глотков горячего, только что заваренного чая и, крикнув детям: «Ребята, пока!» – быстро пошел к двери.

– Взял бы хоть пару бутербродиков с собой. Там поешь!

– Там неизвестно, что творится... Поем, не беспокойся!

Жена проводила Андрея до лифта. Перед тем как сесть в него, он привлек ее к себе, обнял, поцеловал в шею.

– Не волнуйся, все будет в порядке! Я позвоню!

Последние слова заглушил стук смыкающихся дверей. Андрей посмотрел на часы. Они показывали семь пятнадцать. Уже набирал обороты день девятнадцатое августа, ставший переломным событием не только в жизни майора Орлова, но и в жизни всех людей громадной страны, простирающейся на два континента. Начался обратный отсчет времени, отпущенного для спасения страны от хаоса и катастрофы.

ДОКУМЕНТ: «Соотечественники! Граждане Советского Союза! В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над

нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М.С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения...

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой...

Страна погружается в пучину насилия и беззакония...

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса...

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса...» (*«Обращение к советскому народу» Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. 19 августа 1991 года*).

19 августа 1991 года, утро.

Москва. Метро. Филевская линия

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Кутузовская», – с дребезжанием объявил магнитофонный голос, двери с привычным грохотом захлопнулись, и поезд тронулся с места.

Андрей стоял у двери, облокотившись на боковую стойку сиденья, хотя это было не очень удобно. На Филевской линии метро, которая большую часть пути проходила на поверхности, платформа была то с правой, то с левой стороны, и стоять у дверей не мешая проходу практически не получалось. Но в это довольно раннее время пассажиров было еще немного, все заходили в вагон и выходили из него не спеша и не толкаясь. Последние дни лета еще продолжали дарить москвичам тепло и солнце, радость отпускного отдыха и дачного сезона, возможность облачаться в легкие рубашки и платья. На станциях «Пионерская» и «Филевский парк» в открытые двери врывались запахи леса и трав, создавая иллюзию, что вы едете не по Москве, а среди березовых рощ и хвойных лесов, зарослей кустарников и заливных лугов.

Среди пассажиров не чувствовалось никакого волнения, вызванного происходящими событиями. Они, как обычно, расселись по сиденьям, и каждый занялся своим «делом» – кто смотрел на мелькающие за окном пейзажи, кто читал журнал или книгу, кто просто дремал под стук колес, покачивая в такт головой. Несколько рабочих в спецовках, похоже, возвращались домой после ночной смены. Старушка с большой плетеной корзиной, заботливо покрытой марлей, везла на рынок нехитрый урожай со своего дачного участка. Подполковник-танкист, одетый в полевую форму и держащий в руке дипломат, наверное, ехал в свою академию, чтобы затем отправиться на командно-штабные учения. В вагоне почти не было видно школьников и студентов, которые во все остальные сезоны года составляли чуть ли не половину всех пассажиров.

«Может быть, они ничего не знают?» – подумал Андрей. Но как бы в опровержение этого предположения один из сидящих рядом рабочих, продолжая, видимо, начатый ранее разговор, громко сказал, обращаясь к своему товарищу:

– Правильно! Этого Горбача давно надо было... Болтает все! Перестройку эту затеял!

Тот, к которому он обращался, только кивнул головой, соглашаясь со своим соседом. Третий, до того безучастно смотревший в окно, тоже поддержал товарища:

– А-а! Какая перестройка!

Чувствовалось, что они были слегка в подпитии. Видно, в конце смены приняли где-то по стакану и теперь ехали по домам.

– Слышь, Михалыч! Про перестройку-то знаешь?

– Чего?

– Анекдот такой. Сначала – перестройка, потом – перестрелка, а затем – переключка!

Понял?

– Так чё сейчас, перестрелка, что ли, будет?

– Может, и перестрелка, кто его знает. Раз чрезвычайное положение, то скоро в Москве войска будут. Вот тебе и перестрелка!

– Ельцин их не пустит! – сказал Михалыч. – Он знаешь, какой крутой мужик!

– Крутой! А у них, у этих, как их...

– ГКЧП! – подсказал другой.

– Да, ГКЧП! У них-то и КГБ, и МВД, и спецназы всякие! Это тебе не фунт изюма! А у демократов чего? Одна болтовня!

Пассажиры вагона, до того как-то совершенно безучастно слушавшие полупьяную трепотню, теперь внимали говорившим. Даже дремлющий пожилой мужчина проснулся и стал с интересом прислушиваться к их болтовне. Потом, улучив момент, когда работяги, наверное уже выложив все, замолчали, веско сказал:

– Мужики! У Ельцина тоже кое-что есть. Не сомневайтесь! У него даже своя милиция есть! Да что милиция! Свой КГБ есть!

– Ну это ты, дядя хватил! КГБ у нас один. Тот, который Крючков возглавляет. А он, между прочим, член этого самого... ГК... ГКЧП! Радио слушать надо! Понял?

Слушая попутчиков, Андрей горько усмехнулся: «Похоже, они не менее осведомлены, чем мы, кадровые сотрудники органов госбезопасности. Правда, об этом ГКЧП никто ничего не слышал до сегодняшнего утра». Это действительно было так. То ли решения готовились в исключительной тайне и в них не посвящались даже руководители высшего звена, то ли не срабатывали какие-то механизмы передачи указаний и распоряжений. Но факт остается фактом: ГКЧП свалился как снег на голову практически всем сотрудникам органов госбезопасности. Да и не только им, а всему населению СССР.

ИНФОРМАЦИЯ: «Меня терзала мучительная мысль: ...Почему мне никто не сообщил о принятых важнейших решениях в жизни страны, затрагивающих задачи обеспечения государственной безопасности... Почему я, председатель КГБ республики, член коллегии КГБ СССР, оказался поставлен в такую ситуацию, что лишен всякой информации о событиях в Москве? Мне не доверяет Центр или происходит что-то сверхнеожиданное? ...Телефонные аппараты всех видов связи молчали... Офицеры приемной председателя КГБ СССР соединить меня по ВЧ-связи с Крючковым отказались, мотивируя это тем, что он проводит совещание...» (Н.М. Голушко, *Председатель КГБ Украины. «В спецслужбах трех государств». Москва, 2009 год*).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Дней за двадцать до ГКЧП Владимир Александрович Крючков собрал руководящий состав центрального аппарата КГБ СССР по обсуждению оперативной ситуации в стране. Из зала задали вопрос:

– Товарищ генерал армии, как вы думаете, сумеет КПСС удержать власть?

– Неужели у вас есть сомнения?...Запомните все: на ближайшие двадцать лет я не вижу никакой силы, способной изменить политическую ситуацию в стране.

Какая повязка была у Председателя КГБ на глазах? Или велась игра? Но почему тогда он не доверял людям, с которыми трудился бок о бок? Не повел за

собой?» (С.Н. Алмазов, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР. «Налоговая полиция: создать и действовать». Москва, 2000 год).

На «Кутузовской» работяги вышли из вагона. Наверное, они все-таки ехали не по домам. Может быть, в общежитие, может быть, в пивбар попить пивка, а может, куда еще. Они ушли, а слова, прозвучавшие в ходе затеянного ими разговора, повисли в воздухе, сея тревогу и сомнения в душах людей.

ИНФОРМАЦИЯ: «Судьба страны решалась в Москве. Это был верхушечный переворот. А с верхушечным переворотом можно было бы бороться, если бы была воля и хоть какая-нибудь стратегия... Но ведь у них не было ничего! Понятно, что они не хотели кровопролития, но рассчитывали, что под страхом демократы сдадут свои позиции... Они ошиблись, потому что оппозиция чувствовала свою силу и поддержку населения... Как можно такое объявлять, как можно народ оповещать, что создан орган, который будет руководить всеми процессами, когда ничего этого не было! Что можно сделать серьезного, если страх овладел ими самими... Я считаю, объявление ГКЧП – это ошибочное решение...» (С.Е. Мартиросов, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Орлов, слушая все эти разглагольствования, только сейчас отчетливо понял, какая опасность таилась в происходящем для него самого. Ведь он являлся сотрудником возникшего всего около трех месяцев назад Комитета государственной безопасности РСФСР. Не прав был один из работяг. К этому времени в нашей стране было уже два КГБ: союзный, который возглавлял генерал армии В.А. Крючков, основной участник ГКЧП, и российский, председателем которого был генерал-майор В.В. Иваненко, подчинявшийся, помимо Крюčkова, Президенту России.

За окном мелькали товарные и пассажирские составы, стоящие на подъездных путях к Киевскому вокзалу, бетонные заборы, хозяйственные постройки, какие-то сооружения, относящиеся к путевому хозяйству. Ведь здесь к линии метро вплотную примыкали пути Киевской железной дороги. Если бы не зеленые пятна кустов и деревьев, все выглядело бы очень неприглядно и бесцветно, производило впечатление хаотического нагромождения самых разных предметов, составляющих неперенные атрибуты всякой железной дороги.

Андрей смотрел на это мельтешение, как будто пытался уловить какую-то закономерность в этом хаосе, усмотреть в беспорядке логику организации транспортных потоков одного из самых крупных вокзалов столичного города. Он смотрел на все это, а у него перед глазами проносились события минувшего года, круто повернувшие жизнь старшего инспектора Инспекторского управления КГБ СССР майора Орлова и заставляющие его теперь тревожиться не только о будущем своей страны, но и о своей собственной судьбе.

Орлову казалось, что после той памятной командировки в Душанбе зимой девяностого года прошла целая вечность. За это время страну трясло, словно она разваливалась на куски. Рушилось и рассыпалось в прах то, что доселе казалось незыблемым, несокрушимым. Многотысячные митинги на улицах и площадях советских городов, шахтерские забастовки, массовые беспорядки и столкновения на национальной почве в Закавказье и Средней Азии, штурм советскими войсками Вильнюсского телецентра, «парад суверенитетов» союзных республик, развал Варшавского Договора⁵³ и СЭВа⁵⁴, объединение Германии, съезды народных депутатов,

---

⁵³ Варшавский Договор – военный союз восточноевропейских государств под эгидой СССР, существовавший с 1955 по 1 июля 1991 года.

⁵⁴ СЭВ – Совет экономической взаимопомощи – межправительственная экономическая организация восточноевропейских государств под эгидой СССР, действовавшая с 1949 по 1991 год.

полную трансляцию которых смотрела вся страна, введение постов и избрание президентов Союза и республик, мэров городов. Но это было лишь прелюдией к все возрастающему противоборству, а если точнее сказать, к смертельной схватке между Горбачевым и Ельциным. За первым стояли годы перестройки, когда вместо желанного для всех обновления жизни наступила форменная вакханалия, усилилось неверие людей во власть и ее способность вывести страну, как тогда говорили, из «исторического тупика», когда разочарование стало все больше и больше уступать место озлобленности и ненависти. За вторым была надежда на обретение новых ориентиров в жизни, открывающих путь к «утраченным ценностям», богатству и свободе, призрачная надежда на то, что, отказавшись от прошлого, можно сразу шагнуть в очередное светлое будущее, теперь уже капиталистическое.

ИНФОРМАЦИЯ: «Мы видели, что творится, мы понимали, что совершенно предательство. Более того, в отношении Михаила Сергеевича Горбачева у меня лично еще в конце 1988 года сформировалось твердое убеждение, что он – предатель, что он предает интересы нашей державы, что он ведет Союз к развалу... Мне тогда на стол ложились серьезные оперативные материалы, и я знал, что действительно происходит в стране...» (Е.М. Войко, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

ИНФОРМАЦИЯ: «...Горбачев ходил по канату между реформаторами, которых когда-то сам привел к власти, и коммунистами, сторонниками жесткой линии, убежденными, что он был ответственным за крушение старого порядка в Восточной Европе и сокращение своей собственной власти. Советский лидер уже давно утратил контроль над темпами перемен, и его перестройка выглядела устаревшей и малопривлекательной даже в глазах многих его сторонников» (М. Бирден, руководитель отдела ЦРУ США. «Главный противник». Москва, 2004 год).

ИНФОРМАЦИЯ: «Когда началась перестройка, большинство сотрудников органов КГБ восприняли ее с воодушевлением... У меня был настрой на демократическую работу органов госбезопасности, чтобы не было галочек-палочек для отчетности, чтобы не было показухи... У меня был тогда девиз: «За свободный труд свободного оперработника!» Чтобы к нему стали относиться с большим доверием. Поэтому я делал выбор в пользу демократии...» (В.Б. Ямпольский, председатель КГБ Чувашии).

Бескомпромиссная борьба между слабеющим союзным руководством и набирающим силу, поддерживаемым большинством народа руководством России привела к тому, что постепенно центр власти в стране стал перемещаться из Кремля в Белый дом. Ну и конечно же, новая власть, озабоченная обеспечением суверенитета России, не могла обойтись без собственной службы государственной безопасности. Можно считать это парадоксом, но в системе КГБ до сих пор существовали территориальные органы во всех союзных республиках, кроме РСФСР. Все краевые и областные управления госбезопасности подчинялись непосредственно КГБ СССР, во главе которого стоял член Политбюро ЦК КПСС В.А. Крючков, и естественно, Б.Н. Ельцин, последовательно «отбирающий» одно за другим властные полномочия от ненавистного ему «союзного центра», не мог не прийти к реализации идеи создания Российского КГБ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я тогда был заместителем начальника Центра общественных связей Управления КГБ по Москве и Московской области.

Мы знали, что формируется Российский комитет, и воспринимали это нормально. Правда, у нас, в Московском управлении, говорили, что на НАШЕЙ базе будут создавать КГБ России. Раз наш начальник Прилуков является зампредом КГБ, то в конечном итоге именно наше Московское управление станет КГБ РСФСР. А зачем создавать что-то еще? Есть центральный аппарат КГБ СССР и самое крупное управление. Вполне логично. Мы тогда только об этом и говорили...» (А.В. Олигов, начальник Отдела общественных связей КГБ России).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Я думаю, что установка образовать самостоятельное подразделение правительственной связи в рамках КГБ РСФСР принадлежит Ельцину. Он понимал, что это – инструмент управления... У нас же некоторые руководители, ортодоксально настроенные в вопросе формирования новых структур КГБ... опасаящиеся, что появится альтернативная структура, да, не дай бог, эффективная, активно сопротивлялись созданию нового подразделения...»

Меня пригласил начальник Управления правительственной связи Беда и сказал, что я должен буду возглавить Отдел правительственной связи КГБ РСФСР. «Я надеюсь, что вы будете патриотом нашего управления и будете проводить наши интересы». Я ответил, что не вижу никакого антагонизма... Тогда я еще не понимал о чем идет речь... Они чувствовали, что Советский Союз рано или поздно погибнет... а развивающееся подразделение правительственной связи КГБ России фактически заменит Управление правительственной связи КГБ СССР...

Я военный человек. Мне сказали: «Надо!» – и я пошел. Так я стал начальником Отдела правительственной связи КГБ РСФСР» (В.Н. Бабусенко, начальник Отдела правительственной связи КГБ России).

Работая в Инспекторском управлении, Орлов, разумеется, знал, какие острые баталии развернулись по поводу образования новой структуры безопасности. Он знал также и то, что «демократы», лихорадочно подбирающие кандидатуру на должность ее руководителя, остановили свой выбор на генерал-майоре Иваненко, заместителе начальника Инспекторского управления КГБ СССР.

ДОКУМЕНТ: «Тов. Иваненко Виктор Валентинович... генерал-майор – 15.04.91 г...

Число, месяц и год рождения – 19.09.1947.

Место рождения – дер. Кольцовка Ишимского района Тюменской области. Национальность – русский. Образование – высшее. Окончил (когда, что) – в 1970 году Тюменский индустриальный институт. Специальность по образованию – автоматика и телемеханика...

Имеет ли партийные взыскания – не имеет.

Какими орденами и медалями СССР награжден – орден Красной Звезды – 1985 г., 5 медалей.

Семейное положение – женат, жена Иваненко Людмила Ивановна 1946 г.р., дочь – Светлана 1968 г.р., дочь – Марина 1971 г.р., дочь – Надежда 1982 г.р.

Трудовая деятельность и военная служба...

1990–1991 – заместитель начальника Инспекторского управления КГБ СССР.

1991–1991 – прикомандирован к Государственному комитету РСФСР по обороне и безопасности.

1991–1991 – первый заместитель председателя Комитета государственной безопасности РСФСР с возложением исполнения обязанностей председателя КГБ РСФСР...» (Кадровая справка формы № 3 на В.В. Иваненко).

Андрей не мог похвастаться приятельскими отношениями с Виктором Валентиновичем. Во-первых, они были в разных «весовых категориях»: один – старший инспектор в звании майора, другой, можно сказать, его начальник в звании генерал-майора, правда назначенный на свою должность совсем недавно. Во-вторых, Андрею почти не довелось близко контактировать с Иваненко. Тот курировал территориальные органы, а Орлов занимался анализом оперативной и социально-политической обстановки и подготовкой обобщающих документов по отдельным проблемам. Впрочем, однажды, когда Андрей готовил очередную шифровку об оперативной обстановке накануне какого-то массового митинга, им пришлось неоднократно общаться. Наверное, именно тогда Иваненко обратил внимание на вдумчивого и добросовестного сотрудника, у которого неплохо получалось готовить серьезные документы, которые периодически ложились на стол Председателя КГБ СССР. Потом при встречах Андрей не раз ловил на себе одобрительный и, как казалось ему, изучающий взгляд Иваненко.

«Когда он первый раз заговорил со мной о Российском комитете? – пытался вспомнить Андрей. – Наверное, это было где-то в начале весны девяносто первого, когда я закончил работу над докладом Верховному Совету».

Это было очень почетное, но одновременно и трудное задание. Однажды Лео Альфредович вызвал Орлова к себе в кабинет и, как всегда, в своей бесстрастной манере сказал ему:

– Андрей, тебе есть поручение. Очень ответственное. Ты же знаешь, готовится закон о КГБ. Так вот, принято решение – подготовить подробный доклад о работе Комитета госбезопасности и представить его в Верховный Совет СССР, для того чтобы с ним могли ознакомиться все депутаты. Это будет делаться впервые за всю историю органов.

– А сколько у меня времени? Ведь это, я так понимаю, будет достаточно объемный документ.

– Да, страниц сто... Я думаю, у тебя пара месяцев для этого есть.

У Андрея сразу появилась масса задумок, как лучше изложить материал, какую форму повествования избрать, до какой степени довести его детализацию. Работа была интересной и в определенной степени творческой. Лео Альфредович очень внимательно и доброжелательно помогал Орлову, но в основном заниматься докладом приходилось ему самому. Наиболее трудным было «выколачивание» и компоновка материала, потому что для подразделений КГБ было совершенно непривычным «приоткрывать» завесу над своей деятельностью, хотя совершенно понятно, что в новой системе отношений спецслужба, при всей скрытности ее деятельности, уже не может быть «вещью в себе». Власть в лице парламента должна быть информирована о ее деятельности и уверена в том, что она не может быть использована в антиконституционных целях.

Андрей работал над докладом с большим подъемом, даже с некоторым упоением. Ведь результаты его работы должны были не только докладываться на самый верх в Комитете госбезопасности, но и стать предметом рассмотрения на Верховном Совете страны. А то, что к подобному материалу будет проявлен очень большой интерес, он не сомневался. Поэтому дня ему явно не хватало и заканчивал работу он только тогда, когда чувствовал уже полное опустошение, когда голова уже была не способна что-либо воспринимать и тем более формулировать какие-нибудь новые идеи. Приходил домой он очень поздно, когда дети уже давно спали, и только Оля ждала его, читая книгу или сидя у телевизора.

Наконец, настал день, когда доклад оказался на столе первого заместителя Председателя КГБ Гения Евгеньевича Агеева. За всю свою предшествующую службу в Комитете Андрей не

знал в лицо почти ни одного руководителя своего ведомства. Пожалуй, более или менее близко ему довелось увидеть только Крючкова и его первого заместителя Бобкова, да и притом только на больших собраниях в клубе Дзержинского, когда там подводились итоги года и производилось награждение личного состава. Филипп Денисович Бобков даже однажды побывал в «Прогнозе», где тогда работал Орлов, провел совещание, расспросил сотрудников о их проблемах.

Председатель КГБ СССР Крючков, правда, один раз на памяти Андрея собрал коллектив Инспекторского управления, чтобы представить ему нового начальника, назначенного вместо Сергея Васильевича Толкунова. Тогда это вызвало нечто вроде шока у большинства сотрудников управления.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА: «Совещание проводилось в зале коллегии. За большим столом сидят Крючков, Толкунов, зам по кадрам и... знакомый нам Игорь Алексеевич Межаков, который был тогда председателем КГБ Чечено-Ингушетии. Все поняли, о чем идет речь. Выступает Председатель, говорит какие-то слова про Толкунова, характеризует Межакова, как нового начальника Инспекторского управления КГБ СССР.

...Откровенно говоря, меня и моих коллег поразило это совещание, которое проходило как бы в отрыве от того, что творится на улице... Выступал Крючков в традиционном стиле, как будто в стране ничего не происходило... Об усилении агентурно-оперативной работы, о совершенствовании планирования и качества инспекторских проверок... Мы с сидящими рядом коллегами переглянулись... Кто-то предложил: «Может быть, встать и спросить, как нам действовать в условиях, когда вся страна бурлит, на площадях митинги, призывы к смене власти? Что делать нам, чекистам? Дайте, хоть указание, как поступать, чтобы не накалять обстановку!» (С.Е. Мартыросов, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

Кабинет Агеева, тоже первого заместителя Председателя КГБ СССР, размещался на одном этаже с Инспекторским управлением, и Орлов, проходя мимо него, каждый раз думал о том, что за этими дверями решаются исключительно важные вопросы обеспечения государственной безопасности. Его воображение рисовало людей, склоненных над столом, на котором разложены карты, агентурные сообщения, шифровки, сводки наружного наблюдения и какие-то другие документы. Они, эти люди, взвешивая все «за» и «против», принимают единственно верное решение – захватить вражеского агента с поличным, пресечь деятельность шпионской резидентуры или провести захват иностранного разведчика во время осуществления им тайниковой операции. Словом, так, как это ему представлялось по фильму «Место встречи изменить нельзя».

Как-то Андрей, проходя по коридору, услышал, как кто-то полупшепотом сказал:
– Агеев! Агеев идет!

Сначала Орлов увидел, как сотрудники, находившиеся в коридоре, замерли, став по стойке смирно, и уже потом обратил внимание на приближающуюся фигуру высокого человека в черном костюме и крупных роговых очках. Он шел быстрой и уверенной походкой. Его шаги были четкими и твердыми. Андрей тоже встал спиной к стене там, где его застало это необычное событие, и, вытянув руки по швам, внимательно смотрел на большого начальника. Тот, не обращая ни на кого внимания, проследовал в другой конец коридора, по-видимому направляясь к лифту, который должен был его спустить вниз, прямо к подземному переходу в другое здание. Председатель КГБ СССР к тому времени размещался уже в новом, сравнительно недавно построенном здании, стоящем рядом с «Детским миром».

ИНФОРМАЦИЯ: «Основные вопросы Толкунов согласовывал с Гением Евгеньевичем. Он полностью поддерживал все начинания по совершенствованию работы органов госбезопасности... Агеев был один из тех, как говорил Толкунов, кто критическую ситуацию в стране прекрасно понимал. Но он был заместителем Крючкова и в общем-то ничего не мог предпринять...» (С.Е. Мартиросов, старший инспектор Инспекторского управления КГБ СССР).

СПРАВКА: «Агеев Гений Евгеньевич (1929–1997). До 1965 г. на комсомольской и партийной работе в Сибири... В 1965–1973 гг. работал начальником управления КГБ по Иркутской области. В 1973–1974 гг. – начальник управления кадров КГБ при Совете министров СССР. В 1974–1981 гг. – секретарь парткома КГБ. В 1981–1983 гг. – начальник 4-го (транспортного) управления КГБ СССР. Заместитель председателя КГБ СССР в 1983–1990 гг., первый заместитель председателя КГБ СССР с августа 1990 г. по август 1991 г. Народный депутат РСФСР с 1990 г. (полномочия сняты в связи с арестом). В сентябре 1991 г. был арестован по обвинению в участии в государственном перевороте, в начале 1992 г. освобожден по болезни» («Энциклопедия секретных служб России». Москва, 2004 год).

В течение какого-то времени Орлов находился в полном неведении относительно судьбы своего «произведения» и очень волновался по этому поводу. Лео Альфредович его успокаивал, но, видно, сам переживал за Орлова, потому что знал: в КГБ не принято отклоняться от привычной формы подачи материала, а уж тем более публично расставлять акценты на результатах своей деятельности. Но смысл доклада состоял как раз в том, чтобы дать развернутый анализ работы одной из самых мощных спецслужб в мире, предоставив возможность депутатам объективно оценивать ее деятельность, и вместе с тем не выдать ни одной тайны, не сообщить никаких сведений, которые могли бы быть использованы иностранными спецслужбами в ущерб интересам СССР.

Прошло, наверное, недели две, прежде чем Орлов наконец узнал результат. Лео Альфредович, снова пригласив его в кабинет, торжественно сказал:

– Андрей, Агеев прочитал твой доклад и сказал, что в принципе доволен... Ну, как ты его построил, стиль изложения материала и все такое. Он там сделал замечания по тексту. Ты быстренько все исправь. Покажешь мне и отдадим в перепечатку. Давай, не теряя время!

Орлов, воодушевленный высокой оценкой большого начальства, стал листать страницу за страницей. Текст он знал назубок, и его интересовали только пометки Агеева. Сначала их было немного и, в основном, они носили характер редакционных замечаний. Но когда Андрей дошел до тех разделов текста, где давались сводные данные о результатах работы Комитета, а также о расходах на его содержание, он увидел полностью перечеркнутые страницы. Причем было видно, что человек, читающий текст, был не просто раздражен, а по-настоящему взбешен: как посмели включить эти сведения в доклад, который должен стать достоянием гласности! Статистика и бюджет всегда были одними из самых охраняемых сведений!

– Лео Альфредович, но ведь в доклад Верховному Совету нельзя не дать такие сведения! На дворе – девяносто первый год! Наоборот, мы должны сейчас всем продемонстрировать, что КГБ не какая-то там «террористическая организация», а защитник интересов государства и общества, что...

– Ну что ты меня убеждаешь, Андрей? Я согласен с тобой. Ты пойми, они все консерваторы! Они по-другому не могут!

– Но Лео Альфредович! Если мы укажем данные о том, сколько выявили шпионов, это же не нанесет ущерба! Ведь мы дадим только цифру! Наоборот, мы докажем, что хлеб едим не зря!

Потом, мне кажется, что весь материал должен быть более самокритичным! А то похвальба какая-то получается!

Лео Альфредович, хитро прищурившись, посмотрел на Андрея, всем своим видом показывая, что все понимает, все знает, но дискутировать на эту тему считает бессмысленным. Однако, чтобы не расстраивать Орлова, все-таки предложил ему:

– Напиши служебную записку Агееву. Все, что говоришь сейчас мне, напиши в ней. Только короткую, на одну страничку!

– Хорошо, я сейчас же напишу!

И майор Орлов, абсолютно убежденный в правильности своей позиции и убедительности приводимых им доводов, немедленно засел за записку. Позволив себе не согласиться с мнением «второго человека в КГБ», он писал, что, дескать, на его взгляд, доклад, направляемый в высший законодательный орган страны, должен быть достаточно самокритичным, содержать точные и объективные данные, в том числе цифровые, «открывать» ранее закрытую статистику, например, численность органов госбезопасности, их бюджет, показатели по некоторым результатам. Написал все это Орлов на одном дыхании и, предварительно показав Лео Альфредовичу, передал помощнику Агеева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.